МОСТ ДРУЖБЫ
КОНКУРС МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

2

ПОСТОЯННЫЙ КОМИТЕТ
СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

МОСТ ДРУЖБЫ
КОНКУРС МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

ЛІТАРАТУРНЫ АЛЬМАНАХ

ПАСТАЯННЫ КАМІТЭТ
САЮЗНАЙ ДЗЯРЖАВЫ

УДК 821.161.1+821.161.3-822
ББК 84(2Рос=Рус)
Л64

Выпуск издания осуществлён по заказу
Постоянного Комитета Союзного государства

Л64 **Литературный** альманах = Літаратурны альманах. Вып. 2 – Минск : Звязда, 2015. – 352 с.

Во второй выпуск «Литературного альманаха» вошли произведения лауреатов II Международного литературного конкурса молодых белорусских и российских литераторов Союзного государства «Мост Дружбы», учреждённого Постоянным Комитетом Союзного государства.

УДК 821.161.1+821.161.3-822
ББК 84(2Рос=Рус)

© Постоянный Комитет Союзного государства, 2015
© Оформление. РИУ «Издательский дом «Звязда», 2015
© Сивец Т. Н., перевод, 2015
© на рассказы принадлежит авторам произведений

Григорий Рапота

Государственный секретарь Союзного государства

Плодотворное сотрудничество российских и белорусских литераторов складывалось на протяжении не одного столетия. Продолжается оно и сейчас.

Сегодня интернет-формат творчества соперничает с традиционной литературой. Однако ни одно из современных средств коммуникации не может столь же полно выполнить её воспитательную задачу. Именно на писателей ложится огромная ответственность за то, каким будет общество завтра, насколько думающими станут наши потомки.

Подрастает новое поколение молодых людей, пробующих себя в литературном творчестве. Кто-то из них, хочется верить, через десять-двадцать лет станет известным, прославит свою страну. Но в начале этого пути их нужно поддержать. Именно такую задачу выполняет Конкурс молодых литераторов Союзного государства «Мост Дружбы», ориентированный на поиск и поддержку молодых талантливых авторов, привлечение их внимания к истории, культуре и литературным традициям России и Беларуси, строительству Союзного государства.

Подведены итоги второго такого конкурса. Жюри состояло из профессиональных литературоведов, специалистов по классическим произведениям, которые оценивали работы по целому ряду показателей. По их мнению, уровень присланных рассказов – высокий, их авторы обладают данными, позволяющими надеяться, что у них есть шанс найти своё место в литературе. Уже сейчас это думающие, тонко чувствующие люди.

Григорий Рапота
Государственный секретарь Союзного государства

Плённае супрацоўніцтва расійскіх і беларускіх літаратараў стваралася на працягу не аднаго стагоддзя. Працягваецца яно і сёння.

Зараз інтэрнэт-фармат творчасці супернічае з традыцыйнай літаратурай. Аднак ні адзін з сучасных сродкаў камунікацыі не можа гэтак жа поўна выканаць яе выхаваўчую задачу. Менавіта пісьменнікі нясуць велізарную адказнасць за тое, якім будзе грамадства заўтра, наколькі думаючымі стануць нашы нашчадкі.

Падрастае новае пакаленне маладых людзей, якія спрабуюць свае сілы ў літаратурнай творчасці. Нехта з іх, хочацца верыць, гадоў праз дзесяць-дваццаць стане вядомым, праславіць сваю краіну. Але ў пачатку гэтага шляху іх трэба падтрымаць. Менавіта такую задачу выконвае Конкурс маладых літаратараў Саюзнай дзяржавы «Мост Дружбы», арыентаваны на пошук і падтрымку маладых таленавітых аўтараў, прыцягненне іх увагі да гісторыі, культуры і літаратурных традыцый Расіі і Беларусі, будаўніцтва Саюзнай дзяржавы.

Падведзены вынікі другога такога конкурсу. Журы складалася з прафесійных літаратуразнаўцаў, спецыялістаў па класічных творах, якія ацэньвалі работы па цэлым шэрагу паказчыкаў. На іх думку, узровень дасланых апавяданняў – высокі, іх аўтары маюць даныя, якія дазваляюць спадзявацца, што ў іх ёсць шанс знайсці сваё месца ў літаратуры. Ужо зараз гэта людзі, якія думаюць і тонка адчуваюць.

Творы пераможцаў і ўдзельнікаў конкурсу «Мост Дружбы» сабраны ў «Літаратурны альманах».

Произведения победителей и участников конкурса «Мост Дружбы» собраны в «Литературный альманах». Хочу поблагодарить наших итальянских друзей из Ассоциации «Познаём Евразию», которые являются авторами идеи проведения такого литературного конкурса и входят в состав его жюри.

Желаю нашим победителям идти вперёд, верить в свои силы и в Большую литературу.

Хачу падзякаваць нашым італьянскім сябрам з Асацыяцыі «Пазнаем Еўразію», якія з’яўляюцца аўтарамі ідэі правядзення такога літаратурнага конкурсу і ўваходзяць у склад яго журы.

Жадаю нашым параможцам ісці наперад, верыць у свае сілы і ў Вялікую літаратуру.

Члены экспертного совета:

Анатолий Николаевич Андреев, прозаик, доктор филологических наук, профессор.

Александр Николаевич Бадак, директор издательства «Мастацкая літаратура».

Александр Константинович Кожедуб, писатель.

Елена Александровна Овчаренко, помощник Государственного секретаря Союзного государства.

Полина Викторовна Пахомова, помощник по специальным проектам Председателя Совета директоров ЗАО «Банк Интеза» и Президента Ассоциации «Познаём Евразию».

Татьяна Николаевна Сивец, главный редактор еженедельника «Літаратура і мастацтва».

Александр Петрович Торопцев, прозаик, доцент Литературного института им. А. М. Горького, главный редактор журнала «Проза», главный редактор журнала «Вестник детской литературы».

Александр Миронович Ушаков, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы.

Члены экспертнага савета:

Анатоль Мікалаевіч Андрэеў, празаік, доктар філалагічных навук, прафесар.

Аляксандр Мікалаевіч Бадак, дырэктар выдавецтва «Мастацкая літаратура».

Аляксандр Канстанцінавіч Кажадуб, пісьменнік.

Алена Аляксандраўна Аўчарэнка, памочнік Дзяржаўнага сакратара Саюзнай дзяржавы.

Паліна Віктараўна Пахомава, памочнік па спецыяльных праектах Старшыні Савета дырэктараў ЗАТ «Банк Інтэза» і Прэзідэнта Асацыяцыі «Пазнаём Еўразію».

Таццяна Мікалаеўна Сівец, галоўны рэдактар штотыднёвіка «Літаратура і мастацтва».

Аляксандр Пятровіч Торапцаў, празаік, дацэнт Літаратурнага інстытута імя А. М. Горкага, галоўны рэдактар часопіса «Проза», галоўны рэдактар часопіса «Веснік дзіцячай літаратуры».

Аляксандр Міронавіч Ушакоў, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута сусветнай літаратуры.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ

МАЛАДЫЯ РАСІЙСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ

Евгений Капустин	Яўген Капусцін
Илья Луданов	Ілья Луданаў
Георгий Фомин	Георгій Фамін
Ирина Иванникова	Ірына Іваннікава
Мария Первушина	Марыя Пярвушына
Елизавета Рожкова	Лізавета Ражкова
Юлия Богданова	Юлія Багданава

Евгений Капустин

Яўген Капусцін

Евгений Капустин родился 19 сентября 1984 года. Окончил Санкт-Петербургский Государственный Морской Технический университет. По специальности — сервис-инженер систем автоматизации морской техники. Поэт, прозаик, драматург, переводчик. Куратор международного культурного проекта «Отзвуки небес», редактор-составитель одноимённого международного сборника современной духовной поэзии. Автор сборников стихов «От времени к вечности», публикаций в сборниках, газетах и журналах России и зарубежья. Лауреат многочисленных конкурсов и фестивалей. Награждён Почётным серебряным знаком имени Святой Татьяны (2010).

Яўген Капусцін нарадзіўся 19 верасня 1984 года. Скончыў Санкт-Пецярбургскі дзяржаўны марскі тэхнічны ўніверсітэт. Па спецыяльнасці – сервіс-інжынер сістэм аўтаматызацыі марской тэхнікі. Паэт, празаік, драматург, перакладчык. Куратар міжнароднага культурнага праекта «Водгукі нябёсаў», рэдактар-укладальнік аднайменнага міжнароднага зборніка сучаснай духоўнай паэзіі. Аўтар зборніка вершаў «Ад часу да вечнасці», публікацый у зборніках, газетах і часопісах Расіі і замежжа. Лаўрэат шматлікіх конкурсаў і фестываляў. Узнагароджаны Ганаровым сярэбраным знакам імя Святой Таццяны (2010).

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ И НЕ ТОЛЬКО

Рассказчики:
Капустин Николай Петрович, родился 19 декабря 1931 года. Деревня Новинка, Тихвинский район Ленинградской области.
Капустина (Трошкова) Любовь Ивановна, родилась 4 сентября 1930 года. Деревня Ваньково, Тихвинский район Ленинградской области.

До войны

Л. И.: Свёкор участвовал в Германской войне (в Первой мировой). Их часть стояла в Финляндии. Немцы всех захватили, угнали в Германию. Пять лет он провёл в плену. Его держали в холодном сарае. Отморозил пальцы ног — пришлось ампутировать. Спасла его немка-доярка: выкормила, отогрела.
Все уже думали, что он погиб, никто не ждал, что вернётся.
Однажды на Троицу свекровь собралась идти в соседнюю деревню на престольный праздник. Перед уходом наказала всем домашним: «Сегодня мой муж Пеша придет. Сводите его в баню, дайте чистое бельё!». Все переглянулись, пожали плечами — решили, что тётя Феня из ума выжила. Но к обеду свёкор пришёл! Как она велела, его сводили в баню, дали переодеться в чистое бельё, и он отправился вслед за супругой.
Л. И.: Был в наших краях знаменитый разбойник Ланцов. Здоровенный, высокий. Страшный! Ловкий и до чего сильный! Однажды в тюрьме руками разжал решётку и сбежал. В другой раз ушёл из камеры через дымоход.
Ланцов — личность знатная. Все боялись одного его имени. Все бандиты стремились подражать ему, учились у него. Про него даже песню сочинили. Народ знал эту песню, но теперь она забылась.

УСПАМІНЫ ПРА ВАЙНУ І НЕ ТОЛЬКІ

Апавядальнікі:
Капусцін Мікалай Пятровіч, нарадзіўся 19 снежня 1931 года. Вёска Навінка, Ціхвінскі раён Ленінградскай вобласці.
Капусціна (Трашкова) Любоў Іванаўна, нарадзілася 4 верасня 1930 года. Вёска Ванькава, Ціхвінскі раён Ленінградскай вобласці.

Да вайны

Л. І.: Свёкар удзельнічаў у Германскай вайне (у Першай сусветнай). Іх часць стаяла ў Фінляндыі. Немцы ўсіх захапілі, пагналі ў Германію. Пяць гадоў ён правёў у палоне. Яго трымалі ў халодным хляве. Адмарозіў пальцы ног, прыйшлося ампутаваць. Выратавала яго немка-даярка – выкарміла, адагрэла.
Усе ўжо думалі, што ён загінуў, ніхто не чакаў, што вернецца.
Аднойчы на Тройцу свякроў сабралася ісці ў суседнюю вёску на прастольнае свята. Перад сыходам наказала ўсім хатнім: «Сёння мой муж Пеша прыйдзе. Адвядзіце яго ў лазню, дайце чыстую бялізну!». Усе пераглянуліся, перасмыкнулі плячыма – вырашылі, што цётка Феня з глузду з'ехала. Але да абеду свёкар прыйшоў! Як яна загадала, яго адвялі ў лазню, далі пераапрануцца ў чыстую бялізну, і ён выправіўся следам за жонкай.
Л. І.: Быў у нашых краях знакаміты разбойнік Ланцоў. Здаравенны, высокі. Страшны! Спрытны і да чаго моцны! Аднойчы ў турме рукамі расціснуў краты і збег. Іншым разам вылез з камеры праз комін. Ланцоў – асоба выбітная. Усе баяліся аднаго яго імені. Усе бандыты імкнуліся быць падобнымі на яго, вучыліся ў яго. Пра яго нават песню склалі. Народ ведаў гэтую песню, але цяпер яна забылася.

Всю округу в страхе держал со своей бандой. Грабили всех проезжающих и проходящих. Всё отбирали, у кого-то и одежду снимали. Иногда убивали. А оружие у них было — только ножи, колья да сильные руки.
Шёл на танцы парень в красивом костюме. Попался Ланцову — тот его убил, думал, что если в костюме, значит богатый. А у парня в карманах только три копейки оказалось. Ланцов потом сокрушался: «За три копейки человека убил! Всю жизнь жалеть буду!».
Девушка ехала с мужиками. У неё кобыла ленивая — чтобы заставить бежать, нужно долго хлыстом работать. Ехали через лес, заметили разбойников. Мужики сразу ускакали вперёд, а моя подруга пока хлестала кобылу — подошли разбойники с кольями. Один хотел лошадь по голове ударить, да промахнулся, попал девушке колом по бедрам. Тут кобыла понесла и проскочила сквозь толпу бандитов. А когда подруга выехала из лесу — встретила своих спутников, они её тут ждали. Видели, что она отстала, но вернуться не рискнули.
Вёл мужик корову в город продавать. На дороге в лесу Ланцова и встретил, да не узнал, — его не все знали в лицо. Разбойник спрашивает: «Куда путь держишь?». Мужик искренне отвечает: «На базар иду корову продавать, да Ланцова боюсь». А Ланцов улыбнулся: «Не бойся, Ланцов тебя не тронет!». А действительно — зачем бандитам корова? Возиться с ней… Им деньги нужны!
Как-то молодая девушка Дуся одна бежала по дороге через лес. Бегом бежала, в жутком страхе перед Ланцовым. На него и наткнулась. Не узнала. Он и говорит: «Иди своей дорогой спокойно. А если попадётся тебе кто-то на пути — говори всем, что Ланцов тебя не тронул, и они не тронут». Дуся так и обмерла, поняв, что перед ней он сам. А когда пришла в себя — побежала дальше что есть духу, не останавливаясь.
Ланцов не обижал тех, кто ему приходился хоть в какой-то степени роднёй. В одной семье его даже иногда пускали ночевать. Кажется, там жила его сестра.

Усё наваколле ў страху трымаў са сваёй бандай. Рабавалі ўсіх, хто ехаў ці ішоў. Усё адбіралі, у кагосьці і вопратку здымалі. Часам забівалі. А зброі ў іх было – адны нажы, калы ды моцныя рукі.

Ішоў на танцы хлопец у прыгожым гарнітуры. Трапіўся Ланцову – той яго забіў, думаў, што калі ў касцюме, значыць багаты. А ў хлопца ў кішэнях толькі тры капейкі аказалася. Ланцоў потым бедаваў: «За тры капейкі чалавека забіў! Усё жыццё шкадаваць буду!».

Дзяўчына ехала з мужыкамі. У яе кабыла лянівая – каб прымусіць бегчы, трэба доўга дубцом працаваць. Ехалі праз лес, заўважылі разбойнікаў. Мужыкі адразу паскакалі наперад, а мая сяброўка пакуль хвастала кабылу – падышлі разбойнікі з каламі. Адзін хацеў каня па галаве ўдарыць, ды прамахнуўся, трапіў дзяўчыне калом па сцёгнах. Тут кабыла панесла і праскочыла праз натоўп бандытаў. А калі сяброўка выехала з лесу – сустрэла сваіх спадарожнікаў, яны яе тут чакалі. Бачылі, што яна адстала, але вярнуцца не рызыкнулі.

Вёў мужык карову ў горад прадаваць. На дарозе ў лесе Ланцова і сустрэў, ды не пазнаў – яго не ўсе ведалі ў твар. Разбойнік пытаецца: «Куды ідзеш?». Мужык шчыра адказвае: «На базар іду карову прадаваць, ды Ланцова баюся». А Ланцоў пасміхнуўся: «Не бойся, Ланцоў цябе не кране». А сапраўды – нашто бандытам карова?.. Ім грошы патрэбныя. Важдацца з ёй!

Неяк маладая дзяўчына Дуся адна бегла па дарозе праз лес. Бегам бегла, у жудасным страху перад Ланцовым. На яго і натыкнулася. Не пазнала. Ён і кажа: «Ідзі сабе спакойна. А калі трапіцца табе хтось на шляху – кажы ўсім, што Ланцоў цябе не крануў, і яны цябе не крануць». Дуся так і абмерла, зразумеўшы, што перад ёй ён сам. А калі апрытомнела – пабегла далей што ёсць духу, не спыняючыся.

Ланцоў не крыўдзіў тых, хто яму даводзіўся хоць у нейкай ступені раднёй. У адной сям'і яго нават часам пускалі начаваць. Здаецца, там жыла яго сястра. Калі Ланцова

Когда Ланцова последний раз арестовывали, он им сказал: «Если и теперь уйду из тюрьмы — отблагодарю, всю жизнь богаты будете!». Ходили слухи, что у него где-то зарыта целая яма с деньгами и драгоценностями. Но на сей раз знаменитый разбойник не вернулся. Говорят, в тюрьме его тайно убили и через заднюю дверь вынесли. Видимо, решили избавиться, не дожидаясь суда.

Л. И.: Рассказывают, что некая девка была очень серьёзно больна, уже лежала при смерти. Отнесли её к бабке, которая заговаривала болезни. У той бабки жила змея. Змея залезла через рот в нутро к девке. Видно было, как змея извивалась в животе. Потом змея вылезла и вытащила болезнь. Девка выздоровела.

Л. И.: Младенцам давали маковое молоко, чтобы лучше спали и не плакали. Тогда не знали, что такое наркотики…

Л. И.: В соседней деревне — на Шижне — перед войной церковь разрушали. Всё убранство вытащили, купола сбили. Колокол сбросили — говорят, он так в землю и ушёл. В церкви потом лошадей держали, капусту солили, затем там располагался клуб.

Свои же мужики разрушали, помню фамилии — Петров, Кузнецов и другие… Все они погибли в войну, все до единого! Лишь Кузнецов вернулся с войны живым — зачах и вскоре скончался. Врачи не могли определить, что у него за болезнь. Просто угас на глазах.

Иконы из разрушенной церкви — большие, метра два на полтора — забрали к некоему Грише, в доме сделали из них перегородку и заклеили обоями. Тогда была мода вешать на стенах фотокарточки. В эту перегородку вбили гвозди и повесили фотографии в рамках. Гвозди сквозь обои вбили в глаза Богоматери — это потом узнали. Человек, который это делал, вскоре ослеп.

Однажды я ночевала в том доме, взрослых с нами не было, лишь старшая дочь хозяина Нюша. Как раз в ту ночь ей во сне явилась Богородица и велела:

апошні раз арыштоўвалі, ён ім сказаў: «Калі і зараз выберуся з турмы – аддзячу, усё жыццё багатыя будзеце». Хадзілі чуткі, што ў яго недзе закапана цэлая яма з грашыма і каштоўнасцямі. Але гэтым разам знакаміты разбойнік не вярнуўся. Кажуць, у турме яго таемна забілі і праз заднія дзверы вынеслі. Мабыць, вырашылі пазбавіцца, не чакаючы суда.
Л. І.: Кажуць, нейкая дзеўка была вельмі сур'ёзна хворая, ужо ляжала пры смерці. Аднеслі яе да бабкі, якая хваробы загаворвала. У той бабкі жыла змяя. Змяя залезла праз рот у нутро да дзеўкі. Відаць было, як змяя выгіналася ў жываце. Потым змяя вылезла і выцягнула хваробу. Дзеўка ачуняла.
Л. І.: Немаўлятам давалі макавае малако, каб лепш спалі і не плакалі. Тады не ведалі, што такое наркотыкі...
Л. І.: У суседняй вёсцы – на Шыжне – перад вайной царкву руйнавалі. Усё ўбранне выцягнулі, купалы збілі. Звон скінулі – кажуць, так ён у зямлю і пайшоў. У царкве потым коней трымалі, капусту салілі, пасля там клуб месціўся.
Свае ж мужыкі разбуралі, памятаю прозвішчы – Пятроў, Кузняцоў і іншыя... Усе яны загінулі ў вайну! Толькі Кузняцоў вярнуўся з вайны жывым, але неўзабаве зачаўрэў і памёр. Лекары не маглі вызначыць, што ў яго за хвароба. Проста загас на вачах.
Іконы з разбуранай царквы – вялікія, метры два на паўтара – забралі да нейкага Грышы, у доме зрабілі з іх перагародку і заклеілі шпалерамі. Тады была мода вешаць на сценах фотакарткі. У гэтую перагародку ўбілі цвікі і павесілі фатаграфіі ў рамках. Цвікі скрозь шпалеры ўбілі ў вочы Маці Божай – гэта потым даведаліся. Чалавек, які тое рабіў, неўзабаве аслеп.
Аднойчы я начавала ў тым доме, дарослых з намі не было, толькі старэйшая дачка гаспадара Нюша. Якраз у тую ноч ёй у сне з'явілася Багародзіца і загадала: «Вызвалі мяне, адкрый твары ўсім!». Нюша прачнулася і разбудзіла нас. Мы набіралі вады, адмочвалі

«Освободи меня, открой лица всем!». Нюша проснулась и разбудила нас. Мы набирали воды, отмачивали и снимали обои, вытаскивали гвозди. Потом позвали мужиков, те послушались нас, поместили иконы в рамки и установили их в комнате на почетное место.

Война

Н. П.: Брат Сергей — офицер, служил в пограничных войсках в Литве, в Лиепае. Пограничники приняли на себя первый удар фашистов, все там и сгинули. Утром 22 июня 1941-го Сергей из своего гарнизона позвонил Катерине, своей жене, жившей на съёмной квартире. Только и успел сказать несколько слов — сообщить, что начинается война, что нужно срочно эвакуироваться, что скоро отходит корабль… Внезапно связь прервалась. Что там произошло дальше — неизвестно… Тело Сергея не найдено, он числится пропавшим без вести. Есть предположение, что литовцы сами наших пограничников и убили.

Катерина сразу бросила всё и побежала на пристань, а там люди грузятся на корабль с вещами, даже мебель забирают, — видимо, заранее знали, успели подготовиться. А она ничего не взяла, так, с маленькой сумочкой, и эвакуировалась. Катерина была беременна. Из Литвы она приехала к нам в деревню, и у нас родила сына, назвали его так же — Сергеем.

Л. И.: 22 июня я была в гостях в соседнем селе — в Ладвушах. Приехал Яков Семёнов из сельсовета, сообщил о войне. Мы чаю попили — и бежать домой.

А у нас уже начали призывать мужиков и парней.

Мой дядя Вася-малый обучал новобранцев. Тренировал: как держать винтовку, как целиться. Учил ходить в строю, надевать противогазы, бросать гранаты.

Когда забирали брата Пешу, я чихнула. Он вернулся живым, получив ранение.

і здымалі шпалеры, выцягвалі цвікі. Потым паклікалі мужыкоў, тыя паслухаліся нас, змясцілі абразы ў рамкі і паставілі іх у пакоі на пачэснае месца.

Вайна

М. П.: Брат Сяргей – афіцэр, служыў у памежных войсках у Літве, у Ліепаі. Пагранічнікі прынялі на сябе першы ўдар фашыстаў, усе там і загінулі. Раніцай 22 чэрвеня 1941-га Сяргей са свайго гарнізона патэлефанаваў Кацярыне, сваёй жонцы, якая жыла на здымнай кватэры. Толькі і паспеў сказаць колькі слоў – паведаміць, што пачынаецца вайна, што трэба тэрмінова эвакуіравацца, што хутка адыходзіць карабель... Раптам сувязь перарвалася. Што там адбылося далей – невядома... Цела Сяргея не знойдзена, ён лічыцца прапаўшым без вестак. Мяркуюць, што літоўцы самі нашых памежнікаў і забілі.

Кацярына адразу кінула ўсё і пабегла на прыстань, а там людзі грузяцца на карабель з рэчамі, нават мэблю забіраюць – мабыць, загадзя ведалі, паспелі падрыхтавацца. А яна нічога не ўзяла, так, з маленькай сумачкай, і эвакуіравалася.

Кацярына была цяжарная. З Літвы яна прыехала да нас у вёску і ў нас нарадзіла сына, назвалі яго гэтак жа – Сяргеем.

Л. І.: 22 чэрвеня я была ў гасцях у суседнім сяле – у Ладвушах. Прыехаў Якаў Сямёнаў з сельсавета, паведаміў пра вайну. Мы чаю папілі – і бегма дадому.

А ў нас ужо пачалі прызываць мужыкоў і хлопцаў.

Мой дзядзька Вася-малы навучаў навабранцаў. Трэніраваў: як трымаць вінтоўку, як цэліцца. Вучыў хадзіць строем, апранаць адгазнікі, кідаць гранаты.

Калі забіралі брата Пешу, я чхнула. Ён вярнуўся жывым, атрымаўшы раненне.

Муж моей крёстной, Саня, был председателем колхоза, его в армию не брали. Но через пару месяцев он сам запросился на фронт: «Я больше не останусь тут бабами руководить! Пойду воевать!».
Когда мы его провожали, все смотрели на меня, ждали, что я чихну. Не чихнула. Через неделю он погиб. Но об этом мы узнали только зимой, когда пришёл солдат, разыскал его жену и всё рассказал: Саня утонул на переправе, получив ранение в живот.
Н. П.: Мы, мальчишки, бегали смотреть на строевые упражнения новобранцев, нам интересно было. Призывникам выдали охотничьи ружья. «Лечь!.. Встать!.. Целься!.. Коли!.. Бей прикладом!..» Удары отрабатывали на соломенных снопах. Мы всё повторяли за ними.
Н. П.: Немец рвался на Свирь — чтобы соединиться с финном и замкнуть второе кольцо блокады Ленинграда. Тогда городу было бы не выстоять! В октябре немцы заняли Тихвин, 60 дней его удерживали, пока наши их не выбили оттуда. В тот период линия фронта проходила в 50 км от нашей деревни. Ночью мы видели вдали зарево от боёв, от пожаров и взрывов.
Нас посылали рыть землянки в лесах — если бы враг придвинулся ближе, пришлось бы покинуть дома.
Л. И.: Когда фронт приблизился, нас хотели эвакуировать за реку Пашу, но когда немец сначала занял Тихвин, а потом продвинулся еще на 12 км, — наоборот, людей с Паши эвакуировали к нам.
Н. П.: Через наши деревни вывозили раненых, мимо постоянно ездили военные автомобили — ЗИСы, полуторки, студебеккеры. На краю деревни располагался медсанбат, здесь раненым делали перевязки и везли дальше в тыл. На дороге оборудовали КПП, все машины проверяли — возможно, отлавливали дезертиров. Солдаты, курсанты шли через нас — отступали на Вологду. Шли беженцы из занятых врагом деревень. Они у нас меняли одежду на еду.

Муж маёй хроснай, Саня, быў старшынёй калгаса, яго ў войска не бралі. Але праз пару месяцаў ён сам папрасіўся на фронт: «Я больш не застануся тут бабамі кіраваць! Пайду ваяваць!».
Калі мы яго праводзілі, усе глядзелі на мяне, чакалі, што я чхну. Не чхнула. Праз тыдзень ён загінуў. Але пра гэта мы даведаліся толькі ўзімку, калі прыйшоў салдат, адшукаў яго жонку і ўсё расказаў: Саня патануў на пераправе, атрымаўшы раненне ў жывот.
М. П.: Мы, хлапчукі, бегалі глядзець на страявыя практыкаванні навабранцаў, нам цікава было. Прызыўнікам выдалі паляўнічыя стрэльбы. «Легчы!.. Устаць!.. Цаляй!.. Калі!.. Бі прыкладам!..» Удары адпрацоўвалі на саламяных снапах. Мы ўсё паўтаралі за імі.
М. П.: Немец рваўся на Свір – каб злучыцца з фінам і замкнуць другое кальцо блакады Ленінграда. Тады гораду было б не выстаяць! У кастрычніку немцы занялі Ціхвін, 60 дзён яго ўтрымлівалі, пакуль нашы іх не выбілі адтуль. У той перыяд лінія фронту праходзіла ў 50 км ад нашай вёскі. Уначы мы бачылі ўдалечыні зарыва ад баёў, ад пажараў і выбухаў.
Нас пасылалі капаць зямлянкі ў лясах – калі б вораг прысунуўся бліжэй, прыйшлося б пакінуць дамы.
Л. І.: Калі фронт наблізіўся, нас хацелі эвакуіраваць за раку Пашу, але, калі немец спачатку заняў Ціхвін, а потым прасунуўся яшчэ на 12 км, – наадварот, людзей з Пашы эвакуіравалі да нас.
М. П.: Праз нашы вёскі вывозілі параненых, міма пастаянна ездзілі ваенныя аўтамабілі – ЗІСы, палутаркі, студабекеры. На краі вёскі размяшчаўся медсанбат, тут параненым рабілі перавязкі і везлі далей у тыл. На дарозе абсталявалі КПП, усе машыны правяралі – магчыма, адлоўлівалі дэзерціраў.
Салдаты, курсанты ішлі праз нас – адступалі на Волагду. Ішлі ўцекачы з занятых ворагам вёсак. Яны ў нас мянялі вопратку на ежу.

Наш дом — предпоследний от края деревни, после него семь километров чистого поля до следующего жилья. Зима лютая, морозы под минус сорок. Мы избу и не запирали — все шагали сплошным потоком, заходили к нам погреться и передохнуть перед дальнейшей дорогой.

Ночевали в том числе и в нашем доме — голодные, холодные. Много их было, все запасы съели. Спали вповалку на полу, головами на пороге, шагнуть некуда было.

Отец ночевал в сарае — корову охранял и присматривал, чтобы сено не загорелось от случайного окурка.

Л. И.: По деревне машины шли и шли… Раненых везли, очень много их было… Стон стоял… Машины с людьми открытые, а холод, мороз…

Н. П.: В деревне стояли конные обозы — телеги, сани — в том числе и с оружием. Однажды соседский парнишка где-то украл гранату. Похоже, это была лимонка — зелёная, круглая. Мы вдвоём с другим мальчишкой бегали за счастливым похитителем, просили показать находку. Он сначала похвастался, а потом не захотел делиться добычей — удирал от нас, в итоге забежал к себе в дом и закрылся. Мы долго ломились в запертую дверь, потом сообразили пойти посмотреть в окно. Только зашли за угол — шарахнуло, стёкла вылетели…

Взрослых дома не было, и обладатель гранаты решил разобрать свою находку. Видимо, держал её на коленях — ему разворотило всё между ног, бёдра и живот. Он умер в медсанбате.

А если бы мы сумели открыть дверь и попали бы в дом? Или успели бы влезть в окно?..

Л. И.: Об авианалётах нас предупреждали — бегали по деревне: «Тушите свет! Закрывайте окошки! Самолёты летят!». Мы занавешивали окна одеялами.

Свои и вражеские самолёты мы различали по звуку: немецкие гудели натужно, неравномерно, наши — более размеренно и плавно.

Наш дом – перадапошні ад краю вёскі, сем кіламетраў чыстага поля да наступнага жылля пасля яго. Зіма лютая, маразы пад сорак. Мы хату і не зачынялі – усе ішлі суцэльным патокам, заходзілі да нас пагрэцца і перадыхнуць перад далейшай дарогай.

Начавалі ў тым ліку і ў нашым доме – галодныя, халодныя. Шмат іх было, усе запасы паелі. Спалі на падлозе, галовамі на парозе, ступіць няма куды было.

Бацька начаваў у хляве – карову ахоўваў і прыглядаў, каб сена не загарэлася ад выпадковага недакурка.

Л. І.: Па вёсцы машыны ішлі ды ішлі... Параненых везлі, вельмі шмат іх было... Стогн стаяў... Машыны з людзьмі адкрытыя, а холад, мароз...

М. П.: У вёсцы стаялі конныя абозы – вазы, сані – у тым ліку і са зброяй.

Аднойчы суседскі хлапчук дзесьці скраў гранату. Падобна на тое, што лімонку – зялёная, круглая. Мы ўдваіх з іншым хлапчуком бегалі за шчаслівым выкрадальнікам, прасілі паказаць знаходку. Ён спачатку пахваліўся, а потым не захацеў дзяліцца здабычай – уцякаў ад нас, у выніку забег да сябе ў хату і зачыніўся. Мы доўга біліся ў замкнёныя дзверы, потым вырашылі пайсці зірнуць у акно. Толькі зайшлі за вугал – шарахнула, шкло павылятала...

Дарослых дома не было, і ўладальнік гранаты вырашыў разабраць сваю знаходку. Мабыць, трымаў яе на каленях – яму раскурочыла ўсё паміж ног, сцёгны і жывот. Ён памёр у медсанбаце.

А калі б мы здолелі адчыніць дзверы і трапілі б у дом? Ці паспелі б улезці ў акно?..

Л. І.: Пра авіяналёты нас папярэджвалі – бегалі па вёсцы: «Тушыце святло! Зачыняйце аканіцы! Самалёты ляцяць!». Мы завешвалі вокны коўдрамі.

Свае і варожыя самалёты мы адрознівалі па гуку: нямецкія гулі натужліва, нераўнамерна, нашы – больш мерна і плаўна.

Однажды на поле сел подбитый советский самолёт. Постоял, отремонтировался и улетел. При взлёте поля ему не хватило — въехал в рожь.
Н. П.: Неподалёку, в Кайваксе, располагался наш аэродром, и над деревнями постоянно летали самолёты. Бомбардировщики летали строем в сопровождении истребителей — на Свирь, на финнов.
Один неисправный истребитель полсотни метров не дотянул до поля, врезался в деревья в осиннике. Самолёт развалился на три части, лётчик погиб. Мы, ребятишки, потом ходили на место аварии собирать патроны и детали. Кто-то принёс домой ткань от парашюта…
Н. П.: С зимы 1941-го по весну 1942-го в соседнем доме располагался штаб тыловых частей, а офицеры жили у нас. В дом провели телефон и часто звонили в штаб фронта, в Чудово. Днём офицеры совещания устраивали, а ночами пьянствовали, с бабами гуляли, песни пели под гармошку, слушали патефон. Я сидел на печи, видел, как они пили: в стакан на треть заливали крепкий чай, на две трети — водку. Это называлось «пунш». Один офицер объяснял другому, молодому: «Так приятнее, мягче».
Моя мать готовила им еду — американскую тушёнку, гречу или перловку с мясом в больших железных банках. И нам, детям, немного доставалось. Вкусные консервы! Офицеры рассуждали: «Всё-таки Америка помогает».
Офицеры регулярно менялись, каждый месяц приезжали новые.
Л. И.: В деревне лошадей не осталось, всех забрали на войну.
Мы, дети, всё время работали. Например, палками молотили лён — тяжёлая работа! Женщины работали за мужиков, дети за женщин… От голода постоянно хотели спать. Ослабели, еле ноги переставляли, но работали.
Нам выдавали один мешок зерна в месяц — это десять килограммов. В некоторых семьях сразу всё мололи и съедали, а потом голодали. То ли не могли удержаться, то ли боялись, что украдут…

Аднойчы на поле сеў падбіты савецкі самалёт. Пастаяў, адрамантаваўся і паляцеў. Пры ўзлёце поля яму не хапіла – заехаў у жыта.

М. П.: Непадалёк, у Кайваксе, размяшчаўся наш аэрадром, і над вёскамі пастаянна ляталі самалёты. Бамбавікі ляталі строем у суправаджэнні знішчальнікаў – на Свір, на фінаў.

Адзін няспраўны знішчальнік паўсотні метраў не дацягнуў да поля, урэзаўся ў дрэвы ў асінніку. Самалёт разваліўся на тры часткі, лётчык загінуў. Мы, дзеці, потым хадзілі на месца аварыі збіраць патроны і дэталі. Хтосьці прынёс дадому тканіну ад парашута...

М. П.: З зімы 1941-га па вясну 1942-га ў суседнім доме размяшчаўся штаб тылавых частей, а афіцэры жылі ў нас. У дом правялі тэлефон, і часта тэлефанавалі ў штаб фронту, у Чудава. Днём афіцэры нарады ладзілі, а начамі п’янствавалі, з бабамі шпацыравалі, песні спявалі пад гармонік, слухалі патэфон. Я сядзеў на печы, бачыў, як яны пілі: у шклянку на трацiну залівалі моцны чай, на дзве трацiны – гарэлку. Гэта называлася «пунш». Адзін афіцэр тлумачыў іншаму, маладому: «Так прыемней, мякчэй».

Мая маці гатавала ім ежу – амерыканскую тушонку, грэчку або пярлоўку з мясам у вялікіх жалезных банках. І нам, дзецям, трохі даставалася. Смачныя кансервы! Афіцэры разважалі: «Усё ж Амерыка дапамагае».

Афіцэры рэгулярна мяняліся, кожны месяц прыязджалі новыя.

Л. І.: У вёсцы коней не засталося, усіх забралі на вайну.

Мы, дзеці, увесь час працавалі. Напрыклад, палкамі малацілі лён – цяжкая праца! Жанчыны працавалі за мужыкоў, дзеці за жанчын... Ад голаду пастаянна хацелі спаць. Аслабелі, ледзь ногі перастаўлялі, але працавалі.

Нам выдавалі адзін мяшок збожжа на месяц – гэта дзесяць кілаграмаў. У некаторых сем’ях адразу ўсё малолі і з’ядалі, а потым галадалі. Ці то не маглі ўтрымацца, ці то баяліся, што скрадуць...

Весной откапывали мёрзлую сгнившую картошку. Её очень легко чистить — кожура сама отпадает, а внутри один крахмал. Из него на противнях пекли оладьи. В поле удавалось найти примерно одну картофелину на два метра земли. Всё у себя перекопали — потом в другие деревни ходили копать.
Питались мякиной: толкли в ступах и пекли лепёшки. Пока был запас ягод, ели мякину, толчёную с клюквой. Ели жмыхи из отрубей. В других семьях лебеду ели; от неё пухли. Ели жареный щавель с яйцом — от него тошнило. «Дудки» (сныть) сушили, резали ножом и толкли в ступах или мололи на жерновах, потом пекли лепёшки. От них мучились сильными запорами.
Одна бабка в поле работала, полола картошку, не могла утерпеть, доставала мелкие, ещё незрелые картошины и сразу ела их — сырые, зелёные, прямо с землёй. От этого и умерла, прямо в поле.
Когда косили — всё сено отдавали государству, а для себя по кустам вдоль дорог собирали сено, выпавшее из повозок. Из соломенных крыш доставали гнилую солому — давали корове. Голодная корова на ногах не стояла — её подвешивали к потолку, пропуская под животом длинный узкий ковёр-дорожку.
Мы держали корову, потому и выжили. Надо 300 литров молока сдать государству, остальное — себе. У кого коровы не было — те тоже выживали, но было гораздо тяжелее.
Умер в деревне только один человек — в семье Чуркиных, уже в августе, когда голод был не такой сильный, ягоды появились…
Бывало, военные у нас ночевали — делились сгущёнкой, тушёнкой.
Мы всю тёплую одежду — шубы, тулупы — поменяли на хлеб. Потом мама даже полотенца выменяла. Когда несла их, у неё слёзы катились из глаз, от этого мама по дороге спотыкалась, падала и роняла свою ношу.
У нас был штабель брёвен, заготовленных для постройки нового дома. В войну всё пошло на дрова.

Увесну капалі мёрзлую гнілую бульбу. Яе вельмі лёгка чысціць – лупіны самі адпадаюць, а ўнутры адзін крухмал. З яго на бляхах пяклі аладкі. У полі ўдавалася знайсці прыкладна адну бульбіну на два метры зямлі. Усё ў сябе перакапалі – потым у іншыя вёскі хадзілі капаць.
Сілкаваліся мякінай: таўклі ў ступе і пяклі аладкі. Пакуль быў запас ягад, елі мякіну, тоўчаную з журавінамі. Елі макуху з вотруб'я. У іншых сем'ях лебяду елі; ад яе пухлі. Елі смажанае шчаўе з яйкам – ад яго на ваніты цягнула. «Дудкі» (снітку) сушылі, рэзалі нажом і таўклі ў ступе або малолі на жорнах, потым пяклі аладкі. Ад іх пакутавалі на запор.
Адна бабка ў полі працавала, палола бульбу, не магла ўцярпець, выбірала дробныя, яшчэ няспелыя бульбіны, і адразу ела іх – сырыя, зялёныя, прама з зямлёй. Ад гэтага і памерла, прама ў полі.
Калі касілі – усё сена аддавалі дзяржаве, а для сябе па кустах уздоўж дарог збіралі сена, якое выпала з калёс. З саламяных стрэх даставалі гнілую салому – давалі карове. Галодная худоба на нагах не стаяла – яе падвешвалі да столі, прапускаючы пад жыватом доўгую вузкую посцілку.
Мы трымалі карову, таму і выжылі. Трэба 300 літраў малака здаць дзяржаве, астатняе – сабе. У каго каровы не было – тыя таксама выжывалі, але было значна цяжэй.
Памёр у вёсцы толькі адзін чалавек – у сям'і Чуркіна, ужо ў жніўні, калі голад быў не такі моцны, ягады з'явіліся...
Бывала, ваенныя ў нас начавалі – дзяліліся згушчонкай, тушонкай.
Мы ўсю цёплую вопратку – футры, кажухі – памянялі на хлеб. Потым мама нават ручнікі выменяла. Калі несла іх, у яе слёзы каціліся з вачэй, ад гэтага мама па дарозе спатыкалася, падала і выпускала з рук сваю ношу.
У нас быў штабель бярвёнаў, нарыхтаваных для пабудовы новага дома. У вайну ўсё пайшло на дровы.

Н. П.: Мякину ели — это отходы от помола зерна. Лепёшки из неё пекли. В основном питались картошкой и молоком, летом запасали грибы и ягоды на всю зиму.
Н. П.: Во вторую и третью военные зимы в нашей деревне размещался спецотряд. Бойцы на лыжах, в маскхалатах, вооружённые карабинами с оптическими прицелами, — невиданное дело! Они били лосей. Потом приезжали машины и забирали туши — мясо для фронта.
Л. И.: 9 мая 1945-го мы работали на реке, сплав гнали. Вдруг всех позвали в клуб, а там сообщили, что война закончилась. Рёв стоял, крик, вой, плач — от радости и от горя…

После войны

Л. И.: После войны к нам в дом прислали белорусов. Нам сколько-то денег начислили от лесопункта, чтобы мы о приезжих заботились. Много малышей, крошечные, все грязные, вшивые. Мы затопили баню, наподдавали пару, собрали их всех в парилку, закрыли там и снаружи подперли дверь. Они с непривычки орут, плачут, ломятся — а не выйти. В бане вши надуваются, красные делаются, толстые… У них все вши и вывелись!
В деревне был паренёк один — не то чтобы дурачок, но немного с придурью. Эти ребята стали его дразнить, водой поливать. Он не выдержал — схватил палку и погнался за ними. Они от него врассыпную — кто в дом вбежал и дверь захлопнул, а кто в картошку сиганул, в ботве залег. Потом они нам рассказывали: «Мы в бульбовнике прятались!». Так смешно их речь звучала!
Н. П.: После войны вместо наших лошадей, отправленных на фронт, в колхоз прислали иностранных. Были монгольские лошадки — маленькие, но выносливые.

М. П.: Мякіну елі – гэта рэшткі ад памолу збожжа. Аладкі з яе пяклі. У асноўным сілкаваліся бульбай і малаком, летам запасаліся грыбамі і ягадамі на ўсю зіму.
М. П.: У другую і трэцюю ваенныя зімы ў нашай вёсцы месціўся спецатрад. Байцы на лыжах, у маскхалатах, узброеныя карабінамі з аптычнымі прыцэламі – дзіўная справа! Яны білі ласёў. Потым прыязджалі машыны і забіралі тушы – мяса для фронту.
Л. І.: 9 мая 1945-га мы працавалі на рацэ, сплаў гналі. Раптам усіх паклікалі ў клуб, а там паведамілі, што вайна скончылася. Роў стаяў, крык, віскат, плач – ад радасці і ад гора...

Пасля вайны

Л. І.: Пасля вайны да нас у дом даслалі беларусаў. Нам крыху грошай налічылі ад лесапункта, каб мы пра прыезджых клапаціліся. Шмат дзяцей, малых зусім, усе брудныя, вашывыя. Мы затапілі лазню, пары далі, сабралі іх усіх там, зачынілі і звонку падпёрлі дзверы. Яны з непрывычкі гарланяць, плачуць, б'юцца – а не выйсці. У лазні вошы надзімаюцца, чырвоныя робяцца, тоўстыя... У іх усё вошы і павыveліся!
У вёсцы быў хлопец адзін – не тое каб дурачок, але трохі з прыдурам. Гэтыя хлопцы сталі яго дражніць, вадой паліваць. Ён не вытрымаў – схапіў палку і пагнаўся за імі. Яны ад яго ўрассыпную – хто ў дом забег і дзверы зачыніў, а хто ў бульбу сігануў, у бацвінні залёг. Потым яны нам распавядалі: «Мы ў бульбоўніку хаваліся!». Так смешна іх гаворка гучала!
М. П.: Пасля вайны замест нашых коней, адпраўленых на фронт, у калгас даслалі замежных. Былі мангольскія конікі – маленькія, але цягавітыя. Яны панічна баяліся лесу – не прывыклі, бо ў Манголіі голы стэп. Едуць праз лес – вушамі стрыгуць, нярвуюцца, ад кожнага шолаху кідаюцца. Калі пакінуць без нагляду – збягуць.

Они панически боятся леса — не привыкли, ведь в Монголии голая степь. Едут через лес — дёргают ушами, нервничают, от каждого шороха шарахаются. Если их оставить без присмотра — сбегут.
Были шведские кони — огромные, сильные. И цивилизованные! Едят только из кормушки, сами пастись не умеют.
Л. И.: Пригнали к нам скот из Германии. Лошади все больные, в лишаях. Мы их лечили.
Л. И.: Мы работали все, от мала до велика. По утрам по деревне ходила женщина и будила народ на работу — стучала палкой по подоконникам и громко пела:

— Вставай, дружки! Вставай, молодцы!
Вставай!
Каша сваривши, горох перепривши!
Вставай!
Каша на Паши, горох на Ояти!
Вставай!

Паша и Оять — это крупные реки на востоке области.
Мы пололи колхозные поля. Лягушек боялись до смерти! Особенно подруга Шурка: когда квакушки из грядок выскакивали, ревмя ревела, убегала! Но потом возвращалась — работать надо…
Жили весело, развлекались после работы. Был клуб, была изба-читальня, хотя в ней мы не читали, а плясали под гармошку, а мужики в домино играли. Бывало, весь день мы трудились — окучивали картошку, потом вечер и всю ночь гуляли, а поутру снова отправлялись в поля.
Мы работали, поэтому и жили неплохо. Нам завидовали, вредили. Например, однажды соседка нам картошку в погребе посолила (от этого появляется гниль).

Былі шведскія коні – велізарныя, моцныя. І цывілізаваныя! Ядуць толькі з кармушкі, самі пасвіцца не ўмеюць.
Л. І.: Прыгналі да нас скаціну з Германіі. Коні ўсе хворыя, у лішаях. Мы іх лячылі.
Л. І.: Мы працавалі ўсе, і малы і вялікі. Раніцою па вёсцы хадзіла жанчына і будзіла народ на працу – грукала палкай па падаконніках і гучна спявала:

Уставай, дружкі! Уставай, малойцы!
Уставай!
Каша зварыцца, гарох перапрэе!
Уставай!
Каша на Пашы, гарох на Аяці!
Уставай!

Паша і Аяць – гэта буйныя рэкі на ўсходзе вобласці.
Мы палолі калгасныя палі. Жаб баяліся да смерці! Асабліва сяброўка Шурка: калі якая квакуха з градкі выскоквала, ровам раўла, уцякала! Але потым вярталася – працаваць трэба...
Жылі весела, забаўляліся пасля працы. Быў клуб, была хата-чытальня, хоць у ёй мы не чыталі, а скакалі пад гармонік, а мужыкі ў даміно гулялі. Бывала, увесь дзень мы працавалі – бульбу абганялі, потым вечар і ўсю ноч гулялі, а раніцай зноў выпраўляліся ў палі.
Мы працавалі, таму і жылі нядрэнна. Нам зайздросцілі, шкодзілі. Напрыклад, аднойчы суседка нам бульбу ў склепе пасаліла (ад гэтага з'яўляецца гнілата). Прыйшлося забіць акенца склепа, каб такое не паўтаралася. А тая суседка потым неяк вывіхнула сківіцу. Давялося ёй з перакошаным тварам, з разяўленым ротам ехаць у горад у бальніцу, там ёй доктар кулаком урэзаў – і сківіца стала на месца.

Пришлось заколотить окошко погреба, чтобы такое не повторялось. А та соседка потом как-то вывихнула челюсть. Пришлось ей с перекошенным лицом, с разинутым ртом ехать в город в больницу, там ей доктор кулаком врезал — и челюсть встала на место.

Н. П.: После войны в деревнях воровства не было, в домах двери на замки не закрывали.

В 1947-м мы с другом ездили в Ленинград, сделали свои дела и всю ночь гуляли по городу. Ни хулиганства, ни бандитизма, бродили спокойно, бояться некого было.

Л. И.: В 1951 году я ждала ребёнка. Тогда беременные до последнего дня работали, иногда рожали прямо в поле во время работы. Я бедовая была, всё делала по хозяйству. Беременная ходила в Тихвин и обратно — а это 60 километров, — и ничего страшного!

Дверь в нашу избу закрывалась изнутри железной накладкой. Я дома работала на втором этаже, и, когда кто-то приходил, я, чтобы не спускаться по узкой крутой лестнице, дверь открывала ухватом, перегнувшись через перила. Однажды я потеряла равновесие, кувыркнулась через перила и упала со второго этажа. Сильно ударилась о лестницу животом, потом головой о стену… До сих пор не понимаю, как это прошло без последствий для меня и для дочери?

Ещё, беременная, шла провожать Колю в армию. На косогоре поскользнулась, упала на спину и съехала по грязи с очень длинной и крутой горы. Очевидцы говорили между собой: «До низа доедет и родит!». Ничего, тоже обошлось.

Рожала я дома, без врачей. Пришла после молотьбы, ночь промучилась и родила дочь. Кровь останавливали — холод прикладывали, внутренности мне застудили. Бабка же сама рожала — что ж она, не знала, как правильно кровь останавливать? Когда сообразили, что случилось, — хотели меня везти в город в больницу, да поняли, что не доеду, умру по дороге. Оставили дома. Ничего, выжила, как кошка! Только с тех пор печень застужена осталась.

М. П.: Пасля вайны ў вёсках крадзяжу не было, у дамах дзверы на замкі не зачынялі. У 1947-м мы з сябрам ездзілі ў Ленінград, зрабілі свае справы і ўсю ноч шпацыравалі па горадзе. Ні хуліганства, ні бандытызму, хадзілі спакойна, баяцца не было каго.
Л. І.: У 1951-м годзе я чакала дзіця. Тады цяжарныя да апошняга дня працавалі, часам нараджалі прама ў полі падчас працы. Я адчайная была, усё рабіла па гаспадарцы. Цяжарная хадзіла ў Ціхвін і назад – а гэта 60 кіламетраў – і нічога страшнага!
Дзверы ў нашу хату зачыняліся знутры жалезнай клямкай. Я дома працавала на другім паверсе, і, калі нехта прыходзіў, я, каб не спускацца па вузкай крутой лесвіцы, дзверы адчыняла вілачнікам, перагнуўшыся цераз парэнчы. Аднойчы я страціла раўнавагу, кульнулася праз парэнчы і ўпала з другога паверха. Моцна ўдарылася аб лесвіцу жыватом, потым галавой аб сцяну... Да гэтага часу не разумею, як гэта прайшло без наступстваў для мяне і для дачкі?
Яшчэ, цяжарная, ішла праводзіць Колю ў войска. На касагоры паслізнулася, завалілася на спіну і з’ехала па гразі з вельмі доўгай і крутой горкі. Відавочцы казалі паміж сабой: «Да нізу даедзе і народзіць!». Нічога, таксама абышлося.
Нараджала я дома, без лекараў. Прыйшла пасля малацьбы, ноч прамучылася і нарадзіла дачку. Кроў спынялі – холад прыкладвалі, вантробы мне застудзілі. Бабка ж сама нараджала, што ж яна, не ведала, як правільна кроў спыняць? Калі зразумелі, што здарылася – хацелі мяне везці ў горад у бальніцу, ды рашылі, што не даеду, памру па дарозе. Пакінулі дома. Нічога, выжыла, як кошка! Толькі з тых часоў пячонка застужаная засталася.
Л. І.: Мой брат Песа здаравушчы быў! Кроў з малаком! Падковы гнуў! Маці даіла карову, прыносіла сырадой, налівала яму збан, Песа сядаў на ганак, збан выпіваў і цэлую галаву цукру з’ядаў.

Л. И.: Мой брат Пеша здоровенный был! Кровь с молоком! Подковы гнул! Мать доила корову, приносила парное молоко, наливала ему кувшин, Пеша садился на крыльцо, кувшин выпивал и цельную сахарную голову съедал.
Племянник Коля, сын Пеши, после войны служивший в Германии, рассказал историю: его сослуживец однажды заметил яблоню на чьём-то участке. Забор невысокий — он залез яблок набрать… А там воровать не принято! Его убили, живот разрезали и яблоками набили — «чтобы наелся»!
Л. И.: Как-то раз я прихожу с работы, — а у нас телёнка увели в колхоз. Свекровь рассказала, что к ней пришли, она не пускала, а они без спроса открыли стойло, взяли телёнка за хвост и за ухо и увели. Свекровь пошла в сельсовет жаловаться: «У меня один сын на войне погиб, другой в армии служит — верните телёнка!». А телёнка уже зарезали… В итоге она вытребовала деньги.
Н. П.: В магазине всё меняли на яйца. Два яйца — пачка папирос. Также тряпки принимали.
Л. И.: Был один конь дурной, всегда идет шагом, и никак не заставить его бежать. Хоть понукай его, хоть хлещи — всё бесполезно, идёт шагом и ни на что не реагирует. А вот с горы бежит галопом, и тут уже наоборот — никак его не остановить, ни «тпру», ни хлыст не действуют. Больше всего я боялась свалиться с телеги — конь, разогнавшись под гору, не заметит, что я упала, и дальше побежит.
Была кобыла Майка. Она на всём скаку останавливается перед ямой — и седок летит через голову. Кстати, почему-то это всегда проходило без серьезных последствий для людей.
Жеребец один был как дикий! Когда бесился — убегал, носился по деревне, а весь народ прятался по домам: «Опять жеребец Трошковых буянит!». Брат Пеша — сильный очень, смелый, однажды поймал его, намотал вожжи на руку; жеребец таскал его по всей деревне, топтал… всего затрепал, тот еле жив остался.

Пляменнік Коля, сын Пешы, пасля вайны служыў у Германіі, распавёў гісторыю: яго калега аднойчы заўважыў яблыню на нечым участку. Плот невысокі – ён залез яблыкаў набраць... А там красці не прынята! Яго забілі, жывот разрэзалі і яблыкамі набілі – «каб наеўся».
Л. І.: Неяк прыходжу я з працы – а ў нас цяля адвялі ў калгас. Свякроў распавяла, што да яе прыйшлі, яна не пускала – а яны без дазволу адчынілі хлеў, узялі цяля за хвост і за вуха і павялі. Свякроў пайшла ў сельсавет скардзіцца: «У мяне адзін сын на вайне загінуў, другі ў арміі служыць – вярніце цяля»... А цяля ўжо зарэзалі. У выніку яна грошы выпатрабавала.
М. П.: У краме ўсё мянялі на яйкі. Два яйкі – пачак папярос. Анучы таксама прымалі.
Л. І.: Быў адзін конь благі, заўсёды ступае крокам, і ніяк не прымусіць яго бегчы. Хоць панукай яго, хоць бі – усё дарма, ідзе сабе і ні на што не рэагуе. А вось з гары бяжыць галопам, і тут ужо наадварот – ніяк яго не спыніць, ні «тпру», ні дубец не дапамагаюць. Больш за ўсё я баялася зваліцца з воза – конь, разагнаўшыся, не заўважыць, што я ўпала, і далей пабяжыць.
Была кабыла Майка. Яна на ўсім скаку спынялася перад ямай – і седакі ляцелі праз галаву. Дарэчы, чамусь гэта заўсёды праходзіла без сур'ёзных наступстваў для людзей.
Жарабец адзін быў як дзікі! Калі шалеў – уцякаў, насіўся па вёсцы, а ўвесь народ хаваўся па хатах: «Ізноў жарабец Трошкавых буяніць». Брат Пеша – моцны вельмі, смелы – аднойчы злавіў яго, наматаў лейцы на руку; жарабец цягаў яго па ўсёй вёсцы, таптаў... Усяго затузаў, той ледзь жывы застаўся. А суседа Трошку на дарозе да смерці затаптаў. Пасля гэтага ад жарабца пазбавіліся.
Аднойчы конь пасвіўся, і з травой праглынуў змяю. Нібы звар'яцеў! Бегаў па вёсцы як вар'ят, усе ад яго шарахаліся. Мужыкі з цяжкасцю злавілі каня, павалілі на зямлю, звязалі. Улілі яму ў рот сыроваткі з тытунём. Змяя выйшла.

А соседа Трошку на дороге насмерть затоптал. После этого от жеребца избавились.
Однажды конь пасся и с травой проглотил змею. Словно взбесился! Бегал по деревне как сумасшедший, все от него шарахались. Мужики с трудом поймали коня, повалили на землю, связали. Влили ему в рот сыворотки с табаком. Змея вышла.
Л. И.: Редкостная у нас была корова! Гнали сплав, брёвна шли по реке, а река шириной пять-семь метров. Корова паслась, увидела красивый зелёный луг на другом берегу — и переплыла. Как?! Никто не знает. Плыла, уворачиваясь от брёвен? Или шла по дну пешком под ними? Обратно её с трудом перевезли на плоту.
Бедовая была, буйная! Других коров бодала! Хозяева боялись вместе с ней своих бурёнок отпускать. Но когда начал нападать медведь — она других коров защищала, бросалась на медведя! Однажды он всё-таки ранил её, сломал позвоночник в трёх местах. Со сломанным позвоночником корова стоять не могла, ползала. Когда ей надо было в туалет — я сама её из стойла на улицу волокла, и обратно. Потом её выходили, вылечили!
Бык был дурной, всех бодал. Однажды меня на скотном дворе чуть до смерти не забодал! Я подпрыгнула, поймалась руками за балки под потолком и висела ногами вниз — он все ноги мне перебодал, до сих пор шрамы остались. Рядом маленькая Галя, доченька, сидела в санках за ящиками. Чудо, что сидела тихо, не выходила, а то бык её убил бы! Народу набежало — с вилами, с кольями, — могли бы быка отогнать, но все стояли в стороне, смотрели да охали. Я не выдержала, соскочила и побежала. Бык за мной! Я за стену юркнула и спряталась в шкаф. Бык не нашёл меня, выбежал со скотного двора и направился в поля. Только через несколько дней его поймали и привели на место.

Л. І.: Выключная ў нас была карова! Гналі сплаў, бярвенні ішлі па рацэ, а рака шырынёй пяць–сем метраў. Карова пасвілася, убачыла прыгожы поплаў на другім беразе – і пераплыла. Як?! Ніхто не ведае. Плыла, ахінаючы бярвёны? Або ішла па дне пешшу пад імі? Назад яе з цяжкасцю перавезлі на плыце.
Адчайная была, буйная! Іншых кароў бадала! Гаспадары баяліся разам з ёй сваіх каровак адпускаць. Але калі пачаў нападаць мядзведзь – яна іншых кароў бараніла, на мядзведзя кідалася! Аднойчы ён усё ж такі параніў яе, зламаў хрыбетнік у трох месцах. Са зламаным хрыбетнікам карова стаяць не магла, поўзала. Калі ёй трэба было ў прыбіральню – я сама яе з хлява на вуліцу валакла і назад. Потым яе выхадзілі, вылечылі!
Бык быў дурны, на ўсіх кідаўся. Аднойчы мяне ў стайні ледзь да смерці не забадаў! Я падскочыла, ухапілася рукамі за бэльку пад столлю і вісела нагамі ўніз – ён усе ногі мне перабадаў, да гэтага часу шнары засталіся. Побач маленькая Галя, дачушка, сядзела ў санках за скрынямі. Цуд, што сядзела ціха, не выходзіла, а то бык яе забіў бы! Народу набегла – з віламі, з каламі – маглі б быка адагнаць, але ўсе ў баку стаялі, глядзелі ды вохкалі. Я не вытрымала, саскочыла і пабегла. Бык за мной! Я за сцяну шмыгнула і схавалася ў шафу. Бык не знайшоў мяне, выбег з двара і пакіраваў у поле. Толькі праз некалькі дзён яго злавілі і прывялі.
Л. І.: У суседнім Каськове на стайні жанчына дапазна затрымалася, усе ўжо сышлі, адна засталася. Цёмна, ходзіць з газніцай. Чуе – за спіной хтосьці ёсць. Думае, мужыкі засталіся, крычыць: «Хто тут?», але не азіраецца. Раптам ззаду яе абняў хтось... Узлавалася яна ад такога нахабства, газніцай назад замахнулася, пачуўся роў... Павярнулася – а гэта мядзведзь! Галава яго, аблітая газай, палае; катаецца па падлозе, раве, дзярэ лапамі. Жанчына выскачыла на вуліцу, мужыкам сустрэчным пра мядзведзя сказала, а сама далей бяжыць. Дамоў ускочыла, толькі дзверы адчыніла – і на парозе звалілася. Потым

Л. И.: По соседству, в Каськово, на скотном дворе женщина допоздна задержалась, все уже ушли, одна осталась. Темно, ходит с керосиновым фонарём в руке. Слышит — за спиной кто-то шлёпает. Думает, мужики остались, кричит: «Кто тут?», но не оборачивается. Вдруг сзади её кто-то обнял… Разозлилась она от такой наглости, фонарём назад отмахнулась… раздался рёв… обернулась — а это медведь! Голова его облита горящим керосином; катается по полу, ревёт, сучит лапами. Женщина выскочила на улицу, мужикам встречным про медведя сказала, а сама дальше бежит. Домой заскочила, только дверь открыла — и на пороге свалилась. Потом несколько дней говорить не могла — речь отнялась. А мужики медведя не нашли — ушёл в лес.

В феврале-марте волки во дворы забирались, овец убивали, но не съедали, а только кровь выпивали. Это к весне у них недостаток витаминов.

Как-то раз парень провожал девушку в другую деревню. Неподалёку возникла стая волков. Парень посадил девушку на огромный стог сена, а сам побежал за помощью, за лошадью. Вернулся — девушка съедена, волки её со стога стащили…

На Воздвижение — в сентябре — звери гуляют. Я на лесной поляне встретила 12 лосей — прямо так и вышли на меня! Но я стояла тихо, они меня не заметили, прошли мимо. А лесник в тот же день видел на речке 12 медведей; от них под мостом спрятался. Когда вернулся домой, жена спросила: «Что это у тебя на голове? Пепел?». А он посмотрел в зеркало — совсем седой стал!

некалькі дзён гаварыць не магла – мова аднялася. А мужыкі мядзведзя не знайшлі – сышоў у лес.
У лютым-сакавіку ваўкі ў двары залазілі, авечак забівалі, але не з'ядалі, а толькі кроў выпівалі. Гэта да вясны ў іх недахоп вітамінаў.
Неяк хлопец праводзіў дзяўчыну ў іншую вёску. Непадалёк з'явілася зграя ваўкоў. Хлопец пасадзіў дзяўчыну на вялізны стог сена, а сам пабег па дапамогу, па каня. Вярнуўся – дзяўчына з'едзеная, ваўкі яе са стога сцягнулі...
На Уздзвіжанне – у верасні – звяры ходзяць. Я на паляне ў лесе сустрэла 12 ласёў – проста на мяне выйшлі! Але я стаяла ціха, яны мяне не заўважылі, прайшлі міма. А ляснік у той жа дзень бачыў на рэчцы 12 мядзведзяў; ад іх пад мостам схаваўся. Калі вярнуўся дадому, жонка спытала: «Што гэта ў цябе на галаве? Попел?». А ён зірнуў у люстэрка – зусім сівы стаў!

Илья Луданов

Ільья Луданаў

Илья Луданов окончил школу № 18 в посёлке Дубовка Узловского района Тульской области, затем — факультет экономики и управления НИ РХТУ им. Д. И. Менделеева, семинар прозы в Литературном институте им. А. М. Горького. Посещает семинары С. П. Толкачёва, П. В. Басинского. С 2007 по 2014 год работал телевизионным корреспондентом. В настоящее время — в пресс-службе губернатора Московской области. Литературой занимается с юношества. Пишет художественную прозу, публицистику. Лауреат множества литературных конкурсов. Участник писательских яснополянских встреч. Издавался в сборниках премии «Дебют», печатался в журналах «Приокские зори», «Сибирские огни», в различных интернет-журналах («Органон», «Пролог», проч.), альманахах, сборниках авторов. В 2009 году вышел сборник рассказов автора «Ясный день», в 2015 году — сборник «Секрет Небосвода». Произведения переведены на китайский и итальянский языки.

Ілья Луданаў скончыў школу № 18 у вёсцы Дубоўка Узлоўскага раёна Тульскай вобласці, затым – факультэт эканомікі і кіравання НІ РХТУ імя Д. І. Мендзялеева, семінар прозы ў Літаратурным інстытуце імя А. М. Горкага. Наведвае семінары С. П. Талкачова, П. В. Басінскага. С 2007 па 2014 год працаваў тэлевізійным карэспандэнтам. У цяперашні час – у прэс-службе губернатара Маскоўскай вобласці. Літаратурай займаецца з юнацтва. Піша мастацкую прозу, публіцыстыку. Лаўрэат мноства літаратурных конкурсаў. Удзельнік пісьменніцкіх яснапалянскіх сустрэч. Выдаваўся ў зборніках прэміі «Дэбют», друкаваўся ў часопісах «Прыокскія зоры», «Сібірскія агні», у розных інтэрнэт-часопісах («Арганон», «Пралог», інш.), альманахах, зборніках аўтараў. У 2009 годзе выйшаў зборнік апавяданняў аўтара «Ясны дзень», у 2015 годзе – зборнік «Сакрэт Небасхілу». Творы перакладзены на кітайскую і італьянскую мовы.

ЗВЕРИНОЙ ТРОПОЙ

Выше густого ивняка, над водой, нарезал круги потревоженный ястреб. Птичий крик звучал резко, отрывисто. Он сдёрнул с плеча ружьё, на ощупь достал патроны. Зарядил и, глухо хрустя болотными травами, двинулся к широко разлитой от половодья бобровой запруде.

Неделя как сошёл лёд. Полевые птицы ещё не начали распев, но было совсем тепло. Он щурился на солнце, сверкавшее отовсюду.

Вскинул двустволку на всплески в камышах. Легко посвистывая, не страшась выстрела, перед ним набирала высоту пара крякв. Червлёная мушка села под блестящего перламутровой головой селезня, провела за ним черту по белёсому небу и сникла. Он совсем не умел разбивать пары, стрелял одиночек. Утки дали круг горячей апрельской любви у него над головой, ушли по речке, буйной стремниной убегавшей от озерка по лощине. Ещё недельку-другую полетают, потом она найдёт себе скрытное местечко в дебрях или затопленных камышах и сделает гнездо, думал он, закинув стволы за спину.

С тихим наслаждением от весны, после слабой на морозы, чавкающей зимы, обошёл причёсанный половодьем берег. У статной, разлапистой ели присел отдохнуть. Трава едва наметилась. Земля холодила.

Не хотелось сюда приходить. Но как и каждую весну, в редкую неделю вольной охоты, он сидел у столба и, не оборачиваясь, видел, как обрывками проводов покачивал на ветру чёрный смолёный столб, крытые летом крапивой и лопухами, чернели остатки горелого прошлогодним палом частокола. Из дубовой, огнём не взятой опоры — врастопырку рыжие гвозди. На обожжённой воротине — закрывашкой проволочное кольцо. С робостью вспомнил, как поднимал это кольцо. Ломая сухой крапивный частокол, вошёл на бывший двор. Навалом обломки печи, битый шифер. В заросшем саду — кусты одичалой смородины.

ЗВЯРЫНАЮ СЦЕЖКАЙ

Па-над густым вербалозам, над вадой, наразаў кругі патурбаваны ястраб. Птушыны крык гучаў рэзка, адрывіста. Ён сарваў з пляча стрэльбу, навобмацак дастаў набой. Зарадзіў і, глуха хрумстаючы балотнымі травамі, рушыў да шырока разлітай ад паводкі бабровай запруды.

Тыдзень як сышоў лёд. Палявыя птушкі яшчэ не пачалі распеў, але было зусім цёпла. Ён жмурыўся на сонца, якое зіхацела адусюль.

Ускінуў стрэльбу на воплескі ў чаратах. Лёгка пасвістваючы, не баючыся стрэлу, перад ім набірала вышыню пара крыжанак. Мушка прыпынілася пад бліскучай перламутравай галавой качара, правяла за ім рысу па бялявым небе і абвяла. Ён зусім не ўмеў разбіваць пары, цаляў у адзіночак. Качкі далі круг палкага красавіцкага кахання ў яго над галавой, сышлі па рэчцы, якая стромка імчала ад азярца па лагчыне. Яшчэ тыдзень-другі палётаюць, потым яна знойдзе сабе ўтульнае мястэчка ў нетрах або затопленым чароце і зладзіць гняздо, думаў ён, закінуўшы стрэльбу за спіну.

З ціхай асалодай ад вясны, пасля слабой на маразы, але багатай на чмяканіну зімы, абышоў прычасаны разводдзем бераг. Каля станістай, разлапістай хвоі прысеў адпачыць. Трава ледзь намецілася. Зямля халадзіла.

Не хацелася сюды прыходзіць. Але, як і кожную вясну, у рэдкі тыдзень вольнага палявання, ён сядзеў каля слупа і, не паварочваючыся, бачыў, як абрыўкамі правадоў матляе на ветры чорны смолены слуп, схаваныя летам крапівой і дзядоўнікам, чарнелі рэшткі гарэлага леташнім палам частаколу. З дубовай, агнём не ўзятай апоры – урастапырку рудыя цвікі. На абпаленай браме замест клямкі – кальцо з дроту. Прыгадаў, як нясмела колісь кранаў гэтае кальцо. Ломячы сухі крапіўны частакол, увайшоў на былы двор. Навалам рэшткі печы, біты шыфер. У зарослым садзе – кусты

На кустах чёрные, как её глаза, блестящие ягоды. В тени яблонь в жару всегда было свежо. И тогда, дальше, вместо сухого бурьяна перед ним встали размашистые и длинные, до верхней дороги, грядки картошки, где среди высоких плетней белело пятно её футболки.

Ему пятнадцать. Парит жаркий июль, они только приехали. Бабушка, тяжело двигаясь, кормит птицу. Больше живности держать не по силам. Мама, в цветастом летнем халате, с порожков звонко кличет Митю с крыльца — съездить за молоком:

— В Болотовку нужно. Это за ямами, где коровники. В конце лощины, у пруда, красный дом.

У Бураковых был большой кирпичный дом (дед их ещё в войну на всю деревню кирпич делал из местной глины, что у речки брали) с рыже-оранжевой железной крышей и выцветшей коричневатой террасой. Оттого дом звали красным. В их Заовражье скотины не осталось (по осени соседи через два дома зарезали последнюю корову), и приходилось ездить в Болотовку.

Из сарая, где столярничал дед, Митя вывел синий, с проржавлинами велосипед: подкачал колёса, попробовал натянутость цепи. В сарае дед, в пыльной от опилок куртке, работал на верстаке, показывал сорта древесины: «Галавой-та работать сам навостришься, а руками — у меня учися, пока я жывой ишо». Теперь в сарае только старый верстак и опилочная пыль. Будто дед с силой вытряс куртку и ушёл.

В просторном поле, на душистой травами дороге, ветер играл с волосами. Митя вслушивался, как шуршат по просёлочной дороге шины, проверял, держится ли сумка с банкой на багажнике.

Бураковы встретили приветливо. Дед с папиросой в зубах на лавке щурился на Митю, бабка в фартуке выглядывала с терраски. Спрашивали, как деды, как родители. Налили до краёв молока, поменяли крышки. Во двор высыпала гурьба

здзічэлай парэчкі. На кустах чорныя, як яе вочы, бліскучыя ягады. У засені яблынь у спякоту заўсёды было прахалодна. І тады, далей, замест сухога быльнягу перад ім паўсталі шырокія і доўгія, да верхняй дарогі, грады бульбы, дзе бялела пляма яе футболкі.

Яму пятнаццаць. Парыць гарачы ліпень, яны толькі прыехалі. Бабуля, цяжка рухаючыся, корміць птушку. Больш жывёлы трымаць не па сілах. Мама, у стракатым летнім халаціку, з парога звонка кліча Міцю – з'ездзіць па малако:

– У Балатоўку трэба. Гэта за ямамі, дзе кароўнікі. У канцы лагчыны, ля сажалкі, чырвоны дом.

У Бураковых быў вялікі цагляны дом (дзед іх яшчэ ў вайну на ўсю вёску цэглу рабіў з мясцовай гліны, што ля рэчкі бралі) з руда-аранжавым бляшаным дахам і выцвілай карычняватай тэрасай. Ад таго дом называлі чырвоным. У іх Зааўражжы скаціны не засталося (па восені суседзі праз два дамы зарэзалі апошнюю карову) і даводзілася ездзіць у Балатоўку.

З хлява, дзе сталяраваў дзед, Міця вывеў сіні, з іржавымі плямінамі ровар: напампаваў колы, праверыў, як нацягнуты ланцуг. У хляве дзед у пыльнай ад пілавання куртцы працаваў на варштаце, паказваў гатункі драўніны: «Галавой-та працаваць сам напрактыкуешся, а рукамі – у мяне вучыся, пакуль я жывы шчэ». Цяпер у хляве толькі стары варштат і апілкавы пыл. Быццам дзед вытрас куртку і пайшоў.

У прасторным духмяным полі на ўтравелай дарозе вецер кудлаціў валасы. Міця прыслухоўваўся, як шамацяць па шашы шыны, правяраў, ці трымаецца сумка са слоікам на багажніку.

Бураковы сустрэлі ветліва. Дзед з папяросай у зубах на лаўцы жмурыўся на Міцю, бабка ў фартуху выглянула з дому. Пыталіся, як дзяды, як бацькі. Налілі да краёў малака, памянялі накрыўкі. У двор высыпала гурма хлопцаў. Знаёміліся весела, з дзіцячай гнуткаю

ребят. Знакомились весело, с ребяческой пружинистой силой узнавали, кто такой, откуда, приглашали на футбол. Митя робко улыбался, испуганно жал руки, а из головы не выходила белизна футболки, вынырнувшая из густой зелени. Он гнал вдоль огородов, когда мелькнуло справа белое пятно, в память впечатались угольного цвета курчавые волосы, схваченные в упругий пучок, и такие же угольные глаза, блеснувшие в повороте головы.
На другое утро, после быстрого завтрака, сославшись маме на рыбалку и запрятав у речки удочку, Митя сидел в непролазных зарослях ивняка через заливной луг от её дома. Для секретности шёл не по деревне, а ручьём. Сразу по пояс вымок и запыхался, радостно холодя сильной росой ноги и потея на ранней жаре. Теперь, на берегу речки, прислушивался к горластым бронзовым петухам и рябым беспокойным индюшкам с выводками. В буйной траве, через дорогу от дворов, сиротливо мычали телята. Толстошеий гусак, усевшись на зеркало близкого залива, лениво шевелил в воде красными лапами, с подозрением косился на Митю. Он приложил палец к губам и подмигнул важной птице.
Просидел часа два, пока не увидел её в саду: сонно потягиваясь, она говорила что-то ребятам. Горячее солнечного жар в груди, топот бьёт в уши, сдавливает дыхание. Не выдержал, вылез по кустам на другой берег, ругаясь на затекшие ноги. Полями вернулся домой и долго скрывался от мамы, которая, как его увидела, тут же спросила, что же это такое с ним случилось.
Митя сам не знал, зачем всё утро просидел в кустах у её дома. Но в футбол — тем же вечером в Болотовке, на выкошенном между дворами куске луга — бился как зверь. По дороге к пруду, за лесом, куда все оравой рванули на завтра купаться (и она, где-то сзади, на красном велосипеде с блестящим на солнце рулём), на педали жал так, что потом дрожали и болели ноги, а сидевший на раме Витька, моложе Мити года на четыре, жмурился что было

сілай даведваліся, хто такі, адкуль, запрашалі на футбол. Міця нясмела ўсміхаўся, спалохана цісnуў рукі, а з галавы не выходзіла бель футболкі, што вынырнула з густой зяляніны. Ён гнаў уздоўж агародаў, калі мільганула справа белая пляма, у памяці засталіся вугальнага колеру кучаравыя валасы, схопленыя ў пругкі пучок, і такія ж вугальныя вочы, што мільганулі ў павароце галавы.

Наступнай раніцай пасля хуткага сняданку, спаслаўшыся маме на рыбалку і схаваўшы каля рэчкі вуду, Міця сядзеў у непралазных зарасніках вербалозу цераз поплаў ад яе дома. Для сакрэтнасці ішоў не па вёсцы, а ручаём. Адразу па пояс вымак і задыхаўся, радасна халодзячы моцнай расой ногі і пацеючы на ранняй спякоце. Цяпер, на беразе рэчкі, прыслухоўваўся да гарластых бронзавых пеўняў і рабых клапатлівых індычак з індычанятамі. У густой траве, праз дарогу ад двароў, сіратліва рыкалі цяляты. Гусак з тоўстай шыяй, які ўсеўся на люстэрка блізкага заліва, ляніва варушыў у вадзе чырвонымі лапамі ды з падазрэннем касавурыўся на Міцю. Ён прыклаў палец да вуснаў і падміргнуў важнай птушцы.

Праседзеў гадзіны дзве, пакуль не ўбачыў яе ў садзе: сонна пацягваючыся, яна казала штосьці хлопцам. Гарачэйшы за сонечны пал у грудзях, тупат б'е ў вушы, цяжка дыхаць. Не вытрымаў, выбраўся па кустах на другі бераг, лаючыся на зацёклыя ногі. Палямі вярнуўся дадому і доўга хаваўся ад мамы, якая, як яго ўбачыла, адразу ж спытала, што з ім здарылася.

Міця сам не ведаў, навошта ўсю раніцу праседзеў у кустах каля яе дома. Але ў футбол – тым самым вечарам у Балатоўцы, на выкашаным паміж дварамі кавалку поля, – біўся як звер. Па дарозе да сажалкі, за лесам, куды ўсе чарадой рванулі на наступны дзень купацца (і яна, недзе ззаду, на чырвоным ровары з бліскучым на сонцы рулём), на педалі ціснуў так, што потым дрыжэлі і балелі ногі, а Віцька, маладзейшы за Міцю гады на чатыры, сядзеў на раме, заплюшчыўшы вочы ад страху. Па вечарах з жартамі

мочи со страху. По вечерам с шутками и анекдотами резались в карты у огня, цедили по глотку добытый у старухи-соседки (по пятналику за чекушку) марганцовкой чищенный пшеничный самогон. Митя, налитый необъяснимой силой, притаскивал из лощинки громадные сухие брёвна ветел, ставил шалашиком, разводил жуткой высоты костры, так что, верно, и звездам в холодной пустоте становилось теплее.

Где-то здесь была терраска. Сапогом отвалил обгорелые доски сарая. Тут же где-то? Найти не смог: от дома остались одни красноватые развалины русской печи. От бревенчатой террасы, настланной толстыми, по-хозяйски, досками, с высоким крепким крыльцом, в зелёный крашеным, ничего не осталось. Сломанная пожаром печь по сторонам зарастёт бурьяном, и никогда случайный прохожий не представит, как могло здесь в довольстве шуметь привычное к труду хозяйство. Вспомнилась песня, которую она вдруг запела в один из последних вечеров. Пела неумело, тихо. Ему нравилось. Сидели здесь, на терраске, свесив наружу ноги. Она лирично прислонила голову к косяку. Семьи разъезжались, оставляли стариков на зимовку. Он не знал, что сказать. Тогда она тихо, глядя на лунный сад, запела, и он не знал, как уйти от неё, и не знал, как сделать, чтобы песня не кончалась.

Песню вспомнил и никак не мог вспомнить её лицо. Тогда зло дернул за проволочное кольцо, отворил невидимую воротину и вышел на чавкающий весёлым половодьем луг. Здесь будто так и замер гусиный гогот у воды, шорох кур в крапиве у забора, высокий клёкот хищника, клич вспугнутой индюшки.

Остаться вместе им случилось лишь через неделю после его появления в Болотовке. После костра (в игре языков пламени её лицо, смотрит мимо куда-то, молчит), печёной картошки с утянутой из бабкиного подвала склянкой ночью тихой тропой Митя провожал её к дому.

— В Москву поступать буду, — говорила она. — Ещё два года, и всё.

і анекдотамі рэзаліся ў карты каля агню, цадзілі па глытку здабыты ў старой суседкі (па пятналіку за кварту) марганцоўкай чышчаны пшанічны самагон. Міця, наліты невытлумачальнай сілай, прыцягваў з лагчынкі велічэзныя сухія бярвёны, ставіў іх буданчыкам, разводзіў жудаснай вышыні вогнішчы так, што, мабыць, і зоркам у іх халоднай пустэльні рабілася цяплей.
Дзесьці тут была тэраса. Ботам адсунуў абгарэлыя дошкі. Хіба не тут? Знайсці не змог: ад хаты засталіся адны чырванаватыя парэшткі рускай печкі. Ад тэрасы, насланай па-гаспадарску, тоўстымі дошкамі, з высокім моцным ганкам, у зялёны колер фарбаванай, нічога не засталося. Зруйнаваная пажарам печ зарасце быльнікам, і ніколі выпадковы мінак не ўявіць, як магло тут віраваць звыклае да працы гаспадарства. Прыгадалася песня, якую яна раптам заспявала ў адзін з апошніх вечароў. Спявала няўмела, ціха. Яму падабалася. Сядзелі тут, на тэрасе, звесіўшы ногі. Яна прыхінулася галавой да вушака. Сем'і раз'язджаліся, пакідалі старых на зімоўку. Ён не ведаў, што сказаць. Тады яна ціха, гледзячы на месяцовы сад, заспявала, і ён не ведаў, як сысці ад яе, і не ведаў, як зрабіць, каб песня не заканчвалася.
Песню ўспомніў, ды ніяк не мог успомніць яе твар. Тады са злосцю тузануў за драцяное кальцо, адчыніў нябачную браму і выйшаў на чмякаючы вясёлым разводдзем поплаў. Тут нібыта застаўся качыны гогат ля вады, шоргат курэй пад плотам, высокі клёкат драпежніка, кліч спалоханай індычкі.
Апынуцца побач ім надарылася толькі праз тыдзень з дня яго з'яўлення ў Балатоўцы. Пасля вогнішча (асветлены полымем твар, яна глядзіць кудысьці ўбок, маўчыць), печанай бульбы са сцягнутай з бабкінага склепа бутэлечкай, ноччу, ціхай сцежкай Міця праводзіў яе дахаты.
– У Маскву паступаць буду, – казала яна. – Яшчэ два гады – і ўсё.
– А куды? – Міця гаварыў мала, пераадольваў дрыжыкі ў голасе.

— А куда? — Митя говорил мало, выравнивал в дрожи голос.
— Не знаю пока. Может, на экономический. А все говорят — на юридический надо. Дядя — декан у меня там.
Потом они подолгу стояли у ворот, молчали, и он почему-то страшился её больше не увидеть.
Другим вечером притащил тяжёлый отцовский бинокль, и, усевшись на плетень, они долго разглядывали испещрённое блюдо Луны. Ночи стояли в тепле, ветер стих, и казалось, на Луне что-то должно вот сейчас зашевелиться и поползти по щербатым кратерам. И вдруг её рука тронула его. Они просидели вместе ночь, а под утро, когда за далёким лесом разгорались зарницы и, казалось, даже птицы замерли в садах, он с трепетом коснулся её лица. Провёл рукой по курчавым, жёстким волосам. Она не отстранялась, смотрела блестящими лунными глазами и ждала его.

Вариант окончания первый

Продрался заросшим садом, вышел к разбитым коровникам. Скелет колхоза плохо шёл солнечной весне. Его остов, след чужой эпохи, летом утопал в крапиве и борщевике. Не так давно в этих местах ещё оставались люди, коровники разбирали на кирпич; после бросили. Когда деревня умерла, первые годы приезжие грибники ещё набивали тропы по старым колеям.
Теперь здесь ходят дорогой зверя. Короткий путь в бурьяне пробила шустрая лисица, брод через полную весной речку отыскали кабаны. В излучине, под бугром, где старик Бураков брал глину на кирпич, у них грязевые ванны. Широкорогие лоси за зиму ободрали яблони в садах, стволы длинными полосами исчерчены их острыми резцами.

– Не ведаю пакуль. Можа, на эканамічны. А ўсе кажуць – на юрыдычны трэба. Дзядзька – дэкан у мяне там.
Потым яны падоўгу стаялі каля брамы, маўчалі, і ён чамусьці баяўся яе болей не ўбачыць.
Іншым разам увечары прыцягнуў цяжкі бацькаў бінокль, і, сеўшы на плот, яны доўга разглядалі падрапаны сподак месяца. Ночы стаялі цёплыя, вецер аціх, і здавалася, на месяцы нешта павінна вось зараз заварушыцца і папаўзці па шчарбатых кратэрах. І раптам яе рука кранула яго. Яны праседзелі разам ноч, а пад раніцу, калі за далёкім лесам разгараўся світанак, і здавалася, нават птушкі замерлі ў садах, ён з трапятаннем дакрануўся да яе твару. Правёў рукой па кучаравых, жорсткіх валасах. Яна не адхілялася, глядзела бліскучымі месяцовымі вачыма і чакала яго.

Варыянт заканчэння першы

Прадраўся зарослым садам, выйшаў да разбітага кароўніка. Шкілет калгасу кепска пасаваў сонечнай вясне. Яго хрыбет, след чужой эпохі, улетку патанаў у крапіве і баршчэўніку. Не так даўно ў гэтых месцах яшчэ заставаліся людзі, кароўнікі разбіралі на цэглу; пасля кінулі. Калі вёска памерла, першыя гады прыезджыя грыбнікі яшчэ набівалі сцежкі па старых каляінах.
Цяпер тут вандруюць звярынымі сцежкамі. Кароткі шлях у бур'яне прабіла лісіца, брод праз плынную вясной рэчку адшукалі дзікі. У лукавіне, пад грудам, дзе стары Буракоў браў гліну на цэглу, у іх гразевыя ванны. Шыракарогія ласі за зіму абадралі яблыні ў садках, ствалы скрэслены доўгімі палосамі ад іх вострых разцоў.
Прабіраешся натаптанай капытамі сцежкай праз рэшткі двароў, платоў, міма стомленых пахілых слупоў электраперадачы, тонеш у бясконцых падтопленых красавіком

Пробираешься натоптанной копытами тропой через остатки дворов, заборов, мимо устало скособоченных столбов электропередачи, тонешь в бесконечных, подтопленных апрелем лугах и болотах, врастаешь в природу, как привитый отросток к дереву, и некого бояться, кроме человека. Вдыхаешь лесную сырость, ветер широких полей, и так хочется брести и брести по зарослям, скрываясь в траве, шумно, зверем засопеть, одичало улавливать тонкие запахи, прислушиваться к неслышному людям шороху мыши, чесаться о молодые дубы густой к холодам шерстью. Изредка поднимешь мохнатую голову на медленный гул, посмотришь медовым глазом, как чертит белую полосу в синеве неживая птица. И скроешься, рыская, в кущах.

Вариант окончания второй

Когда он вернулся, Варежка, в расстёгнутой от припека курточке, кричала во всё горло, вытянув вверх озябшие кулачки:
— Папа, папа! У меня зуб вырвался!
Он торопливо скинул сапоги, куртку, убрал в машину ружьё. Вытащил Сашку из-за руля, где тот жужжал вместо двигателя на весь двор. Катя махала из палисадника, где дымил на костре обед. Она была хороша в этом свитере с высоким горлом.
— Мы уже и в доме убрались, и всё приготовили, — она поцеловала его и посмотрела с любовной претензией. — Что бы ты без нас делал?!
Попробовал из котелка, смачно, чтобы Катя видела, с удовольствием причмокнул. Оглядел двор, убедился, что всё в порядке. Взял на руки Варежку, которая тут же принялась наводить порядок в его тёмно-русой густой шевелюре. Сел с ней на лавку, откуда открывался вид на речку. Варежка стала считать пальцы

лугах і балотах, урастаеш у прыроду, як прышчэпленая галіна да дрэва, і няма каго баяцца, апрача чалавека. Удыхаеш лясную волкасць, вецер шырокіх палёў, і так хочацца цягнуцца і брысці зараснікамі, хаваючыся ў траве, шумна, зверам засапці, здзічэла ўцягваць тонкія пахі, прыслухоўвацца да нячутных людзьмі мышыных шоргатаў, чухацца аб маладыя дубы густой да халадоў поўсцю. Зрэдку падымеш калматую галаву на павольны гул, паглядзіш мядовым вокам, як малюе белую паласу ў сінечы нежывая птушка. І знікнеш у гушчары.

Варыянт заканчэння другі

Калі ён вярнуўся, Варажка, у расшпіленай ад прыпёку куртачцы, крычала на ўсё горла, выцягнуўшы ўгору азяблыя кулачкі:
– Тата, тата! У мяне зуб выпаў!
Ён паспешліва скінуў боты, куртку, схаваў у машыну ружжо. Выцягнуў Сашку з-за руля, дзе той гудзеў замест рухавіка на ўвесь двор. Каця махала з кветніка, дыміў на вогнішчы абед. Яна была вельмі прыгожая ў гэтым швэдры з высокім горлам.
– Мы ўжо і ў доме прыбраліся, і ўсё прыгатавалі, – яна пацалавала яго і паглядзела з любасцю. – Што б ты без нас рабіў?!
Пакаштаваў страву з кацялка, смачна, каб Каця бачыла, з асалодай прыцмокнуў. Агледзеў двор, пераканаўся, што ўсё ў парадку. Узяў на рукі Варажку, якая тут жа прынялася наводзіць парадак у яго цёмна-русай, густой шавялюры. Сеў з ёй на лаўку, адкуль адкрываўся від на рэчку. Малая стала лічыць пальцы і крычаць нешта бабулі, якая выйшла з хаты. Каця распавядала маме, што на працы ўсё ў парадку, хоць часу зусім няма, што хутка выбары і ўлёткамі заклеены ўвесь

и кричать что-то бабушке, которая вышла из дома. Катя рассказывала маме, что на работе всё в порядке, хотя времени совсем нет, что скоро выборы и лицами заклеен весь город, что пробки жуткие, по два часа коптишь на жаре или дрогнешь на холоде, что продукты и услуги дорожают, а зарплата как-то хитро так растёт, что не увеличивается.

Он посмотрел на них, потом дальше, где изгородью шелестел на ветру седой сухостой, шумел талыми водами ручей и во весь горизонт темнел лес за полем. От ручья прорезал слух одинокий зов ястреба. Он высоко над головой поднял Варежку, потеребил игриво.

— Ничего, ничего бы я без вас не делал! Не делал бы совсем ничего!

Чмокнул её в пухлую щёчку и потащил к столу, где мама раздавала приборы и Катя, усадив ёрзающего на месте Сашку, разливала по тарелкам горячий пахучий обед.

горад, што пробкі жудасныя, па дзве гадзіны паўзеш па спякоце або стынеш на холадзе, што прадукты і паслугі даражэюць, а зарплата неяк хітра так расце, што і не павялічваецца.

Ён паглядзеў на іх, потым далей, дзе шамацеў на ветры сівы сухастой, шумеў талымі водамі ручай і ва ўвесь далягляд цямнеў лес за полем. Ад ручая разануў слых самотны заклік ястраба. Ён высока над галавой падняў Варажку, пацерабіў гулліва.

– Нічога, нічога б я без вас не рабіў! Не рабіў бы зусім нічога!

Цмокнуў яе ў пухлую шчочку і пацягнуў да стала, дзе мама раскладала прыборы і Каця, усадзіўшы няўрымслівага Сашку, налівала па талерках гарачы пахкі абед.

Георгий Фомин

Георгій Фамін

Георгий Фомин родился 12 июня 1991 года в городе Улан-Удэ. Окончил одиннадцать классов школы. В 2008 году поступил в Иркутский филиал Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодёжи и туризма. После его окончания в 2013 году поступил в Восточно-сибирскую государственную академию культуры и искусств на заочное отделение. Увлекается спортом и путешествиями. Любит кино и книги.

Георгій Фамін нарадзіўся 12 чэрвеня 1991 года ў горадзе Улан-Удэ. Скончыў адзінаццаць класаў школы. У 2008 годзе паступіў у Іркуцкі філіял Расійскага дзяржаўнага ўніверсітэта фізічнай культуры, спорту, моладзі і турызму. Пасля яго заканчэння ў 2013 годзе паступіў ва Усходне-Сібірскую дзяржаўную акадэмію культуры і мастацтваў на завочнае аддзяленне. Захапляецца спортам і вандроўкамі. Любіць кіно і кнігі.

ИЛЛЮЗИЯ ПОЛЕЗНОСТИ

Я плакал. Я плакал оттого, что устал. Устал не от чего-то конкретного, а просто устал. Кончались силы. Плакал оттого, что было больно.

Я открыл окно, сел на подоконник, смотрю вдаль, и слёзы текут из моих глаз. Я думал только о том, как устал. Затем начал думать, почему мне так не везёт и из-за чего у меня кончались силы. Это был самый тяжёлый день в моей жизни. Для кого-то этот день был бы обыкновенным или лёгким. В моей жизни это не так. Я вымотался. Я весь иссяк. Не хочу вспоминать, что было. Но всё началось не сегодня. И не вчера. Всё начиналось в разные дни. Всё сплелось в одно и взорвалось в один день.

Ночь. Этот день уже закончился, но он продолжается. Он будет длиться вечно, пока время не вылечит. «Вечно» слишком страшное слово, как слово «всегда». Хемингуэй не обманул. Зачем я прочитал так много книг? Они тоже виноваты во всём. Все книги виноваты во всем. Из-за них тоже сижу на подоконнике, свесив ноги на улицу, и смотрю то вдаль, то вниз. Внизу одиннадцать этажей, внизу жизнь, внизу этот день. Этот день и в комнате за моей спиной. Я его вижу перед собой. Перед собой я вижу соседний дом. Там все спят. Меня никто не видит. Не видит и она. Она тоже виновата. Из-за неё тоже я плачу. Скорее всего, она тоже не спит. Зачем она устроилась работать в моё любимое кафе? Зачем она прочитала так много книг?

Я люблю читать. Любил читать. Да, именно любил. В прошедшем времени. Больше не стану читать книги. Буду как все. Я читал везде. И в кафе.

Темнота ночи заполонила собой комнату и вытеснила темноту квартиры. Моя квартира — это одна комната, кухня, ванная, туалет, коридор, темнушка. Может быть, у «темнушки» есть другое название, но я его не знаю. Что толку от прочитанных книг, если ты не знаешь другого названия темнушки?

ІЛЮЗІЯ КАРЫСНАСЦІ

Я плакаў. Я плакаў ад таго, што стаміўся. Стаміўся не ад чагосьці канкрэтнага, а проста стаміўся. Сілы канчаліся. Плакаў ад таго, што было балюча.

Я адчыніў акно, сеў на падаконнік, гляджу ўдалячынь, і слёзы цякуць з маіх вачэй. Я думаў толькі пра тое, як стаміўся. Затым пачаў думаць, чаму мне так не шанцуе і з-за чаго ў мяне канчаюцца сілы. Гэта быў самы цяжкі дзень у маім жыцці. Для кагосьці гэты дзень быў бы звычайным або лёгкім. У маім жыцці гэта не так. Я выматаўся. Я ўвесь вычарпаўся. Не хачу ўспамінаць, што было. Але ўсё пачалося не сёння. І не ўчора. Усё пачыналася ў розныя дні. Усё сплялося ў адно і выбухнула ў адзін дзень.

Ноч. Гэты дзень ужо скончыўся, але ён працягваецца. Ён будзе доўжыцца вечна, пакуль час не вылечыць. «Вечна» – занадта страшнае слова, як слова «заўсёды». Хэмінгуэй не падмануў. Навошта я прачытаў так шмат кніг? Яны таксама вінаватыя ва ўсім. Усе кнігі вінаватыя ва ўсім. З-за іх таксама сяджу на падаконніку, звесіўшы ногі на вуліцу, і гляджу то ўдалячынь, то ўніз. Унізе адзінаццаць паверхаў, унізе жыццё, унізе гэты дзень. Гэты дзень і ў пакоі за маёй спінай. Я яго бачу перад сабой. Перад сабой я бачу суседні дом. Там усе спяць. Мяне ніхто не бачыць. Не бачыць і яна. Яна таксама вінаватая. З-за яе таксама я плачу. Хутчэй за ўсё, яна таксама не спіць.

Навошта яна ўладкавалася працаваць у маю любімую кавярню? Навошта яна прачытала так шмат кніг?

Я люблю чытаць. Любіў чытаць. Так, менавіта любіў. У мінулым часе. Больш не стану чытаць кнігі. Буду як усе. Я чытаў усюды. І ў кавярні.

Цемра ночы апанавала пакой і выцесніла цемру кватэры. Мая кватэра – гэта адзін пакой, кухня, ванная, прыбіральня, калідор, цямнушка. Можа быць, у «цямнушкі» ёсць

Она принесла мне чай и спросила, что я читаю.
Книги и герои книг научили или приучили жить по своим правилам. Поэтому я не пошёл работать в офис после университета, а открыл своё дело. Начал заниматься тем, что нравится. Ведь, как говорится, «найди работу по душе, и ты не проработаешь и дня». Я получал удовольствие от своего дела, но денег это не приносило. Мне было плевать. Моим знакомым, а точнее, людям, которые считали себя моими друзьями, было непонятно.
Звёзд на небе не видно. Город слишком яркий, чтобы можно было увидеть звёзды. Когда я в детстве летом приезжал в деревню, то специально просыпался в три часа ночи, чтобы увидеть Млечный Путь. С тех пор я его ни разу не видел. А многие за всю жизнь его не видели. Хотя, скорее всего, я ошибаюсь. Как и всегда.
В соседнем доме загорелось одно окно. Кажется, пятый этаж. Видимо, кто-то решил поесть или попить. Странно, что во всём доме люди выключили свет в своих квартирах. За этим домом стоит ещё один такой же, а за ним — ещё один. А за ним — город, из которого я уеду через неделю. Уеду навсегда. «Навсегда» тоже страшное слово. Никогда не говори «навсегда».
В пятнадцать лет я впервые побывал в городе М. и влюбился в него. Спустя десять лет я буду жить в городе М. После школы я переехал из родного города. После университета я уезжаю из города, где моё любимое дело и она.
Она первая заговорила со мной. Я ответил, что читаю «Капитанскую дочку», и показал обложку книги. Она спросила, не читал ли я её в школе. Все читали её в школе. Я перечитываю. Она сказала: «Береги честь смолоду», — и ушла. Я не стал пить чай и тоже ушёл.
Свет в окошке на пятом этаже погас. Я посмотрел на небо. Там нет звёзд. Я обернулся и посмотрел в комнату. Там тоже нет звёзд.
Два года назад я окончил университет, а год назад мой друг переехал в город М. Два месяца назад он предложил мне переехать в город М. к нему. Он знает, как

іншая назва, але я яе не ведаю. Якая карысць ад прачытаных кніг, калі не ведаеш іншай назвы цямнушкі?
Яна прынесла мне гарбату і спытала, што я чытаю.
Кнігі і героі кніг навучылі ці прывучылі жыць па сваіх правілах. Таму я не пайшоў працаваць у офіс пасля ўніверсітэта, а адкрыў уласную справу. Пачаў займацца тым, чым падабаецца. Бо, як той казаў, «знайдзі працу па душы, і не будзеш працаваць ні дня». Я атрымліваў задавальненне ад сваёй справы, але грошай яна не прыносіла. Мне было пляваць. Маім знаёмым, а дакладней, людзям, якія лічылі сябе маімі сябрамі, было няўцям.
Зорак на небе не відаць. Горад занадта яркі, каб можна было ўбачыць зоркі. Калі я ў дзяцінстве летам прыязджаў на вёску, то спецыяльна прачынаўся ў тры гадзіны ночы, каб пабачыць Млечны Шлях. З таго часу я яго ні разу не бачыў. А многія за жыццё яго не бачылі. Хоць, хутчэй за ўсё, я памыляюся. Як і заўсёды.
У суседнім доме загарэлася адно акно. Здаецца, пяты паверх. Мабыць, хтосьці выращыў паесці або папіць. Дзіўна, што ва ўсім доме людзі выключылі святло ў сваіх кватэрах. За гэтым домам стаіць яшчэ адзін такі ж самы, а за ім – яшчэ адзін. А за ім – горад, з якога я з’еду праз тыдзень. З’еду назаўжды. «Назаўжды» – таксама страшнае слова. Ніколі не кажы «назаўжды».
У пятнаццаць гадоў я ўпершыню пабываў у горадзе М. і закахаўся ў яго. Праз дзесяць гадоў я буду жыць у горадзе М. Пасля школы я пераехаў з роднага горада. Пасля ўніверсітэта я з’язджаю з горада, дзе мая любімая справа і яна.
Яна першая загаварыла са мной. Я адказаў, што чытаю «Капітанскую дачку», і паказаў вокладку кнігі. Яна спытала, ці не чытаў я яе ў школе. Усе чыталі яе ў школе. Я перачытваю. Яна сказала: «Беражы гонар з маладосці», – і пайшла. Я не стаў піць чай і таксама пайшоў.

я люблю этот город. Он хорошо устроился, поэтому сможет помочь и мне. Мне нужна его помощь.
Вчера я дочитал «Двойника» Достоевского. Сегодня ничего не читал. И больше не буду. Буду как все. Я очень устал.
Моё дело — это организация и проведение различных мероприятий. Неважно каких. Можем провести день рождения, можем — научно-практическую конференцию. Этому меня научили в университете. Я работаю не один. Но дело моё. А заказов мало. Сегодня проводили открытие кинотеатра. Город маленький, событие большое. Нас пригласили организовать это мероприятие благодаря человеческому фактору. Директор кинотеатра учился со мной в университете, только на три курса старше. Мы познакомились на какой-то конференции. Зачем я писал статьи на конференции?
Со вчерашнего дня, а особенно весь сегодняшний вечер после мероприятия, мне кажется, что мой друг — это мой двойник. «Весело мне жить мешает Достоевский в голове». Какая интересная фраза. Её мне сказала она.
На следующий день я опять пришёл в кафе и думать не думал про неё. Опять была её смена. «Как долго вы её читаете?» — спросила она. Что же я тогда ответил? Что-то умное. Точно. Я сказал, что уважаю писателей, а прочитать его роман, над которым он трудился какое-то время, за один день — это неуважение, как мне кажется. Что-то такое я и сказал. Это было пять недель назад. В это время я уже договорился с другом о квартире. То есть, договорились, что он её найдёт, а потом я приеду на всё готовое.
Меня никто никогда не любил. Хотя мама и папа меня любят. Да и два брата с сестрой тоже. Я уверен, что и бабушки с дедушками меня любили. Тогда почему я так думаю? Может, эта любовь не такая? Или я очень устал? Какой невыносимо тяжёлый день. Как медленно течёт время. Как медленно оно меня лечит. Как быстро текут слёзы.

Святло ў акенцы на пятым паверсе згасла. Я паглядзеў на неба. Там няма зорак. Я павярнуўся і агледзеў пакой. Там таксама няма зорак.

Два гады таму я скончыў універсітэт, а год таму мой сябар пераехаў у горад М. Два месяцы таму ён прапанаваў мне пераехаць у горад М. да яго. Ён ведае, як я люблю гэты горад. Ён добра ўладкаваўся, таму зможа дапамагчы і мне. Мне патрэбна яго дапамога.

Учора я дачытаў «Двайніка» Дастаеўскага. Сёння нічога не чытаў. І больш не буду. Буду як усе. Я вельмі стаміўся.

Мая справа – гэта арганізацыя і правядзенне розных мерапрыемстваў. Усё роўна якіх. Можам правесці дзень нараджэння, можам – навукова-практычную канферэнцыю. Гэтаму мяне навучылі ва ўніверсітэце. Я працую не адзін. Але справа мая. А заказаў мала. Сёння праводзілі адкрыццё кінатэатра. Горад маленькі, падзея вялікая. Нас запрасілі арганізаваць гэтае мерапрыемства дзякуючы чалавечаму фактару. Дырэктар кінатэатра вучыўся са мной ва ўніверсітэце, толькі быў на тры курсы старэйшы. Мы пазнаёміліся на нейкай канферэнцыі. Навошта я пісаў артыкулы на канферэнцыі?

Ад учора, а асабліва ўвесь сённяшні вечар пасля мерапрыемства мне здаецца, што мой сябар – гэта мой двайнік. «Весела мне жыць перашкаджае Дастаеўскі ў галаве». Якая цікавая фраза. Яе мне сказала яна.

На наступны дзень я зноў прыйшоў у кавярню і думаць забыўся пра яе. Зноў была яе змена. «Як доўга вы яе чытаеце?» – спытала яна. Што ж я тады адказаў? Нешта разумнае. Дакладна. Я сказаў, што паважаю пісьменнікаў, а прачытаць яго раман, над якім ён доўга працаваў, за адзін дзень – гэта непавага, як мне здаецца. Нешта такое я і сказаў. Гэта было пяць тыдняў таму. Тады я ўжо дамовіўся з сябрам пра кватэру. Гэта значыць, дамовіліся, што ён яе знойдзе, а я потым прыеду на ўсё гатовае.

Мяне ніхто ніколі не любіў. Хаця мама і тата мяне любяць. Ды і два браты з сястрой таксама. Я ўпэўнены, што і бабулі з дзядулямі мяне любілі. Тады чаму я так думаю?

Смотреть на луну мне доставляет удовольствие. Видеть, как солнце освещает часть луны или её всю. Луна даёт понять, что если мы чего-то не видим, то это не значит, что его нет. Солнце скрылось, но освещает луну. Луна меня завораживает. Я и сейчас смотрю на неё. Море Спокойствия проникает в меня. Но я никак не могу успокоиться.
Начало мероприятия в 17:00. Музыкальную аппаратуру должны были привезти за час до начала, но не привезли. Она оказалась у нас в 17:45. В 18:30 моя работа должна была закончиться. В 19:00 премьерный показ. Три зала, три премьеры. Билеты были раскуплены ещё за неделю. Город маленький, событие большое. Я сорок пять минут говорил без микрофона. Говорил громко, почти кричал. В глазах директора кинотеатра читались несбыточные надежды. Крики людей, типа «нам ничего не слышно», вгоняли меня в маленький ступор. Через сорок пять минут дело пошло веселей, но темп был потерян. Меня тоже пригласили на премьерный показ. Мне было плохо ещё до начала мероприятия.
Интересно, как выглядят заплаканные глаза при свете луны? Если стану режиссёром, то обязательно вставлю в фильм такой кадр. Если стану писателем, то опишу его в романе. Если стану никем, то опять буду плакать всю ночь, а луна не сможет меня успокоить. Что мне теперь делать?
«А что вы читаете?» — первое, что я услышал от неё. Она должна была видеть обложку книги. На второй день мы разговорились. Она присела ко мне за столик. Но быстро спохватилась и побежала обслуживать следующих посетителей. Это была женщина с двумя детьми. Кажется, это были её дети. Я опять не стал пить свой чай. В этом кафе сначала нужно оплатить свой заказ в кассе, и только потом тебе его в порядке очереди принесёт официант или официантка, или она. Я не хотел бы работать официантом. Мне некогда было думать о ней — мне нужно было организовывать свадьбу.

Можа, гэта не тая любоў? Ці я вельмі стаміўся? Які невыносна цяжкі дзень. Як павольна цячэ час. Як павольна ён мяне лечыць. Як хутка цякуць слёзы.
Глядзець на месяц мне прыемна. Бачыць, як сонца асвятляе яго частку або ўсю поўню. Месяц дапамагае зразумець, што калі мы чагосьці не бачым, то гэта не азначае, што яго няма. Сонца схавалася, але асвятляе месяц. Месяц мяне зачароўвае. Я і зараз гляджу на яго. Мора Спакою пранікае ў мяне. Але я ніяк не магу супакоіцца.
Пачатак мерапрыемства ў 17:00. Музычную апаратуру павінны былі прывезці за гадзіну да пачатку, але не прывезлі. Яна трапіла да нас у 17:45. У 18:30 мая праца павінна была быць скончана. Прэм'ерны паказ а 19-й. Тры залы, тры прэм'еры. Квіткі былі раскуплены яшчэ за тыдзень. Горад маленькі, падзея вялікая. Я сорак пяць хвілін гаварыў без мікрафона. Гаварыў гучна, амаль крычаў. У вачах дырэктара кінатэатра чыталіся нязбыўныя надзеі. Крыкі людзей, кшталту «нам нічога не чуваць», уганялі мяне ў маленькі ступар. Праз сорак пяць хвілін справа пайшла весялей, але тэмп быў страчаны. Мяне таксама запрасілі на прэм'ерны паказ. Мне было дрэнна яшчэ да пачатку мерапрыемства.
Цікава, як выглядаюць заплаканыя вочы пры святле месяца? Калі стану рэжысёрам, то абавязкова дадам у фільм такі кадр. Калі стану пісьменнікам, то апішу яго ў рамане. Калі стану нікім, то зноў буду плакаць усю ноч, а месяц не зможа мяне супакоіць. Што мне цяпер рабіць?
«А што вы чытаеце?» – першае, што я пачуў ад яе. Яна павінна была бачыць вокладку кнігі. На другі дзень мы разгаварыліся. Яна прысела да мяне за столік. Але хутка спахапілася і пабегла абслугоўваць іншых наведвальнікаў. Гэта была жанчына з двума дзецьмі. Здаецца, гэта былі яе дзеці. Я зноў не стаў піць сваю гарбату. У гэтай кавярні спачатку трэба аплаціць заказ на касе, і толькі пасля яго ў парадку чаргі прынясе афіцыянт, ці афіцыянтка, ці яна. Я не хацеў бы працаваць афіцыянтам. Мне не было калі думаць пра яе – мне трэба было арганізоўваць вяселле.

Наш оператор выиграл что-то на фестивале короткометражек. Мы все были рады за него. Но книги всё равно лучше фильмов. В школе я однажды подрался с одноклассником, потому что сказал ему, что его любимый фильм — это лишь жалкое подобие того, что было написано в книге. Он ударил меня. Зря я сказал, что подрался. Точнее — меня побил мой одноклассник. Никогда не говорите, что чей-то любимый фильм плох. В первую очередь тем, кто сильнее вас. Это одно из правил моей жизни. Какая жизнь, такие и правила.

К концу открытия мой голос не охрип, но голова разболелась. Таблетки больше калечат, чем лечат. Фраза, сказанная одним из моих педагогов, заставила меня перестать пить таблетки. Голова заболела от усталости. Сейчас она не болит. Боль головы ушла вместе со слезами. Боль в душе уйдёт вместе со временем. Я — душевнобольной.

Кажется, про любовь была короткометражка нашего оператора.

Квартира в городе М. уже снята, мой друг заселился в неё. Через неделю там буду и я. Уже куплен билет на самолёт. Билет в один конец.

Сегодняшний день был неминуем. Я был обречён на усталость и боль.

Всё, что мне нравится, есть в городе М. В городе М. есть всё, что мне нужно. Там нет только её. Но она не причина отказываться от мечты. Ничто и никто не причина отказываться от мечты. Так меня научили романы, повести, рассказы. Моя мечта — жить в городе М. Про родной город я уже и забыл. Наверное, лучше сказать «город, в котором я родился», а не «родной город». Родной город — это город, где ты чувствуешь себя дома. Но в этом городе я всегда себя ощущал чужим. Я приезжаю туда только из-за родителей. Я их люблю. Конечно, вслух об этом ни разу не сказал. Это у меня от отца, скорее всего. Но они знают, что я их люблю. Этого достаточно. Там же живут мои братья и сестра. Они все старше меня. Я единственный, кто уехал из семьи. Книги во всём виноваты. Все книги виноваты во всём. Настанет время, и их все сожгут. Настанет время, и мы полетим на Марс.

Наш аператар выйграў штось на фестывалі кароткаметражак. Мы ўсе былі радыя за яго. Але кнігі ўсё адно лепш за фільмы. У школе я аднойчы пабіўся з аднакласнікам, бо сказаў яму, што яго любімы фільм – гэта толькі вартая жалю копія таго, што было напісана ў кнізе. Ён ударыў мяне. Дарма я сказаў, што пабіўся. Дакладней будзе, мяне пабіў мой аднакласнік. Ніколі не кажыце, што нечы любімы фільм дрэнны. У першую чаргу тым, хто мацней за вас. Гэта адно з правілаў майго жыцця. Якое жыццё, такія і правілы.

Да канца адкрыцця мой голас не ахрып, але галава разбалелася. Таблеткі больш калечаць, чым лечаць. Фраза, прамоўленая адным з маіх педагогаў, прымусіла мяне перастаць піць таблеткі. Галава балела ад стомы. Цяпер яна не баліць. Галаўны боль сышоў разам са слязьмі. Боль у душы сыдзе разам з часам. Я – псіхічнахворы чалавек.

Здаецца, пра каханне была кароткаметражка нашага аператара.

Кватэра ў горадзе М. ужо знятая, мой сябар заехаў у яе. Праз тыдзень заеду і я. Ужо набыты квіток на самалёт. Квіток у адзін канец.

Сённяшні дзень быў немінучы. Я быў асуджаны на стомленасць і боль.

Усё, што мне падабаецца, ёсць у горадзе М. У горадзе М. ёсць усё, што мне трэба. Там няма толькі яе. Але яна не нагода адмаўляцца ад мары. Нішто і ніхто не нагода адмаўляцца ад мары. Так мяне навучылі раманы, аповесці, апавяданні. Мая мара – жыць у горадзе М. Пра родны горад я ўжо забыўся. Напэўна, лепш сказаць «горад, у якім я нарадзіўся», а не «родны горад». Родны горад – гэта горад, дзе ты адчуваеш сябе як дома. Але ў гэтым горадзе я заўсёды адчуваў сябе чужым. Я прыязджаю сюды толькі з-за бацькоў. Я іх люблю. Вядома, услых пра гэта ні разу не сказаў. Гэта ў мяне ад бацькі, хутчэй за ўсё. Але яны ведаюць, што я іх люблю. Гэтага дастаткова. Там жа жывуць мае браты і сястра. Яны ўсе старэйшыя за мяне. Я адзіны, хто з'ехаў з сям'і. Кнігі ва ўсім вінаватыя. Усе кнігі вінаватыя ва ўсім. Надыдзе час, і іх усе спаляць. Надыдзе час, і мы паляцім на Марс.

Ещё одно окошко загорелось в соседнем доме. От соседнего балкона доносится устойчивый запах сигарет. Противный запах сигарет. Но ко всему привыкаешь. Уже не обращаешь внимания. Ночью он становится острее, ведь других запахов нет. В комнате за моей спиной не только не видно звёзд, но и вообще ничего не видно. Темнота победила. Луны мало. Противный запах сигарет настигает меня волнами. Свет в окошке погас. Думается, это был десятый этаж. Ещё час назад у меня раскалывались виски. Было такое ощущение, что в них вкручивают болты. Будто из меня хотят сделать монстра Виктора Франкенштейна. Боль ушла со слезами.
В третий раз мы случайно увиделись в продуктовом магазине. Я, как обычно, покупал две пачки молока, ватрушки с творогом и какао — оно закончилось. Что покупала она, я не помню. Хотя она говорила об этом. Я заметил её первым. Не знал, с чего начать разговор, поэтому решил сделать вид, что очень увлечённо разглядываю фрукты и овощи. До этого я не видел её три дня. Прошло пять дней с момента нашей первой встречи.
— Вместо того, чтобы читать «Капитанскую дочку», вы читаете ценники. Или вы её уже дочитали? — услышал я её голос за спиной. Я повернулся и растерялся. Что сказать? Вроде, нужно ответить на вопрос.
— Я уже её дочитал. Теперь Гоголь, «Тарас Бульба».
— Такое ощущение, что вы школьник.
— А вы на школьницу не похожи, — сказал я и понял, что сморозил ужасную глупость. Видимо, она прочла это на моём лице и не стала развивать эту тему. Мы заговорили о книгах. Она назвала свою любимую — «Замок» Франца Кафки. Мне показалось это странным, потому что Кафку невозможно было понять. В какой-то момент она назвала причину прихода в магазин. Я назвал свою. Она назвала меня Леоном. Я не понял. Я не нашёл ещё свою любимую книгу. Пока больше всех нравится Керуак и его «На дороге». «Особенно тема поиска отца», — как же я помпезно выражался, будто я известный литературный критик или старый преподаватель.

Яшчэ адно акенца загарэлася ў суседнім доме. З суседняга балкона даносіцца пах цыгарэт. Брыдкі пах цыгарэт. Але да ўсяго прывыкаеш. Не звяртаеш увагі. Уначы ён робіцца вастрэйшым, бо іншых пахаў няма. У пакоі за маёй спінай не толькі зорак, наогул нічога не відаць. Цемра перамагла. Месяца мала. Брыдкі пах цыгарэт наганяе мяне хвалямі. Святло ў акенцы згасла. Мяркую, гэта быў дзясяты паверх. Яшчэ гадзіну таму ў мяне раскалваліся скроні. Было адчуванне, што ў іх укручваюць ніты. Быццам з мяне хочуць зрабіць монстра Віктара Франкенштэйна. Боль сышоў са слязьмі.
У трэці раз мы выпадкова пабачыліся ў прадуктовай краме. Я, як звычайна, купляў два пачакі малака, ватрушкі з тварагом і какаву – яна закончылася. Што набывала яна, я не памятаю. Хоць яна казала. Я заўважыў яе першы. Не ведаў, з чаго пачаць гаворку, таму вырашыў зрабіць выгляд, што захоплена разглядаю садавіну і гародніну. Да гэтага я не бачыў яе тры дні. Прайшло пяць дзён з моманту нашай першай сустрэчы.
– Замест таго, каб чытаць «Капітанскую дачку», вы чытаеце цэннікі. Ці вы яе ўжо дачыталі? – пачуў я яе голас за спіной. Я павярнуўся і разгубіўся. Што сказаць? Відаць, трэба адказаць на пытанне.
– Я яе ўжо дачытаў. Цяпер Гогаль, «Тарас Бульба».
– Такое адчуванне, што вы школьнік.
– А вы на школьніцу не падобная, – сказаў я і зразумеў, што звёрз жахлівае глупства. Мабыць, яна прачытала гэта на маім твары і не стала развіваць тэму. Мы загаварылі пра кнігі. Яна назвала сваю любімую – «Замак» Франца Кафкі. Мне падалося гэта дзіўным, таму што Кафку немагчыма зразумець. У нейкі момант яна назвала прычыну прыходу ў краму. Я назваў сваю. Яна назвала мяне Леонам. Я не зразумеў. Я не знайшоў яшчэ сваю любімую кнігу. Пакуль больш за ўсіх падабаецца Керуак і яго «На дарозе». «Асабліва тэма пошуку бацькі» – як жа я пампезна выказваўся, быццам я вядомы літаратурны крытык або стары выкладчык.

Я чувствую, что мои глаза опухли от слёз, а нос — от бумажных салфеток. В луну я влюбился летом. Случайно увидел её днём на небе. Так удивился. Потом наблюдал за ней весь день и всю ночь.

В моём подъезде установили лампочки, которые реагируют на движение. Моя дверь находится чуть в стороне от них, поэтому мне каждый раз приходится пройти пару метров до лампочки и помахать руками. После этого могу разглядеть замочную скважину и правильную сторону ключа.

Мне сегодня было так стыдно, что хотел вернуть весь гонорар. Не сделал этого. Стал жадным. Или я таким был всегда.

Во время третьей встречи я узнал её имя, а она — моё. Я назвал ей своё настоящее имя, хотя часто представляюсь как Артём, Андрей или Артур. Внутренняя мания преследования и несуществующие теории заговора заставляют меня скрывать своё имя. Удивительно, что все псевдонимы начинаются на «А». Не знаю, из-за чего так. Почему-то я захотел предложить ей ещё раз встретиться. Затем подумал, что она ответит: мы и так встретимся в кафе. И ничего не стал предлагать. Лишь сказал: «До встречи в кафе». Она мне пожелала всего доброго. Я ушёл домой пить какао и есть ватрушки с творогом. Моя мама в детстве (в моём детстве) очень вкусно их пекла. Теперь я живу один, далеко от родителей. Ем ватрушки — вспоминаю маму.

Ночью на улице прохладно, а я сижу в одной футболке. Мне холодно. Не хочу вставать и идти за кофтой. Боюсь нарушить момент. Я так просидел уже почти три часа. Хотя точного времени не знаю. Я много чего не знаю. Некоторые люди меня считают умным. Одно время я им верил. Сейчас — нет. В данный момент — нет. И завтра не буду.

Молоко закончилось, а какао есть. Ещё закончился хлеб. Она не ест мучное — бережёт фигуру — и не пьёт молоко — аллергия. Что же она тогда покупала?

Я адчуваю, што вочы мае апухлі ад слёз, а нос – ад папяровых сурвэтак. У поўню я закахаўся летам. Выпадкова ўбачыў яе днём на небе. Так здзівіўся. Потым назіраў за ёй увесь дзень і ўсю ноч.
У маім пад’ездзе паставілі лямпачкі, якія рэагуюць на рух. Мае дзверы знаходзяцца крыху ў баку ад іх, таму мне кожны раз даводзіцца прайсці пару метраў да лямпачкі і памахаць рукамі. Пасля гэтага я магу разгледзець замок і правільны бок ключа.
Мне сёння было так сорамна, што я хацеў вярнуць увесь ганарар. Не зрабіў гэтага. Стаў сквапным. Ці я такім быў заўсёды.
Падчас трэцяй сустрэчы я даведаўся яе імя, а яна – маё. Я назваў ёй сваё сапраўднае імя, хоць часта прадстаўляюся Арцёмам, Андрэем або Артурам. Унутраная манія праследу і неіснуючыя тэорыі змовы прымушаюць мяне хаваць сваё імя. Дзіўна, што ўсе псеўданімы пачынаюцца на «А». Не ведаю, з-за чаго так. Чамусьці я захацеў прапанаваць ёй яшчэ раз сустрэцца. Потым падумаў, што яна адкажа, што мы ж і так сустрэнемся ў кавярні. І нічога не стаў прапаноўваць. Толькі сказаў: «Да сустрэчы ў кавярні». Яна мне пажадала ўсяго добрага. Я пайшоў дадому піць какаву і есці ватрушкі з тварагом. Мая мама ў дзяцінстве (у маім дзяцінстве) пякла вельмі смачныя ватрушкі. Цяпер я жыву адзін, далёка ад бацькоў. Ем ватрушкі – успамінаю маму.
Ноччу на вуліцы халаднавата, а я сяджу ў майцы. Мне холадна. Не хачу ўставаць і ісці па кофту. Баюся сапсаваць момант. Я так прасядзеў амаль тры гадзіны. Хаця дакладна час не ведаю. Я шмат чаго не ведаю. Некаторыя людзі мяне лічаць разумным. Некалі я ім верыў. Цяпер – не. У дадзены момант – не. І заўтра не буду.
Малако скончылася, а какава ёсць. Яшчэ скончыўся хлеб. Яна не есць мучнога – беражэ фігуру – і не п’е малако – алергія. Што ж яна тады купляла?
Дзень сёння не атрымаўся з самай раніцы. Пачынаючы з таго, што мне прыйшлося ўставаць а восьмай. Я рэдка ўстаю так рана. Мой сярэднестатыстычны дзень

День сегодня не задался с самого утра. Начиная с того, что мне пришлось вставать в 8 утра. Я редко встаю так рано. Мой среднестатистический день начинается в полдень. Когда я усну в эту ночь или утро, то буду спать, пока не надоест лежать в кровати. А может, я усну на полу. А может — на подоконнике. И потом ненароком вывалюсь из окна. Но со мной ничего не будет, ведь мышцы во сне расслаблены. Хотя я могу проснуться от свободного падения. $g = 9{,}8$ м/с^2.
В школе я впервые уснул в десятом классе на уроке физики.
Я ей об этом рассказывал.
В дни, когда я сильно устаю, начинаю ненавидеть себя больше обычного.
Спустя неделю нашего знакомства мы с ней гуляли целый день по городу. В этом городе некуда идти и не на что смотреть. Было неважно, куда мы идём и где мы идём. Важно было, что МЫ идём. Темы для разговора всплывали из ниоткуда.
Я всегда старался быть занятым. Занятым важным, как мне казалось. И если я целый день что-то делал, то я сам себе казался полезным. И поэтому я меньше ненавидел себя. Ох уж эта иллюзия полезности. Без неё моя жизнь была бы ужасной, тлетворной.
Всегда после проведения мероприятия у меня чешется голова. Мероприятия я провожу нечасто. Занимаюсь этим почти год. Открытие кинотеатра — это огромный шаг вперёд. Мог бы быть. Но это был провал. В газете можно написать «Провёл провал». Наверное, кто-нибудь и оценил бы каламбур.
Этот провал не сравнить с тем потрясением, что я испытал в 13:28. Я зачем-то посмотрел на часы на Центральной площади. Они показывали 13:28. Я никогда не забуду эти цифры. Всегда буду вздрагивать, когда увижу их на циферблате, или на табло, или на экране. Кого я обманываю. Я слишком драматизирую.
И сейчас чешется голова.
Когда рассветёт, нужно будет слезть с подоконника. Как я хочу спать! Резко напала сонливость.

пачынаецца апоўдні. Калі я засну ў гэтую ноч ці раніцу, то буду спаць, пакуль не надакучыць ляжаць у ложку. А можа, я засну на падлозе. А можа – на падаконніку. І потым незнарок выпаду з акна. Але са мной нічога не будзе, бо мышцы ў сне расслабленыя. Хаця я магу прачнуцца ад свабоднага падзення. $g = 9{,}8$ м/с^2. У школе я ўпершыню заснуў у дзясятым класе на ўроку фізікі.
Я ёй пра гэта распавядаў.
У дні, калі я моцна стамляюся, пачынаю ненавідзець сябе больш чым звычайна.
Праз тыдзень нашага знаёмства мы з ёй шпацыравалі цэлы дзень па горадзе. У гэтым горадзе няма куды ісці і няма на што глядзець. Было няважна, куды мы кіруемся і дзе мы крочым. Важна было, што МЫ ідзем. Тэмы для размовы ўсплывалі з ніадкуль.
Я заўсёды імкнуўся быць занятым. Занятым важным, як мне здавалася. І калі я цэлы дзень нешта рабіў, то сам сабе здаваўся карысным. І таму я менш ненавідзеў сябе. Вось ужо гэтая ілюзія карыснасці. Без яе маё жыццё было б жахлівым, нікчэмным.
Заўсёды пасля правядзення мерапрыемства ў мяне свярбіць галава. Мерапрыемствы я праводжу нячаста. Займаюся гэтым амаль год. Адкрыццё кінатэатра – гэта велізарны крок наперад. Мог бы быць. Але гэта быў правал. У газеце можна было б напісаць «Правёў правал». Напэўна, хто-небудзь і ацаніў бы каламбур.
Гэты правал не параўнаць з тым узрушэннем, што я адчуваў у 13:28. Я чамусьці паглядзеў на гадзіннік на Цэнтральнай плошчы. Ён паказваў 13:28. Я ніколі не забуду гэтыя лічбы. Заўсёды буду ўздрыгваць, калі ўбачу іх на цыферблаце, або табло, або экране. Каго я падманваю. Я занадта драматызую.
І зараз свярбіць галава.
Калі развіднее, трэба будзе злезці з падаконніка. Як я хачу спаць! Рэзка напала дрымота. На першым спатканні мы гулялі цэлы дзень. У маім заплечніку ляжала кніжка. Толькі кніга і больш нічога.

На первом свиданиии мы гуляли целый день. В моём рюкзаке лежала книжка. Только книга и больше ничего.
— Почему ты не угостишь меня мороженым? — смеясь, спросила она.
— Потому что у меня нет денег, — признался я. И она купила два — себе и мне.
В следующий раз мы пошли в кино.
Неужели это трамвай? Так поздно? Я не ослышался, это точно был трамвай. Так грохочет только он.
Мы договорились встретиться сегодня возле памятника Лермонтову в 12.00. После чего, в два часа, мне нужно было идти готовиться к проведению открытия. Она никогда не опаздывала. Приходила даже раньше назначенного времени. Опаздывал я. Опаздывал, потому что она приходила раньше времени.
Всё-таки прохладный ветер дует на высоте одиннадцатого этажа. На первом этаже такие ветра не дуют.
На первом курсе университета я был самым прилежным студентом. А на втором — нет. В университете я впервые уснул на биологии. Когда меня хотела разбудить преподаватель, мой сосед попросил не беспокоить, и она продолжила лекцию. После окончания вуза я почти не общаюсь с соседом по парте. Мы живём в разных городах. Он уехал в свой родной город. Для него он действительно родной, как город М. — для меня.
Через неделю я буду пить какао и смотреть в окно на точно такие же дома и улицы, только в городе М. Эти улицы и дома будут такими же, но лучше.
Боль в голове прошла. Слёзы больше не текут. На смену им пришла тяжесть в глазах. Веки закрываются. ПОДНИМИТЕ МНЕ ВЕКИ. Несколько часов назад я думал, что просижу на окне два-три дня. Почему я сразу не одел кофту? Или «надел»? Где вечно поправляющие люди, когда они так нужны? Что мне теперь делать?

– Чаму ты не пачастуеш мяне марозівам? – са смехам спытала яна.
– Таму што ў мяне няма грошай, – прызнаўся я. І яна купіла два – сабе і мне. У наступны раз мы пайшлі ў кіно.
Няўжо гэта трамвай? Так позна? Я не недачуў, гэта дакладна быў трамвай. Так грукоча толькі ён.
Мы дамовіліся сустрэцца сёння каля помніка Лермантаву ў 12.00. Пасля чаго, у дзве гадзіны, мне трэба было ісці рыхтавацца да правядзення адкрыцця. Яна ніколі не спазнялася. Прыходзіла нават раней за прызначаны час. Спазняўся я. Спазняўся, таму што яна прыходзіла раней часу.
Усё ж такі прахалодны вецер дзьме на вышыні адзінаццатага паверха. На першым паверсе такія не дзьмуць.
На першым курсе ўніверсітэта я быў самым руплівым студэнтам. А на другім – не. Ва ўніверсітэце я ўпершыню заснуў на біялогіі. Калі мяне хацела пабудзіць выкладчыца, сусед папрасіў не турбаваць, і яна прадоўжыла лекцыю. Пасля заканчэння ВНУ я амаль не маю зносінаў з суседам па парце. Мы жывём у розных гарадах. Ён з'ехаў у свой родны горад. Для яго ён сапраўды родны, як горад М. – для мяне.
Праз тыдзень я буду піць какаву і глядзець у акно на такія самыя дамы і вуліцы, толькі ў горадзе М. Гэтыя вуліцы і дамы будуць такімі ж, але лепей.
Боль у галаве прайшоў. Слёзы больш не цякуць. На змену ім прыйшоў цяжар у вачах. Павекі заплюшчваюцца. УЗДЫМІЦЕ МНЕ ПАВЕКІ. Некалькі гадзін таму я думаў, што прасяджу на акне два-тры дні. Чаму я адразу не апрануў кофту? Або «надзеў»? Дзе людзі, якія вечна папраўляюць, калі яны патрэбныя? Што мне цяпер рабіць?
«Чаму ты не ўладкуешся на нармальную працу?» – спытала яна. «Я ненавіджу працаваць», – адказаў я. «Але ж зараз працуеш?» – працягвала яна. «Гэта не праца», –

«Почему ты не устроишься на нормальную работу?» — спросила она. «Я ненавижу работать», — ответил я. «Но ты же сейчас работаешь?» — продолжала она. «Это не работа», — отвечал я. «Ты на ней устаешь? Значит, работа», — доказывала она. «Я устаю и когда книги читаю», — разбивал её доказательства я.
На втором свидании я постарался её удивить. Я подготовил несколько сюрпризов в кинотеатре. Специально договорился с персоналом, чтобы они мне подыграли в нужный момент.
Скоро уже должно было выглянуть солнце. Как-то я всю ночь проходил по незнакомому городу, где был в первый раз, один. Было страшно. Таким образом я ждал поезд. Мои друзья спали на полу в здании вокзала. Их я могу назвать своими друзьями. Тогда они были ими. А сейчас — не знаю.
Я никогда не гнался за прибылью. Поэтому я плохой бизнесмен. Но это дело моё, и веду его, как хочу. Со мной работают такие же энтузиасты. Кажется, я всегда был жадным.
Очень неудобно, когда тебе приходится постоянно делать несколько шагов и махать руками, чтобы закрыть входную дверь. Очень надоедает. Как и этот ветер, который с каждым разом всё противней.
В кинотеатре её ждало три сюрприза.
Первый сюрприз.
Я ждал её в кафе кинотеатра, сидя за столиком. Она пришла раньше назначенного времени, но я пришёл ещё раньше. Она села напротив меня. Мы стали говорить. Неожиданно подходит официантка и приносит вкусное пирожное. Она смотрит на меня. Я делаю удивлённое лицо в стиле «не умею играть, только переигрывать». «Я не ем мучное», — говорит она. Я убеждаю её, что одно пирожное не навредит и что она его заслужила, и что не каждому человеку неожиданно приносят пирожное. Мы смеёмся.
Конец первого сюрприза.

адказваў я. «Ты на ёй стамляешся? Значыць, праца», – даводзіла яна. – «Я стамляюся і калі кнігі чытаю», – разбіваў яе доказы я.

На другім спатканні я пастараўся яе здзівіць. Я падрыхтаваў некалькі сюрпрызаў у кінатэатры. Спецыяльна дамовіўся з персаналам, каб яны мне падыгралі ў патрэбны момант.

Хутка павінна было паказацца сонца. Неяк я ўсю ноч шпацыраваў па незнаёмым горадзе, дзе апынуўся ў першы раз, адзін. Было страшна. Я чакаў цягнік. Мае сябры спалі на падлозе ў будынку вакзала. Іх я магу назваць сваімі сябрамі. Тады яны былі імі. А цяпер – не ведаю.

Я ніколі не гнаўся за прыбыткам. Таму я дрэнны бізнэсмен. Але гэта справа мая, і я раблю яе, як хачу. Са мной працуюць такія ж энтузіясты. Здаецца, я заўсёды быў сквапным.

Вельмі нязручна, калі табе даводзіцца ўвесь час рабіць некалькі крокаў і махаць рукамі, каб зачыніць уваходныя дзверы. Вельмі надакучвае. Як і гэты вецер, што з кожным разам усё больш брыдкі.

У кінатэатры яе чакала тры сюрпрызы.

Першы сюрпрыз.

Я чакаў яе ў кавярні кінатэатра, седзячы за столікам. Яна прыйшла раней за прызначаны час, але я прыйшоў яшчэ раней. Яна села насупраць мяне. Мы сталі размаўляць. Нечакана падыходзіць афіцыянтка і прыносіць смачнае пірожнае. Яна глядзіць на мяне. Я раблю здзіўлены твар у стылі «не ўмею іграць, толькі пераігрываць». «Я не ем мучнога», – кажа яна. Я пераконваю яе, што адно пірожнае не нашкодзіць і што яна яго заслужыла, і што не кожнаму чалавеку нечакана прыносяць пірожнае. Мы рагочам.

Канец першага сюрпрызу.

Если я сейчас не одену/надену кофту, то заболею. Болезнь мне не помешает. Давно не болел. Придёт она и приготовит какао. Нет, я не должен её больше видеть. Ни за что. Через неделю я улетаю. Она не достойна того, чтобы мешать моей мечте. Самообман. Иллюзия полезности — тоже самообман. Она никогда не была в этой квартире. В этой квартире никогда не было звёзд. Она не полна звёзд. Но была темнота. Были солнце и луна.
Между свиданием в кинотеатре и сегодня — 18 дней. Из них 15 я хотел сказать, что скоро уеду. Из них 10 дней я хотел сказать, что люблю её. Меня никто никогда не любил. Никогда не говори человеку, что любишь его, ведь он может ответить, что он тебя не любит. И скорее всего, так и сделает. Сегодня я ей признался. Это была ошибка.
Второй сюрприз.
При входе в кинозал билетёрша подарила ей книгу. По ней был снят фильм, на который мы идём. Моему удивлению не было границ.
Конец второго сюрприза.
Когда сильно хочешь спать или ненавидишь себя, высота в одиннадцать этажей кажется притягательной. Уже не смотришь вдаль. Твой взгляд направлен вниз. Это из-за неё я устал и плакал. Открытие ни при чём. Какая разница, что о тебе напишут в газетах и скажут люди? Я улетаю через неделю. Там у меня будут совсем другие заботы. Как бы я хотел, чтобы не было мыслей о ней. Это книги виноваты в нашем знакомстве.
Интересно, за сколько я долечу до земли, если мой вес 70 кг? Зря я спал на уроках физики.
Сегодня мы просто гуляли. Большую часть времени молчали. Я решил ей всё рассказать. Видимо, она это подозревала. Она единственная, кто меня понимает. Кроме мамы и сестры. И моего школьного друга, которого я уже не видел три года. Она ждала, когда я наконец скажу что-то важное. Я готовился. Тяжело

Калі я цяпер не адзену/надзену кофту, то захварэю. Хвароба мне не перашкодзіць. Даўно не хварэў. Прыйдзе яна і зробіць какаву. Не, я не павінен яе больш бачыць. Ні за што. Праз тыдзень я адлятаю. Яна не вартая таго, каб перашкаджаць маёй мары. Самападман. Ілюзія карыснасці – таксама падман. Яна ніколі не была ў гэтай кватэры. У гэтай кватэры ніколі не было зорак. Яна не поўная зорак. Але была цемра. Былі сонца і месяц.
Паміж спатканнем ў кінатэатры і сёння – 18 дзён. З іх 15 я хацеў сказаць, што хутка паеду. З іх 10 дзён я хацеў сказаць, што кахаю яе. Мяне ніхто ніколі не любіў. Ніколі не кажы чалавеку, што кахаеш яго, бо ён можа адказаць, што ён цябе не. І хутчэй за ўсё, так і зробіць. Сёння я ёй прызнаўся. Гэта была памылка.
Другі сюрпрыз.
Пры ўваходзе ў кіназалу квіткарка падарыла ёй кнігу. Па ёй быў зняты фільм, на які мы ідзем. Майму здзіўленню не было межаў.
Канец другога сюрпрызу.
Калі моцна хочаш спаць ці ненавідзіш сябе, вышыня ў адзінаццаць паверхаў здаецца прыцягальнай. Ужо не пазіраеш удалячынь. Твой позірк скіраваны ўніз. Гэта з-за яе я стаміўся і плакаў. Адкрыццё ні пры чым. Якая розніца, што пра цябе напішуць у газетах і скажуць людзі? Я вылятаю праз тыдзень. Там у мяне будуць зусім іншыя клопаты. Як бы я хацеў, каб не было думак пра яе. Гэта кнігі вінаватыя ў нашым знаёмстве.
Цікава, колькі зойме мой палёт да зямлі, калі мая вага 70 кг? Дарма я спаў на ўроках фізікі.
Сёння мы проста шпацыравалі. Большую частку часу маўчалі. Я вырашыў ёй усё расказаць. Мабыць, яна гэта падазравала. Яна адзіная, хто мяне разумее. Акрамя мамы і сястры. І майго школьнага сябра, якога я ўжо тры гады не бачыў. Яна чакала, калі я нарэшце скажу нешта важнае. Я рыхтаваўся. Цяжка казаць такое. Хоць гэта проста словы.

говорить такое. Хотя это просто слова. Если я никогда никого не любил, то как я понял, что это любовь? Опять самообман? С чего вообще начать такой разговор? Нужно ли при этом стоять или идти? Или лучше сесть? А сидеть рядом или друг против друга?

Сразу два окошка загорелись в разных концах дома. Почти одновременно. Неужели это всё-таки был трамвай? Есть ощущение, что я задремал на несколько секунд или минут.

Третий сюрприз.

Он её ждал на улице. Мы уже шли на остановку, когда нас догнал мой знакомый, которого она не знала, с букетом цветов и сказал: «Девушка, вы, кажется, оставили цветы в кинотеатре». Она с удивлённой, забавной улыбкой смотрела на меня. Я чувствовал себя значимым и полезным. Иллюзия полезности.

Конец третьего сюрприза.

Наверное, скоро рассвет. Самый тёмный час перед рассветом. Ещё одно окно озарилось светом. Неужели кто-то встаёт в такую рань? Видимо, это работа заставляет их вставать в это время. Сколько же сейчас? В комнате до сих пор ничего не видно. У меня замёрзло всё: ноги, руки, лицо. Футболку заправил в штаны, но всё так же сижу на подоконнике, свесив ноги на улицу.

Мы шли по Центральной площади. Людей было мало — местные на работе, а туристы в этот город редко приезжают. Я остановился. Она тоже. Мы стоим друг против друга. Я говорю, что через неделю улетаю в город М., что уже куплен билет. Она молча смотрит на меня. Я продолжаю говорить, что это моя мечта — жить там.

— Это всё пустяки, — говорю я, — главное, что я хотел сказать… это… это. Я люблю тебя.

Что-то странное мелькнуло в её глазах. Часы на Центральной площади показывали 13:27. Я смотрел на неё. У неё было незнакомое мне выражение лица. Думаю, оно выражало сожаление. И вот она ответила.

Калі я ніколі нікога не любіў, то як я зразумеў, што гэта каханне? Зноў самападман? З чаго наогул пачынаць такую размову? Ці трэба пры гэтым стаяць або ісці? Або лепш сесці? А сядзець побач або насупраць адно аднаго?
Два акенцы запаліліся ў розных канцах дома. Амаль адначасова. Няўжо гэта ўсё ж такі быў трамвай? Адчуванне, што я задрамаў на некалькі секунд ці хвілін.
Трэці сюрпрыз.
Ён яе чакаў на вуліцы. Мы ўжо ішлі на прыпынак, калі нас дагнаў мой знаёмы, якога яна не ведала, з букетам кветак і сказаў: «Дзяўчына, вы, здаецца, пакінулі кветкі ў кінатэатры». Яна здзіўлена, з усмешкай глядзела на мяне. Я адчуваў сябе значным і карысным. Ілюзія карыснасці.
Канец трэцяга сюрпрызу.
Напэўна, хутка світанак. Самы цёмны час перад світаннем. Яшчэ адно акно азарылася святлом. Няўжо нехта ўстае ў такую рань? Мабыць, гэта праца прымушае іх уставаць у гэты час. Колькі ж цяпер? У пакоі да гэтага часу нічога не разгледзець. У мяне змерзла ўсё: ногі, рукі, твар. Майку заправіў у штаны, але ўсё гэтак жа сяджу на падаконніку, звесіўшы ногі на вуліцу.
Мы ішлі па цэнтральнай плошчы. Людзей было мала – мясцовыя на працы, а турысты ў гэты горад прыязджаюць рэдка. Я спыніўся. Яна таксама. Мы сталі твар у твар. Я кажу, што праз тыдзень адлятаю ў горад М., што ўжо набыты білет. Яна моўчкі глядзіць на мяне. Я працягваю гаварыць, што гэта мая мара – жыць там.
– Гэта ўсё дробязі, – кажу я, – галоўнае, што я хацеў сказаць... гэта... гэта. Я кахаю цябе.
Нешта дзіўнае мільганула ў яе вачах. Гадзіннік на цэнтральнай плошчы паказваў 13:27. Я глядзеў на яе. У яе быў незнаёмы мне выраз твару. Думаю, ён выказваў шкадаванне. І вось яна адказала.

Слёзы давно перестали течь и высохли. Голова перестала болеть. Она теперь тяжёлая от сонливости. Весь продрог. Я развернулся, слез с окна и закрыл его. Я виноват во всём. Я просидел всю ночь, но так и не решил, что делать. Сегодня я услышал от неё самые ужасные слова в этой ситуации. Я плотно закрыл окно. Расстелил диван и лёг под одеяло прямо в одежде. Из-за её слов не могу найти себе места. Только её слова в голове. Что теперь делать? Кажется, это было проявлением эгоизма с её стороны. Нет, это я эгоист. До сих пор думаю, что я не заслужил таких слов.
Часы на Центральной площади показали 13:28.
— Я тоже тебя люблю. Не уезжай.

Слёзы даўно перасталі цячы і высахлі. Галава перастала балець. Яна цяпер цяжкая ад дрымоты. Увесь скалеў. Я павярнуўся, злез з акна і зачыніў яго. Я вінаваты ва ўсім. Я прасядзеў усю ноч, але так і не вырашыў, што рабіць. Сёння я пачуў ад яе самыя жудасныя словы ў гэтай сітуацыі. Я шчыльна зачыніў акно. Разаслаў канапу і лёг пад коўдру прама ў вопратцы. З-за яе слоў не магу знайсці сабе месца. Толькі яе словы ў галаве. Што цяпер рабіць? Да гэтага часу думаю, што я не заслужыў такіх слоў.
Гадзіннік на цэнтральнай плошчы паказаў 13:28.
– Я таксама цябе кахаю. Не з’язджай.

Ирина Иванникова

Ірына Іваннікава

Ирина Иванникова родилась в 1985 году в Берлине, с 1990 года живёт в Рязани. Окончила лечебный факультет Рязанского государственного медицинского университета. Пишет стихи и рассказы с восьми лет, первая публикация состоялась в 1997 году — в детской областной газете «Колокольчик». Стихи для детей пишет с 2010 года. Участница Семинаров молодых писателей, пишущих для детей (2012, 2013, 2014), и Форума молодых писателей России (2013). Победитель в поэтической номинации Межрегионального конкурса «Россия, Русь! Храни себя, храни!» (2013). Лауреат литературных конкурсов: имени В. В. Карпенко (2013), «Мещёрская лира» (2013), «Каблуковская Радуга» (2014). Финалист Международного поэтического конкурса «Память сердца» (2013—2014). В 2014 году студией «МультСоюз» выпущен мультфильм «Зоомагазин» по одноимённому стихотворению автора. Финалист II Международного конкурса на лучшее произведение для детей «Корнейчуковская премия» (2014). Публиковалась в журнале «Мурзилка» (№ 7, 2014), сборнике «Ока литературная» (2004, 2007), альманахе «Литературная Рязань — 2012», сборнике «Новые сказки — 2013» (том 2). В 2013 году вышел дебютный сборник стихотворений для детей «Прогулка с божьей коровкой» (издательство «Русское слово», Рязань), ставший «Серебряным лауреатом» конкурса «Её величество — Книга», по рейтингу Международной гильдии писателей (2013).

Ірына Іваннікава нарадзілася ў 1985 годзе ў Берліне, з 1990 года жыве ў Разані. Скончыла лячэбны факультэт Разанскага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта. Піша вершы і апавяданні з васьмі гадоў, першая публікацыя адбылася ў 1997 годзе – у дзіцячай абласной газеце «Званочак». Вершы для дзяцей піша з 2010 года. Удзельніца Семінараў маладых пісьменнікаў, якія пішуць для дзяцей (2012, 2013, 2014), і Форуму маладых пісьменнікаў Расіі (2013). Пераможца ў паэтычнай намінацыі Міжрэгіянальнага конкурсу «Расія, Русь! Захоўвай сябе, захоўвай!» (2013). Лаўрэат літаратурных конкурсаў: імя У. В. Карпенкі (2013), «Мяшчорская ліра» (2013), «Каблукоўская вясёлка» (2014). Фіналіст Міжнароднага паэтычнага конкурсу «Памяць сэрца» (2013–2014). У 2014 годзе студыяй «МультСаюз» выпушчаны мультфільм «Заакрама» па аднайменным вершы аўтаркі. Фіналіст II Міжнароднага конкурсу на лепшы твор для дзяцей «Карнейчукоўская прэмія» (2014). Друкавалася ў часопісе «Мурзілка» (№ 7, 2014), зборніку «Ака літаратурная» (2004, 2007), альманаху «Літаратурная Разань – 2012», зборніку «Новыя казкі – 2013» (том 2). У 2013 годзе выйшаў дэбютны зборнік вершаў для дзяцей «Шпацыр з божай кароўкай» (выдавецтва «Рускае слова», г. Разань), які стаў «Сярэбраным лаўрэатам» конкурсу «Яе вялікасць – Кніга», паводле рэйтынгу Міжнароднай гільдыі пісьменнікаў (2013).

ВАСИЛЬКОВЫЕ ДУШИ

Лариса, молодая художница-пейзажистка, нередко бывала в Москве по профессиональным делам. На этот раз они с коллегой Мариной приехали в Златоглавую для участия в проведении благотворительной выставки картин.

Три дня командировки были расписаны по минутам, но никто и предположить не мог, что все лоты выставки-аукциона обретут своих покупателей сразу после премьерной демонстрации! Состоятельные люди, да и просто ценители искусства, не скупясь, отдавали внушительные суммы за картины малоизвестных, но многообещающих художников. Собранные средства были направлены в детские дома.

Впечатлённые успехом мероприятия, женщины решили устроить себе маленький отпуск и остаться в столице до окончания командировки. На второй же день они отправились на экскурсию по городу. После традиционного посещения Красной площади и Поклонной горы Марина неожиданно предложила подруге посетить Ваганьковское кладбище, на котором ни одна из них прежде не бывала. Лариса согласилась скрепя сердце — ей не хотелось завершать своё пребывание в Москве столь печальной нотой. Но Марина заявила, что Ваганьково — это скорее аллея славы, нежели пристанище скорби и грусти, и Лариса сдалась.

…Фотографии известных актёров, музыкантов, спортсменов, шоуменов мелькали повсюду. Нигде и никогда Лариса не встречала такого количества имён разных эпох и поколений. Многие были её современниками — Тальков, Листьев, Абдулов… С последним она мечтала познакомиться с детства, была преданной поклонницей актёра. «Вот мы и встретились, Александр Гаврилович! Жалко, что так…» — еле слышно произнесла Лариса на могиле артиста.

— Что ты там бормочешь себе под нос? — одёрнула её Марина. — Если ты немного поторопишься, мы успеем присоединиться к экскурсионной группе школьников.

ВАСІЛЬКОВЫЯ ДУШЫ

Ларыса, маладая мастачка-пейзажыстка, нярэдка бывала ў Маскве па прафесійных пытаннях. Гэтым разам яны з калегай Марынай прыехалі ў сталіцу для ўдзелу ў правядзенні дабрачыннай выставы.

Тры камандзіровачныя дні былі распісаныя па хвілінах, але ніхто і падумаць не мог, што ўсе лоты выстаўкі-аўкцыёну здабудуць сваіх пакупнікоў адразу пасля прэм'ернай дэманстрацыі! Заможныя людзі, ды і проста знаўцы мастацтва, не вагаючыся, аддавалі вялікія сумы за карціны малавядомых, але шматабяцаючых мастакоў. Сабраныя сродкі былі адпраўлены ў дзіцячыя дамы.

Уражаныя поспехам мерапрыемства, жанчыны вырашылі наладзіць сабе маленькі адпачынак і застацца ў сталіцы да заканчэння камандзіроўкі. На другі ж дзень яны выправіліся на экскурсію па горадзе. Следам за традыцыйным наведваннем Чырвонай плошчы і Паклоннай гары Марына нечакана прапанавала сяброўцы наведаць Ваганькаўскія могілкі, на якіх ні адна з іх раней не была. Ларыса пагадзілася без ахвоты – ёй не хацелася завяршаць знаходжанне ў Маскве на такой сумнай ноце. Але Марына заявіла, што Ваганькава – гэта хутчэй алея славы, чым прыстанак смутку і маркоты, і Ларыса здалася.

...Фотаздымкі вядомых акцёраў, музыкаў, спартсменаў, шоўменаў мільгалі паўсюль. Нідзе і ніколі Ларыса не сустракала яшчэ такой колькасці вядомых асоб розных эпох і пакаленняў. Многія былі яе сучаснікамі – Талькоў, Ліснеў, Абдулаў... З апошнім яна марыла пазнаёміцца з дзяцінства, была адданай прыхільніцай акцёра. «Вось мы і сустрэліся, Аляксандр Гаўрылавіч! Шкада, што так...» – ледзь чутна прашаптала Ларыса на магіле артыста.

– Што ты там мармычаш пад нос? – гучна спытала Марына. – Калі ты трохі паспяшаешся, мы зможам далучыцца да экскурсійнай групы школьнікаў.

Лариса последовала за подругой, и вскоре они слушали, затаив дыхание, удивительные рассказы экскурсовода:
— …Обратите внимание, рядом с поэтом покоится Галина Артуровна Бениславская, большая поклонница и сподвижница Есенина. Именно здесь, спустя год после кончины Сергея Александровича, в день своего рождения, она застрелилась. Случилось две осечки, но третье нажатие на курок оказалось для молодой женщины роковым. В тот день ей исполнилось всего 29 лет.
«Как и мне тогда…» — подумала Лариса.
Марина вновь вывела подругу из задумчивости, решительно ухватив за руку.
— Пойдём, не хочется отставать от группы.
Многие надгробия поразили Ларису, затронув самые тонкие, болезненные струны души. Умершая в родах мать со своим мертворождённым ребёнком — убитый горем глава семейства поставил им памятник в виде фигуры Девы Марии с младенцем на руках. И еще одна могила… дочери известного художника Шилова. По словам экскурсовода, девочка погибла после долгой и безуспешной борьбы с лейкозом.
Лариса почувствовала, что земля уходит у неё из-под ног. Её душили рыдания, горло сковали спазмы. Не в силах больше находиться в тягостной атмосфере некрополя, она метнулась к выходу.
«Сколько лет уже прошло? — роились в голове привычные мысли. — Пять, целых пять лет. Почему я до сих пор не могу смириться?»
Слёзы текли по лицу, и Лариса по-детски утирала их рукавом свитера. Она смогла немного успокоиться лишь за кладбищенской оградой. Жизнь текла в своём прежнем неугомонном ритме, ласково улыбалось апрельское солнце. Лариса скользила безучастным взглядом по лицам прохожих, и вдруг ей показалось, что она увидела её. Короткая сиреневая ветровка, лёгкая голубая беретка, чёрные лаковые сапожки на ножках.

Ларыса рушыла следам за сяброўкай, і неўзабаве яны слухалі, стаіўшы подых, дзівосныя расповеды экскурсавода:

– ...Звярніце ўвагу, побач з паэтам спачывае Галіна Артураўна Беніслаўская, вялікая прыхільніца і паплечніца Ясеніна. Менавіта тут, праз год пасля скону Сяргея Аляксандравіча, у дзень свайго нараджэння, яна застрэлілася. Было дзве асечкі, але трэці націск на курок стаў для маладой жанчыны фатальным. У той дзень ёй споўнілася ўсяго 29 гадоў.

«Як і мне тады...» – падумала Ларыса.

Марына зноў вывела сяброўку з панылай задуменнасці, даволі груба ўхапіўшы за руку.

– Хадзем, не хочацца адставаць ад групы.

Многія надмагіллі ўразілі Ларысу, закрануўшы самыя тонкія, балючыя струны душы. Памерлая ў родах маці са сваім мёртванароджаным дзіцём – змучаны горам муж і бацька паставіў ім помнік у выглядзе фігуры Панны Марыі з немаўлём на руках. І яшчэ адна магіла... Дочкі вядомага мастака Шылава. Па словах экскурсавода, дзяўчынка памерла пасля доўгай і беспаспяховай барацьбы з лейкозам.

Ларыса адчула, што зямля сыходзіць у яе з-пад ног. Яе душылі рыданні, горла сквалі спазмы. Не здольная больш знаходзіцца ў цяжкай атмасферы некропаля, яна кінулася да выхаду.

«Колькі гадоў ужо прайшло? – ірваліся ў галаве звыклыя думкі. – Пяць, цэлых пяць гадоў. Чаму я да гэтага часу не магу змірыцца?»

Слёзы бязгучна цяклі па твары, і Ларыса па-дзіцячы выцірала іх рукавом. Яна змагла трохі супакоіцца толькі за могілкавай агароджай. Жыццё цякло ў ранейшым неўтаймаваным рытме, ласкава ўсміхалася красавіцкае сонца. Ларыса слізгала безуважным позіркам па тварах мінакоў, і раптам ёй здалося, што яна ўбачыла яе. Кароткая бэзавая вятроўка, лёгкая блакітная бярэтка, чорныя лакавыя боцікі на маленькіх ножках.

— Женька! — закричала Лариса и бросилась к девочке. Это была её дочь. Она шла под руку с высокой дамой в красном пальто.
— Женька, доченька! — схватила Лариса малышку за плечо и развернула к себе. Взгляд серо-голубых глаз девочки был полон удивления — незнакомая женщина плакала и гладила её по непослушным русым кудряшкам, торчащим из-под беретки.
— Её зовут Маша, — холодно прозвучал голос дамы в красном, лицо которой тоже показалось Ларисе знакомым. Мать резко дернула девочку за руку, увлекая за собой, и поспешила прочь от ненормальной незнакомки.
— Простите, женщина обозналась! — прозвучал им вдогонку голос Марины.
Дама не обернулась. Сиреневая курточка и красное пальто скрылись в иномарке, припаркованной неподалёку, и вскоре исчезли из виду. Марина обняла подругу и тихо проговорила:
— Ты должна смириться, милая! Жени больше нет…
Эту жестокую, убийственно-простую фразу говорили Ларисе все, кто окружал её последние пять лет. Кроме мужа. Он ушёл сразу после того, как это произошло. Лариса осталась одна.
— Неправда, неправда… — задыхалась бедная женщина, цепляясь за паутинку обманчивых слов. Девочка в сиреневой куртке была так похожа на Женю!..
Лариса снова воскресила в памяти события пятилетней давности. Они с дочерью шли на дачу вдоль огромного пшеничного поля. Малышка заметила синеющие в зелёных волнах головки васильков. Их было так много, что девочка с восторженным визгом бросилась собирать букет. Вместе с мамой они сплели чудесный венок, который Женька сразу же водрузила на свои светлые кудряшки. Лариса долго любовалась дочерью, не в силах отвести взгляд. Она ещё не знала, что это лето для девочки — последнее.
— Мам, ты чего? — засмущалась Женя.

– Жэнька! – выгукнула Ларыса і пабегла за дзяўчынкай, якая ішла пад руку з высокай дамай у чырвоным паліто.
– Жэнька, дачушка! – Ларыса за плячо павярнула малую тварам да сябе. Погляд шэра-блакітных вачэй дзяўчынкі быў поўны здзіўлення: незнаёмая цётка плакала і гладзіла яе па непаслухмяных русых кудзерках, што выбіліся з-пад бярэткі.
– Яе завуць Маша, – холадна прагучаў голас дамы ў чырвоным, твар якой таксама здаўся Ларысе знаёмым. Маці рэзка тузанула дзяўчынку за руку, цягнучы за сабой, прэч ад ненармальнай незнаёмкі.
– Выбачайце, жанчына абазналася! – прагучаў ім наўздагон голас Марыны.
Дама не азірнулася. Бэзавая куртачка і чырвонае паліто схаваліся ў іншамарцы, прыпаркаванай непадалёк, і неўзабаве зніклі з вачэй. Марына абняла сяброўку і ціха прамовіла:
– Ты мусіш змірыцца, мілая! Жэні больш няма...
Гэтую жорсткую, забойча-простую фразу казалі Ларысе ўсё, хто акружаў яе апошнія пяць гадоў. Акрамя мужа. Ён сышоў адразу пасля таго, як гэта адбылося. Ларыса засталася адна.
– Няпраўда, няпраўда... – задыхалася бедная жанчына, чапляючыся за павуцінку зманлівых слоў. Дзяўчынка ў бэзавай куртцы была так падобная на Жэню!..
Зноў ажылі ў памяці падзеі пяцігадовай даўніны. Яны з дачкой ішлі на дачу ўздоўж вялізнага пшанічнага поля. Малая заўважыла сінія галоўкі васількоў у зялёных хвалях. Іх было так шмат, што дзяўчынка з захапленнем кінулася збіраць букет. Разам з мамай яны сплялі цудоўны вянок, які Жэнька адразу ж усклала на свае светлыя кудзеркі. Ларыса доўга любавалася дачкой, не магла адвесці позірк. Яна яшчэ не ведала, што гэта лета для дзяўчынкі – апошняе.
– Мам, ты чаго? – засаромелася Жэня.

— Я только сейчас заметила, родная, что глаза у тебя, как эти цветочки, васильковые!

Спустя два месяца девятилетняя Женька на уроке физкультуры сломала руку. Лариса вначале спокойно отнеслась к случившемуся: с каким ребёнком не бывает? Но врач-рентгенолог, внимательно изучив снимок, неожиданно сообщил:

— Костная ткань лучевой кости поражена опухолью, что, собственно, и стало причиной перелома.

Женю срочно положили в онкодиспансер на обследование. Диагноз прозвучал как приговор: саркома, запущенная форма. Лариса постоянно задавала себе вопрос — за что так жестоко наказала судьба её девочку?! Ответа не было. Несколько сеансов изнурительной химиотерапии имели кратковременный положительный эффект, но рост опухоли и распространение метастазов не замедлили. Накануне Нового года Жени не стало. Она тихо заснула в своей кроватке, пожелав, как всегда, спокойной ночи родителям, и больше не проснулась.

Лариса замкнулась в себе. Она находилась в состоянии, близком к помешательству. Муж отдалился от неё и решил, что им легче будет пережить боль порознь. Ещё недавно крепкая и благополучная семья распалась. Лариса искала утешения в творчестве. В один из зимних вечеров она написала картину: до самого неба бескрайнее пшеничное поле, в центре — хрупкая фигура девочки с васильковым венком на белокурой макушке. Глаза ребёнка светятся счастьем и любовью к жизни.

Выставлять полотно Лариса наотрез отказалась, несмотря на пламенные уговоры Марины и её хвалебные отзывы.

— Напрасно прячешь свой шедевр, — не уставала увещевать Марина приятельницу. — Это лучшая твоя работа! На выставке её с руками оторвут!

– Я толькі цяпер заўважыла, родная, што вочы ў цябе, як гэтыя кветачкі, васільковыя!
Праз два месяцы дзевяцігадовая Жэнька на ўроку фізкультуры зламала руку. Ларыса спачатку спакойна паставілася да таго, што здарылася: з якім дзіцёнкам не бывае? Але ўрач-рэнтгенолаг, уважліва вывучыўшы здымак, нечакана паведаміў:
– Косцевая тканка прамянёвай касці пашкоджана пухлінай, што, уласна, і стала прычынай пералому.
Жэню тэрмінова паклалі ў анкадыспансер на абследаванне. Дыягназ прагучаў як прысуд – саркома, запушчаная форма. Ларыса пастаянна задавала сабе пытанне: за што так жорстка пакараў лёс яе дзяўчынку?! Адказу не было. Некалькі сеансаў знясільваючай хіміятэрапіі мелі кароткачасовы станоўчы эфект, але рост пухліны і распаўсюджванне метастазаў не замарудзілі. Напярэдадні Новага года Жэні не стала. Яна ціха заснула ў сваім ложку, пажадаўшы, як заўжды, дабранач бацькам, і больш не прачнулася.
Ларыса замкнулася ў сабе. Яна знаходзілася ў стане, блізкім да вар'яцтва. Муж аддаліўся ад яе і вырашыў, што ім лягчэй будзе перажыць боль паасобку. Яшчэ нядаўна моцная і шчаслівая сям'я распалася. Ларыса шукала суцяшэння ў творчасці. У адзін з зімовых вечароў яна напісала карціну: да самага неба бязмежнае пшанічнае поле, у цэнтры – далікатная постаць красуні-дзяўчынкі з васільковым вянком на бялявай галоўцы. Вочы дзіцяці свяціліся шчасцем і любоўю да жыцця.
Выстаўляць палатно Ларыса адмовілася наадрэз, нягледзячы на палымяныя ўгаворы Марыны і яе хвалебныя водгукі.
– Дарэмна хаваеш свой шэдэўр, – не стамлялася пераконваць Марына прыяцельку. – Гэта лепшая твая праца! На выставе яе з рукамі адарвуць!
Ларыса і сама выдатна ведала цану сваёй карціне – для яе яна была бясцэнная. Час ішоў, бег, імчаўся, а яе дзяўчынка ў атачэнні васількоў усё гэтак жа бесклапотна ўсміхалася, непадуладная яму.

Лариса и сама прекрасно знала цену своей картине — для неё она была бесценна. Время шло, бежало, мчалось, а ее девочка в окружении васильков всё так же беспечно улыбалась, неподвластная ему.
Расстаться с полотном Лариса смогла только теперь, ради благотворительной выставки-аукциона. Её картина возглавила тематический ряд произведений «Дети — цветы жизни» и была куплена в первые же часы за немалые деньги. Имя покупателя Лариса узнавать не пожелала. Ей было достаточно того, что вырученные средства очень пригодятся обездоленным детишкам.
…Рейсовый автобус замер в многочасовом столичном заторе. Лариса безразлично смотрела в окно, глубоко погружённая в раздумья и воспоминания.
— Похоже, мы нескоро домой приедем! — донёсся до неё тоскливый вздох Марины.
Невелика беда: спешить Ларисе некуда, да и не к кому.
— Говорят, где-то впереди авария, — продолжила Марина. — А впрочем… — махнула она рукой, видя безучастность подруги и будто жалея о сказанном.
— Вдруг там кому-то помощь нужна? — внезапно оживилась Лариса.
— Сказала на свою голову! — недовольно процедила Марина. — Тебе разве плохо сидится?
— Выпусти меня, пожалуйста! — решительно потребовала Лариса у сидевшей с краю приятельницы.
— Ладно уж, пойдём вместе! — нехотя согласилась она.
Через сотню метров их взору предстало жуткое зрелище — последствие лобового столкновения легкового автомобиля и маршрутной Газели. Маршрутка стояла с помятым бампером, и, по словам вездесущих зевак, её пассажиры отделались испугом и синяками. Второй автомобиль, вернее, то, что от него осталось, напоминал сплющенную консервную банку. Страшное ДТП случилось, по-видимому, несколько минут назад. Из разбитого водительского окошка крохотной иномарки,

Расстацца з палатном Ларыса змагла толькі цяпер, дзеля дабрачыннай выстаўкі-аўкцыёну. Яе карціна ўзначаліла тэматычны шэраг твораў «Дзеці – кветкі жыцця» і была набытая ў першыя ж гадзіны за немалыя грошы. Імя пакупніка Ларыса ведаць не пажадала. Ёй было досыць таго, што атрыманыя сродкі вельмі патрэбныя бяздольным дзецям.

...Рэйсавы аўтобус спыніўся ў шматгадзінным сталічным заторы. Ларыса абыякава глядзела ў акно, абрынутая ў роздумы і ўспаміны.

– Відаць, мы няхутка дадому прыедзем! – данёсся да яе тужлівы ўздых Марыны.

Тае бяды: спяшацца Ларысе няма куды, ды і няма да каго.

– Кажуць, недзе наперадзе аварыя, – працягнула Марына. – А, зрэшты... – махнула яна рукой, пабачыўшы безуважнасць сяброўкі і, здаецца, пашкадаваўшы пра сказанае.

– Раптам там дапамога патрэбна? – схамянулася Ларыса.

– Сказала на сваю галаву! – незадаволена працадзіла Марына. – Табе хіба кепска сядзіцца?

– Выпусці мяне, калі ласка! – рашуча запатрабавала Ларыса ў прыяцелькі, якая сядзела з краю.

– Добра ўжо, пойдзем разам! – неахвотна пагадзілася тая.

Праз пару соцень метраў перад іх вачыма паўстала жудаснае відовішча – наступства лабавога сутыкнення легкавога аўтамабіля і маршрутнай Газелі. Маршрутка стаяла з пакамечаным бамперам, і, паводле ўсюдыісных разявак, яе пасажыры абышліся спалохам і сінякамі. Другі аўтамабіль, дакладней, тое, што ад яго засталося, нагадваў спляжаную бляшанку. Страшнае ДТЗ адбылося, відаць, усяго некалькі хвілін таму. З разбітага вадзіцельскага акна маленькай іншамаркі, ненатуральна звесіўшыся, тырчала бледная жаночая рука. На асфальце з процілеглага боку валялася маленькая блакітная бярэтка.

неестественно свесившись, торчала бледная женская рука в красной материи. На асфальте с противоположной стороны валялась маленькая голубая беретка.

— О Господи! — вскрикнула Лариса, пронзённая внезапной догадкой. — Что с девочкой? Где ребёнок?

Она бросилась к спасателям. В этот момент один из них как раз вскрывал заднюю дверь автомобиля. Лариса зажала рот дрожащей ладонью.

Она смотрела и не могла произнести ни слова. На заднем сидении неподвижно застыла пристёгнутая ремнём Маша. В глазах её застыл ужас. Непостижимым образом та часть салона, где находился ребёнок, избежала смертоносной деформации. Медики осмотрели девочку, пребывавшую в состоянии шока, и серьёзных повреждений не обнаружили, а вот её маме, сидевшей за рулем, помочь не удалось — женщина умерла мгновенно. Лихорадочный взгляд Ларисы упал на предмет прямоугольной формы, зажатый между мягкими спинками переднего и заднего сидений. Он-то и спас малышке жизнь! Массивная металлическая рамка с позолотой органично дополняла дивной красоты полотно. С него, не тронутого ни единой царапиной, улыбалась девочка с васильковыми глазами…

– Божухна! – залямантавала Ларыса, працятая раптоўнай здагадкай. – Што з дзяўчынкай? Дзе дзіця?
Яна кінулася да ратавальнікаў. У гэты момант адзін з іх якраз ускрываў заднія дзверы аўтамабіля. Ларыса заціснула рот дрыготкай далонню.
Яна глядзела і не магла вымавіць ні слова. На заднім сядзенні нерухома застыла прышпіленая рэменем Маша. У вачах яе стаяў жах. Незразумелым чынам тая частка салона, дзе знаходзілася дзіця, пазбегла смяротнай дэфармацыі. Медыкі агледзелі дзяўчынку, якая знаходзілася ў стане шоку, але сур'ёзных пашкоджанняў у яе не выявілі, а вось яе маме, якая сядзела за рулём, дапамагчы не ўдалося – жанчына памерла імгненна. Ліхаманкавы позірк Ларысы ўпаў на амаль плоскі прадмет прамавугольнай формы, заціснуты паміж мяккімі спінкамі пярэдняга і задняга сядзенняў. Ён і выратаваў малой жыццё! Масіўная металічная рама з пазалотай арганічна дапаўняла дзівоснай прыгажосці палатно. З яго, не кранутая ні адзінай драпінай, усміхалася дзяўчынка з васільковымі вачыма...

Мария Первушина

Марыя Пярвушына

Мария Первушина родилась в Удмуртской Республике, в селе Дебёсы. Проучившись в школе положенные 11 лет, переехала в Пермь получать высшее образование. Сейчас – студентка пятого курса, работает. Не раз публиковалась в альманахах университетских литературных конкурсов, один раз – в пермском литературном журнале.

Марыя Пярвушына нарадзілася ва Удмурцкай Рэспубліцы, у сяле Дзябёсы. Адвучыўшыся ў школе патрэбныя 11 гадоў, пераехала ў Перм атрымліваць вышэйшую адукацыю. Зараз – студэнтка пятага курса, працуе. Не раз друкавалася ў альманахах універсітэцкіх літаратурных конкурсаў, аднойчы – у пермскім літаратурным часопісе.

ТИШИНА И Я

Глава первая

Она стучится, а я как раз натягиваю штаны. Пока ремень не приходится на своё место, она всё более нетерпеливо отбивает ритм своей маленькой костяшкой. Опять не пошла на работу, по-видимому. Конечно, если существует такая работа, на которую она могла бы пойти. Ещё в начале нашего знакомства я спросил довольно прямо о её занятии. Она рассеянно махнула рукой, думая, возможно, совершенно о другом, и сказала: «Там… Неважно». И я понял, что вытянуть из неё больше информации будет сложно.
Открываю дверь, она входит, смотрит на меня, голого по пояс, и бесцветным голосом говорит: «Опять тебе к десяти?». Притворяется, конечно. Мне всегда к десяти. Но я молчу, потому что понимаю — она опять закинулась. Другого повода быть не может. Интересуюсь, что сегодня было в её меню.
По привычке она садится на диван в большой комнате и начинает говорить. Я в это время надеваю рубашку, умываюсь и готовлю кофе. А она говорит, и её слышно везде — на кухне, в ванной. Она не обижается, если я не сажусь с ней рядом. Я даже мог бы подойти к окну и сесть на подоконник, глядя на серый город, на серое небо.
«У Ховарда словно механизм в голове, который выдаёт безупречные кадры», — говорит она, а я сижу напротив и пью кофе. Сегодня она чем-то расстроена. Это видно даже по тому, с чего начинается её рассказ — с постановки камеры и цветокоррекции. Почти каждая её пауза сопровождается тяжёлым выдохом. Она как-то сказала, что нуждается в доле печали, поэтому могу предположить, что нынешнее состояние доставляет ей удовольствие. Можно ли узнать об этом, слушая её?

ЦІШЫНЯ І Я

Глава першая

Яна грукае, а я якраз нацягваю штаны. Пакуль рэмень не патрапляе на сваё месца, яна ўсё больш нецярпліва адбівае рытм сваім маленькім кулачком. Відаць, зноў не пайшла на працу, калі існуе такая праца, на якую яна магла б пайсці. Яшчэ на пачатку нашага знаёмства я спытаў даволі прама пра яе заняткі. Яна разгублена махнула рукой, думаючы, магчыма, зусім пра іншае, і сказала: «Там... Няважна». І я зразумеў, што выцягнуць з яе больш інфармацыі будзе складана.

Адчыняю дзверы, яна заходзіць. Глядзіць на мяне, голага па пояс, і бясколерным голасам кажа: «Ізноў табе да дзесяці?». Прыкідваецца, вядома. Мне заўсёды да дзесяці. Але я маўчу, таму што разумею – яна зноў закінулася. Іншай нагоды быць не можа. Цікаўлюся, што сёння было ў яе меню.

Па звычцы яна садзіцца на канапу ў вялікім пакоі і пачынае гаварыць. Я ў гэты час апранаю кашулю, мыюся і раблю каву. А яна гаворыць, і яе чуваць паўсюль – на кухні, у ваннай. Яна не крыўдуе, калі я не сяджу з ёй побач. Я нават мог бы падысці да акна і сесці на падаконнік, гледзячы то на шэры горад, то на шэрае неба.

«У Ховарда нібы механізм у галаве, які выдае бездакорныя кадры», – кажа яна, а я сяджу насупраць і п'ю каву. Сёння яна чымсьці засмучаная. Гэта відаць нават па тым, з чаго пачынаецца яе расповед – з пастаноўкі камеры і колеракарэкцыі. Амаль кожная яе паўза суправаджаецца цяжкім выдыхам. Яна неяк сказала, што мае патрэбу ў долі смутку, таму магу выказаць здагадку, што цяперашні стан дорыць ёй асалоду. Ці можна даведацца пра гэта, слухаючы яе?

«Я всегда хочу увидеть откровение в кино, а мне то и дело норовят подсунуть билет на "американские горки"». Неосознанно смотрю на настенные часы — она это замечает. Сейчас примет на свой счёт. «Извини, что задерживаю тебя», — говорит она тонким голосом и опускает голову, будто раскаиваясь, а на самом деле просто злится. Я спешу оправдаться, но напоминаю, что до моего выхода осталось пять минут. Она кивает и продолжает свой рассказ. В голосе — остатки обиды. Мне действительно не стоило об этом напоминать — она хорошо знает мой распорядок дня.

Мы знакомы, кажется, полгода. Но я слушаю её мелодичный голос слишком долго. Слишком долго для простых знакомых.

Поначалу я, конечно, относился к ней, как к любой другой симпатичной соседке по лестничной площадке. Ошибочно полагая, что каждый вечер она приходит в мою квартиру лишь для того, чтобы увидеть меня, я старался произвести на неё впечатление. Где-то привирал, где-то недоговаривал, но очень скоро понял, что ни мои разглагольствования, ни мои умалчивания не имеют для неё никакого значения. Она либо отрешённо кивала, либо пристально смотрела мне в глаза, ни разу в них не заглянув. Постепенно я перестал разговаривать с ней вообще и с удивлением обнаружил, что не только ей, но и мне это очень нравится. До этого открытия я всё время на что-то надеялся — пытался угостить её пивом, уговаривал прогуляться и даже пригласил в кино, о чём сразу же пожалел. Она разозлилась так сильно, что в первые секунды не могла сказать ни слова, а только беззвучно шевелила ртом, как выброшенная на берег рыба. Потом же последовала убедительная тирада из ста причин «почему я не хожу в кино».

Однако я решился ещё на один шаг. Хотя я не назвал бы это шагом. Скорее это было событие, случайное до определённой степени. Дело в том, что на работе я познакомился с Раей. Она мне нравилась. По большей части из-за того, что не имела на меня никаких планов, обычно появляющихся у девушек её возраста.

«Я заўсёды хачу ўбачыць адкрыццё ў кіно, а мне раз-пораз падсоўваюць квіток на “амерыканскія горкі”». Неўсвядомлена пазіраю на насценны гадзіннік – яна гэта заўважае. Зараз прыме на ўласны рахунак. «Прабач, што затрымліваю цябе», – кажа яна тонкім голасам і апускае галаву, быццам раскайваецца, але на самой справе проста злуецца. Я спяшаюся апраўдацца, але нагадваю, што да майго выхаду засталося пяць хвілін. Яна ківае і працягвае свой расповед. У голасе – рэшткі крыўды. Мне сапраўды не варта было пра гэта нагадваць – яна дасканала ведае мой расклад на дзень.
Мы знаёмыя, здаецца, паўгода. Але я слухаю яе меладычны голас занадта доўга. Занадта доўга для простых знаёмых.
Спачатку я, вядома, ставіўся да яе, як да любой іншай сімпатычнай суседкі па лесвічнай пляцоўцы. Памылкова мяркуючы, што кожны вечар яна прыходзіць у маю кватэру толькі для таго, каб убачыць мяне, я стараўся ўразіць яе. Штосьці прыдумляў, штосьці недагаворваў, але вельмі хутка зразумеў, што ні мае размовы, ні мае замоўчванні не маюць для яе ніякага значэння. Яна альбо абыякава ківала, альбо пільна глядзела мне ў вочы, ні разу ў іх не зазірнуўшы. Паступова я перастаў размаўляць з ёй наогул, і са здзіўленнем выявіў, што не толькі ёй, але і мне гэта вельмі падабаецца. Да гэтага адкрыцця я ўвесь час на нешта спадзяваўся – спрабаваў пачаставаць яе півам, запрашаў на шпацыр і нават запрасіў у кіно, пра што адразу ж пашкадаваў. Яна раззлавалася так моцна, што ў першыя секунды не магла сказаць ні слова, а толькі бязгучна адкрывала рот, як выкінутая на бераг рыба. Потым жа прагучала пераканаўчая тырада са ста прычын «чаму я не хаджу ў кіно».
Аднак я адважыўся яшчэ на адзін крок. Хаця я не назваў бы гэта крокам. Хутчэй гэта была падзея, выпадковая да пэўнай ступені. Справа ў тым, што на працы я пазнаёміўся з Раяй. Яна мне падабалася. Найперш, з-за таго, што не мела на мяне планаў, якія

Мы посидели в баре, выпили и отправились ко мне домой, где меня ждала моя киноманьячка (она всегда ждала меня после работы). И вот мы зашли в подъезд — я попросил Раю не шуметь, она громко согласилась, — потом я открыл дверь своей квартиры и с силой захлопнул её. Налил девушке добавки и пытался поцеловать в шею, одновременно напрягая слух. Минут через пять, когда я уже немного расстроился, в дверь постучали.
Оторвав от себя Раю, поспешил открыть. Соседка внимательно смотрела на меня, видимо, соотнеся странные звуки в подъезде и мой поздний приход. «Ты пьян?» — спросила она серьёзно. Я соврал на всякий случай. Тут Рая из дальнего угла комнаты что-то пропищала. Я смотрел на соседку во все глаза, но она словно этого не замечала, словно и думать не думала, что для меня этот момент очень много значил. Она чуть заметно скривилась, глядя перед собой, и, повернувшись, затопала к себе в квартиру. Я ещё немного постоял в дверях, размышляя. Она пришла на следующий день, не изменившись ни в голосе, ни в лице, ни в жестах. Абсолютно обычная.
Таким образом, между нами очень скоро всё стало предельно ясно. Я ничего не ждал. Она не существовала, пока не входила в комнату. Как будто меня всё время отвлекали более важные вещи, неотложные дела, но штука была в том, что никаких дел не было.
Она уже заканчивает свой рассказ — я замечаю знакомые нотки вывода. Она всегда говорит выразительно, только не для того, чтобы слушателю было интересно, не для меня. Она словно считывает свои впечатления из памяти. Как ни посмотрю — её взгляд всегда устремлён внутрь. Но в то же время от неё не может ускользнуть ни одна деталь, касающаяся моего расположения к ней. Я наблюдаю, как она, ухватив мою эмоцию, сравнивает её с той, которая ей ненавистна и которую она боится, и, не найдя сходства, с пренебрежением отбрасывает. Если бы мне всё это надоело, она бы догадалась об этом раньше меня.

звычайна з’яўляюцца ў дзяўчат яе ўзросту. Мы пасядзелі ў бары, выпілі і рушылі да майго дома, дзе мяне чакала мая кінаманьячка (яна заўсёды чакала мяне пасля працы). І вось мы зайшлі ў пад’езд – я папрасіў Раю не шумець, яна гучна пагадзілася, – потым я адчыніў дзверы сваёй кватэры і гучна зачыніў іх. Наліў дзяўчыне дабаўкі і паспрабаваў пацалаваць у шыю, адначасова напружваючы слых. Хвілін праз пяць, калі я ўжо трохі знерваваўся, у дзверы пагрукалі.

Адарваўшы ад сябе Раю, паспяшаўся адчыніць. Суседка ўважліва глядзела на мяне, мабыць, суадносячы дзіўныя гукі ў пад’ездзе і мой позні прыход. «Ты п’яны?» – спытала яна сур’ёзна. Я схлусіў на ўсялякі выпадак. Тут Рая з далёкага кута пакоя нешта прапішчала. Я глядзеў на суседку ва ўсе вочы, але яна нібы нічога не заўважала. Яна ледзь прыкметна скрывілася, гледзячы перад сабой, і, павярнуўшыся, затупала ў сваю кватэру. Я яшчэ трохі пастаяў у дзвярах, разважаючы. Яна прыйшла на наступны дзень, такая ж, як заўсёды – у позірку, голасе, жэстах, як быццам нічога не адбылося.

Такім чынам, паміж намі вельмі хутка ўсё стала гранічна ясна. Я нічога не чакаў. Яна не існавала, пакуль не ўваходзіла ў пакой. Нібыта мяне ўвесь час адцягвалі больш важныя рэчы, неадкладныя справы, але штука была ў тым, што ніякіх спраў не было.

Яна ўжо заканчвае свой аповед – я заўважаю знаёмыя ноткі высновы. Яна заўсёды прамаўляе выразна, але не для таго, каб слухачу было цікава, не для мяне. Яна нібыта счытвае ўласныя ўражанні з памяці. Як ні гляну – яе позірк заўсёды скіраваны ўнутр. Але ў той жа час ад яе ўвагі не можа выслізнуць ні адна дэталь, якая тычыцца майго стаўлення да яе. Я назіраю, як яна, ухапіўшы маю эмоцыю, параўноўвае яе з той, якую ненавідзіць і баіцца, і, не знайшоўшы падабенства, з пагардай адкідвае. Калі б мне ўсё гэта надакучыла, яна б здагадалася пра гэта раней за мяне.

Поднявшись с дивана, благодарит за то, что я её выслушал. Сдержанно улыбаясь, закрываю за ней дверь. В комнате остаются еле уловимый запах шампуня, сложенные друг на друга диванные подушки и — молчание.

Я добираюсь до места работы на автобусе за десять минут. Ещё пять минут — страховочные, для непредвиденных событий, которые могут случиться по дороге. Сегодня, как и примерно в девяноста восьми процентах случаев, ничего непредвиденного не происходит, поэтому я появляюсь на работе на пять минут раньше. Сидя в своей кабине и дожидаясь десяти, наблюдаю за постепенно подтягивающимися коллегами, которые приходят сюда выполнять точно такую же работу, что и я. Смотрю на часы — минутная стрелка уже подошла на нужное место, но секундная — нет. Во время трёх последних движений этой маленькой и тонкой стрелки гулкие удары моего сердца заглушают все звуки вокруг.

В обеденный перерыв спускаюсь в столовую и делаю свой обычный заказ. Ко мне подсаживается молодой парень в очках и безупречно выглаженной рубашке. Он аккуратно раскладывает сдачу в небольшой кошелёк — монеты в один отдел, бумажки в другой — и говорит мне, что отлично провёл выходные. Я вспоминаю, что в нашем отделе он сидит на две перегородки правее меня. Хотя, возможно, левее.

«Я ездил вчера на горнолыжную базу. Катался на лыжах», — рассказывает он, а я не мешаю, ем. «Замёрз ужасно, но покатался классно. О, в рифму. Ха-ха. И там был подъёмник». Парень режет котлету сильными и короткими рывками, при этом часто поднимает на меня глаза — ему не терпится о чем-то рассказать. «Ты был когда-нибудь на горнолыжной базе? Там бывают подъёмники». Я согласен, киваю. «Этим подъёмником управляет человек, который сидит в кабине с окнами и большой оранжевой кнопкой». Тут парень наклоняется ко мне и радостно, как ребёнок, сообщает: «Я за ним проследил. Он сидит там для того, чтобы изменять скорость подъёмника с помощью только этой оранжевой кнопки. Представляешь?

Паднялася з канапы, дзякуе за тое, што я яе выслухаў. Стрымана ўсміхаючыся, зачыняю за ёй дзверы. У пакоі застаюцца ледзь улоўны водар шампуню, складзеныя адна на адну падушкі на канапе і – маўчанне.
Я дабіраюся да месца працы на аўтобусе за дзесяць хвілін. Яшчэ пяць хвілін – страхавачныя, для непрадбачаных падзей, якія могуць здарыцца па дарозе. Сёння, як і прыкладна ў дзевяноста васьмі працэнтах выпадкаў, нічога непрадбачанага не адбываецца, таму я з'яўляюся на працы на пяць хвілін раней. Сяджу ў сваім кабінеце і чакаю дзясятай, назіраю, як паступова падцягваюцца калегі, якія прыходзяць сюды выконваць тую ж самую працу, што і я. Гляджу на гадзіннік – хвілінная стрэлка ўжо ўстала на патрэбнае месца, а секундная – не. Падчас трох апошніх рухаў гэтай маленькай і тонкай стрэлкі гулкія ўдары майго сэрца заглушаюць усе гукі вакол.
У абедзенны перапынак спускаюся ў сталоўку і раблю свой звычайны заказ. Да мяне падсаджваецца малады хлопец у акулярах і бездакорна адпрасаванай кашулі. Ён акуратна складае рэшту ў невялікую партманетку – манеты ў адзін аддзел, паперкі ў іншы – і кажа мне, што выдатна правёў выходныя. Я згадваю, што ў нашым аддзеле ён сядзіць на дзве перагародкі справа ад мяне. А можа, злева.
«Я ездзіў учора на гарналыжную базу. Катаўся на лыжах», – распавядае ён, а я не перашкаджаю, ем. – «Змерз як трасца, але пакатаўся класна. О, у рыфму. Ха-ха. І там быў пад'ёмнік». Хлопец кроіць катлету моцнымі і кароткімі рыўкамі, пры гэтым часта падымае на мяне вочы – яму карціць пра штосьці распавесці. «Ты быў калі-небудзь на гарналыжнай базе? Там бываюць пад'ёмнікі». Я згодны, ківаю. «Гэтым пад'ёмнікам кіруе чалавек, які сядзіць у кабіне з вокнамі і вялікай аранжавай кнопкай». Тут хлопец нахіляецца да мяне і радасна, як дзіця, паведамляе: «Я за ім прасачыў. Ён сядзіць там для таго, каб змяняць хуткасць пад'ёмніка з дапамогай толькі гэтай аранжавай кнопкі. Уяўляеш? Хто-небудзь, падымаючыся, рэзнецца – і гэты чалавек націсне кнопку.

Кто-нибудь, поднимаясь, навернётся — и этот человек нажмёт кнопку. У него должна быть хорошая реакция, как считаешь?» Я решительно не понимаю, что этот парень хочет от меня услышать. «Управлять подъёмником — вот такую заимел мечту». Я не выдерживаю и спрашиваю у него, что же в этом хорошего, а он отвечает: «Никаких отчётов, звонков и этих голых стен... Да, особенно голых стен. Небо, снег и эта кнопка...» Он блаженно улыбается, но потом вздрагивает и добавляет: «Мне кто-то говорил, что у меня хорошая реакция, а ты как считаешь?».

Я спрашиваю, сможет ли такое занятие обеспечить ему безбедное существование, и где он должен находиться, чтобы выполнять эту работу круглый год. Парень реагирует крайне раздражённо, будто я сказал, что его тёмно-синий галстук не подходит к его тёмно-синим брюкам. И говорит, что я, видимо, не знаю определения слова «мечта» и, вероятно, увяз в своей картонной кабине настолько крепко, что не хочу провести выходные с коллегами по отделу, приобщаясь к коллективному духу. Который, между прочим, имеет непосредственное влияние на эффективность работы отдела в целом, что включает в себя творческий подход к выполнению поставленных перед отделом задач и чего в данный момент так не хватает.

Я однажды серьёзно задумался на тему творческого подхода, у меня была одна идея. Писать ежедневные отчёты на разноцветной бумаге, потом складывать их в самолетики и запускать в отдел управления.

Но я не решаюсь озвучивать задумку — парень, судя по всему, не готов к масштабным переворотам.

Он принимает моё молчание за результат своего убеждения. И с высоты мнимого превосходства жалеет меня, говорит, что именно на таких, как мы, и держится наша компания, что мы — те самые кирпичики, которые, объединившись, могут поднять всё здание на недосягаемую высоту, — и прочую фигню. Я бы послал его, но представил, сколько ещё моих коллег мечтают об оранжевой кнопке

У яго павінна быць добрая рэакцыя, як лічыш?» Я рашуча не разумею, што гэты хлопец хоча ад мяне пачуць. «Кіраваць пад'ёмнікам – вось якую мару займеў». Я не вытрымліваю і пытаюся ў яго, што ж у гэтым добрага, а ён адказвае: «Ніякіх справаздач, званкоў і гэтых голых сцен... Так, асабліва голых сцен. Неба, снег і гэтая кнопка...» Ён шчасліва ўсміхаецца, але потым уздрыгвае і дадае: «Мне хтосьці казаў, што ў мяне добрая рэакцыя, а ты як лічыш?».
Я пытаюся, ці зможа такі занятак забяспечыць яму нябеднае існаванне і дзе ён павінен знаходзіцца, каб выконваць гэтую працу круглы год. Хлопец рэагуе вельмі раздражнёна, быццам я сказаў, што яго цёмна-сіні гальштук не пасуе да яго цёмна-сініх штаноў. І кажа, што я, мабыць, не ведаю вызначэння слова «мара» і, пэўна, уграз у сваёй кардоннай кабіне настолькі моцна, што не хачу правесці выходныя з калегамі па аддзеле, далучаючыся да калектыўнага духу. Які, між іншым, мае непасрэдны ўплыў на эфектыўнасць працы аддзела ў цэлым, што ўключае ў сябе творчы падыход да выканання пастаўленых перад аддзелам задач, чаго ў дадзены момант так не хапае.
Я аднойчы сур'ёзна задумаўся на тэму творчага падыходу, у мяне была адна ідэя. Пісаць штодзённыя справаздачы на рознакаляровай паперы, потым складаць іх у самалёцікі і запускаць у аддзел кіравання.
Але я не рашаюся агучыць задуму – хлопец, мяркуючы па ўсім, не гатовы да маштабных ператрусаў.
Ён прымае маё маўчанне за вынік свайго пераканання. І з вышыні ўяўнай перавагі шкадуе мяне, кажа, што менавіта на такіх, як мы, і трымаецца наша кампанія, што мы – тыя самыя цаглінкі, якія, аб'яднаўшыся, могуць узняць увесь будынак на недасягальную вышыню. Я б паслаў яго, але ўявіў, колькі яшчэ маіх калег мараць пра аранжавую кнопку і абдумваюць ідэі творчага падыходу адначасова. Мне не адолець гэтую чараду ў адзіночку і за адзін прысест.

и обдумывают идеи творческого подхода одновременно. Мне не одолеть эту ватагу одному и за один присест.
Наконец он тщательно вытирает салфеткой рот, удовлетворённый, поднимается со стула, похлопывает меня по плечу, как старого друга, из-за чего я чувствую себя участником ужасно наигранной сцены, и уходит. Я доедаю свой обед.
Почему он подошёл именно ко мне? Кто добрался до оранжевой кнопки? Я захожу в продуктовый магазин после работы, беру там овощей и немного мяса. Придя домой, готовлю ужин и ем под её рассказ о фильме Вуди Аллена тысяча девятьсот семьдесят пятого года.

Глава, в которой ко мне приезжает брат и говорит, что хотел бы остаться здесь на несколько дней

Мы сидим в большой комнате. Я подсчитываю свои финансы и соотношу их с потребностью в новом телефоне, а она говорит, как идут Бену Аффлеку роли недалёких, но чувствительных парней. Иногда я смотрю на неё, чтобы понять, нравится ей фильм или нет, и вдруг начинаю жалеть её. Ведь она могла бы быть кем-то. Или с кем-то. Не знаю, что для неё важнее.
Неожиданностью для нас обоих становится звонок в дверь. Он дребезжит так пронзительно и неистово, словно уже знает, как мы с ней относимся к звонкам в такое время, и ему хочется довести нас до исступления. Или до отупения. По крайней мере, именно так я смотрю на своего старшего брата, с ухмылкой стоящего в дверях, — тупо.
«Здор-рово!» — жизнерадостно кричит он, как всегда не подозревая о том, что кому-то, может быть, совсем не жизнерадостно от его появления. Зайдя в прихожую и кидая на пол две большие сумки, он крепко и долго жмёт мою руку,

Нарэшце ён старанна выцірае сурвэткай рот, задаволены, падымаецца з крэсла, паляпвае мяне па плячы, як старога сябра, з-за чаго я адчуваю сябе ўдзельнікам жахліва зайгранай сцэны, і сыходзіць. Я даядаю свой абед.

Чаму ён падышоў менавіта да мяне? Хто дабраўся да аранжавай кнопкі? Я заходжу ў прадуктовую краму пасля працы, бяру там гародніны і трохі мяса. Прыйшоўшы дадому, гатую і вячэраю пад яе аповед пра фільм Вудзі Алена тысяча дзевяцьсот семдзесят пятага года.

Глава, у якой да мяне прыязджае брат і кажа, што хацеў бы застацца тут на некалькі дзён

Мы сядзім у вялікім пакоі. Я падлічваю свае фінансы і суадношу іх з патрэбай у новым тэлефоне, а яна кажа, як пасуюць Бэну Афлеку ролі недалёкіх, але чуллівых хлопцаў. Часам я гляджу на яе, каб зразумець, падабаецца ёй фільм ці не, і раптам пачынаю шкадаваць яе. Бо яна магла б быць кімсьці. Або з кімсьці. Не ведаю, што для яе важней. Нечаканасцю для нас абодвух становіцца званок у дзверы. Ён бразгоча так пранізліва і апантана, нібы ўжо ведае, як мы з ёй ставімся да званкоў у такі час, і яму хочацца давесці нас да шаленства. Або да атупення. Прынамсі, менавіта так я гляджу на свайго старэйшага брата, які з ухмылкай стаіць у дзвярах, – тупа.

«Здар-р-роў!» – жыццярадасна выгуквае ён, як заўсёды не падазраючы пра тое, што камусьці можа быць зусім не радасна ад яго з'яўлення.

Зайшоўшы ў пярэдні пакой і кінуўшы на падлогу дзве вялізныя сумкі, ён моцна і доўга цісне маю руку, і я разумею, што вымушаны буду выканаць усе яго просьбы. Сцягнуўшы куртку з шырокіх плячэй і павесіўшы яе на кручок, ён традыцыйна распавядае

и я понимаю, что вынужден буду исполнить все его просьбы. Стянув куртку с широких плеч и повесив её на крючок, он традиционно рассказывает о том, как доехал, какая была погода, и чем родители решили заменить пароварку. Я в это время пытаюсь спиной скрыть от глаз брата присутствие соседки. Априори бессмысленное занятие — когда родители баловали нас шоколадками, он быстро съедал свою, а потом с настырностью бойцовой собаки находил мою и делал с ней то же самое.

«У тебя девушка?» — тихо спрашивает он, глядя вперёд, шагнув в направлении большой комнаты. Из меня вдруг вырывается: «Не трогай её!» — шёпотом высокой частоты, которую мой басистый брат справедливо не распознаёт. Мы вместе заходим в комнату — она сидит на диване вытянутой струною, готовая в любую секунду встать и уйти, хотя до этого лежала головой на подушках и уходить никуда не собиралась.

«Как зовут столь прелестное создание?» — спрашивает брат и, не отводя от создания взгляда, садится в ближайшее кресло. «Кристина», — настороженно отвечает она. Ей не идёт это имя. Он здоровается, до безобразия слащаво улыбаясь, и я представляю его вымазанный в шоколаде рот. Соседка смотрит на меня сначала с упрёком, а вскоре — с гневом. Глазами прошу её ещё немного потерпеть. Брат спрашивает, где она работает, — молчание. «Ты у меня всегда скрытным был, братишка. Неужели и женщины такими бывают?» — хитро протягивает он, ухмыляясь. Она не выдерживает и встаёт, одаривая меня испепеляющим взглядом. «Извини, Кристин, глупость сказал — присядь, пожалуйста», — говорит он нежно. Она ещё зачем-то ему нужна. «Извините меня, ради бога — может, вы о чём-то до меня говорили? А я пришёл так некстати, прервал вас. Пожалуйста, продолжайте, не обращайте на меня внимания… Хочу стать вашим другом». О, я знаю его приёмы, знаю эту его улыбку — для непросвещённых она может показаться искренней, но не для меня. У этого, в принципе, неплохого человека

пра тое, як даехаў, якое было надвор'е і чым бацькі вырашылі замяніць параварку. Я ў гэты час спрабую спінай схаваць ад вачэй брата прысутнасць суседкі. Апрыёры бессэнсоўны занятак – калі бацькі давалі нам шакаладкі, ён хутка з'ядаў сваю, а потым з нахабствам байцовага сабакі знаходзіў маю і рабіў з ёй тое ж самае.
«У цябе дзяўчына?» – ціха пытаецца ён, ступіўшы ў напрамку вялікага пакою. З мяне раптам вырываецца: «Не чапай яе!» – шэптам высокай частаты, якую мой басісты брат справядліва не распазнае. Мы разам заходзім у пакой – яна сядзіць на канапе выцягнутай струной, гатовая ў любую секунду ўстаць і сысці, хоць да гэтага ляжала галавой на падушках і сыходзіць нікуды не збіралася.
«Як завецца гэтае прыгожае стварэнне?» – пытаецца брат, і, не зводзячы са стварэння позірку, плюхаецца ў бліжэйшае крэсла. «Хрысціна», – насцярожана адказвае яна. Ёй не пасуе гэтае імя. Ён вітаецца, да агіднасці саладжава ўсміхаючыся, і я ўяўляю яго запэцканы ў шакаладзе рот. Суседка глядзіць на мяне спачатку з папрокам, а неўзабаве – з гневам. Вачыма прашу яе яшчэ крыху пацярпець. Брат пытаецца, дзе яна працуе, – маўчанне. «Ты ў мяне заўсёды скрытным быў, братачка. Няўжо і жанчыны такімі бываюць?» – хітра працягвае ён, пасміхаючыся. Яна не вытрымлівае і ўстае, адорваючы мяне спапяляльным позіркам. «Прабач, Хрысцін, глупства сказаў – прысядзь, калі ласка», – кажа ён пяшчотна. Яна яшчэ для чагосьці яму патрэбна. «Выбачайце мяне, калі ласка, можа, вы пра штосьці размаўлялі? А я прыйшоў так недарэчы, перапыніў вас. Прашу, працягвайце, не звяртайце на мяне ўвагі... Хачу стаць вашым сябрам». О, я ведаю яго прыёмы, ведаю гэтую яго ўсмешку – для неабазнаных яна можа здацца шчырай, але не для мяне. У гэтага, у прынцыпе, неблагога чалавека ёсць адна нядобрая адметнасць – усё, што я маю, што мяне акружае і чым я ганаруся, ён можа ператварыць у нішто. Кожны раз, выконваючы гэтыя пераўтварэнні, ён пакідае мяне з грудай руінаў. Таму я кажу

есть одна нехорошая особенность — всё, что я имею, что меня окружает и чем я горжусь, он может превратить в ничто. Всякий раз, выполняя эти превращения, он оставляет меня с грудой развалин. Поэтому я говорю ей, я пытаюсь: «Мой брат устал после долгой дороги. Не думаю, что он сможет выслушать твой рассказ».

Но я не успеваю. Она уже решительно декламирует: «Город воров. Две тысячи десятый год. Режиссер — Бен Аффлек». Брат говорит, что не знает о таком фильме, подпирает голову рукой и готовится слушать, и смотрит на неё внимательно. Я никогда так на неё не смотрел. Где же её сознательность? Разве не она мне говорила «ненавижу людей»? Корю себя за то, что сам подтолкнул её в лапы своего брата. Он просит поставить чайник — я иду на кухню.

Слышу, как она говорит что-то про экранизации и оригинальные сценарии — но это так, вводное слово. Уверен, в этот момент брат глубокомысленно кивает, показывая, что знает про это если не всё, то многое. Прихожу к ним в комнату и раздумываю, чем бы ещё заняться, чтобы не видеть брата, а он говорит: «Садись, что, как не у себя дома». Вот именно — я не у себя дома, даже сажусь только по его приказу.

Она упоминает предыдущие актёрские работы Аффлека, и до меня наконец доходит, что фильм ей не понравился. Задевая закрученный сюжет лишь моментами, она рассказывает о достоинствах фильма поверхностно, а в недостатки вгрызается подробнейше. Чем дольше она говорит, тем больше замечаю за братом сосредоточение, которое впоследствии выливается в «так я же его смотрел!». Она, испуганная выкриком, ждёт, что будет дальше, а он в порыве чувств распространяется: «Я же названия-то не запоминаю, а вот ты начала про этих бандюганов в адидасе рассказывать, я и вспомнил, что смотрел! Крутой фильм, про реальных мужиков!». Она, тем не менее, продолжает говорить, нелестно выражаясь о теме, выбранной режиссёром. «Чем тебе не понравилась эта тема?» — спрашивает брат, уже с претензией. Ей неприятно, что её перебили, но она отвечает: «Вы смотрели

ёй, я спрабую: «Мой брат стаміўся пасля доўгай дарогі. Не думаю, што ён зможа выслухаць твой расповед».
Але я не паспяваю. Яна ўжо рашуча дэкламуе: «Горад злодзеяў. Дзве тысячы дзясяты год. Рэжысёр – Бэн Афлек». Брат кажа, што не ведае пра такі фільм, падпірае галаву рукой і рыхтуецца слухаць, і глядзіць на яе ўважліва. Я ніколі так на яе не глядзеў. Дзе ж яе свядомасць? Няўжо не яна мне казала «ненавіджу людзей»? Дакараю сябе за тое, што сам штурхануў яе ў лапы свайго брата. Ён просіць паставіць чайнік – я іду на кухню.
Чую, як яна кажа нешта пра экранізацыі і арыгінальныя сцэнарыі – але гэта так, уступнае слова. Упэўнены, у гэты момант брат глыбакадумна ківае, паказваючы, што ведае пра гэта калі не ўсё, то многае. Прыходжу да іх у пакой і разважаю, чым бы яшчэ заняцца, каб не бачыць брата, а ён кажа: «Сядай, што, як не ў сябе дома». Вось менавіта – я не ў сябе дома, нават саджуся толькі па яго загадзе.
Яна згадвае пра папярэднія акцёрскія работы Афлека, і да мяне нарэшце даходзіць, што фільм ёй не спадабаўся. Між іншым закранаючы пакручасты сюжэт, яна распавядае пра вартасці фільма павярхоўна, а недахопы разглядае падрабязна. Чым даўжэй яна гаворыць, тым больш заўважаю за братам засяроджанасць, якая пасля выліваецца ў «дык я ж яго глядзеў!». Яна, спалоханая выкрыкам, чакае, што будзе далей, а ён у парыве пачуццяў прадаўжае: «Я ж назваў не запамінаю, а вось ты пачала пра гэтых бандзюкоў у адыдасе распавядаць, я і ўспомніў, што глядзеў! Круты фільм, пра рэальных мужыкоў!».
Яна, тым не менш, працягвае гаварыць, непрыхільна выказваючыся пра тэму, абраную рэжысёрам. «І чым табе не спадабалася тэма?» – пытаецца брат, ужо з прэтэнзіяй. Ёй непрыемна, што яе перапынілі, але яна адказвае: «Вы глядзелі фільм “Разумнік Уіл Хантынг”?». Вядома, не. «Гэтая тэма другасная, яна мяне не кранае», – нават цяпер, калі суразмоўца знайшоўся, яна асцярожна выбірае выразы.

фильм ”Умница Уилл Хантинг”?». Конечно, нет. «Эта тема вторична, она меня не задевает», — даже сейчас, когда собеседник нашёлся, она осторожно выбирает выражения.

«То есть, ты сыта по горло темой о парнях, у которых нет выбора?» Она нервничает. Она не привыкла пускаться в полемику, ей неприятна эмоциональная планка, которую поднял мой брат. Завязывая узлом бахрому диванных подушек и тут же её развязывая, она тихо говорит, что фильм не ровен, что романтические сцены не сочетаются со сценами тупого насилия — где-то должен быть пафос, и он есть. «Да что ты можешь знать о мужской дружбе? Когда брат на брата!..» — он уже кричит, с него спала маска, и я почти доволен. «Извините! — вставляет она с присущей ей холодностью. — Хотелось бы знать, какой ваш любимый фильм!» Брат замолкает, раздумывает пару секунд и самозабвенно выдаёт: «Аватар!».

Я слышу её смех — или он только почудился мне. Во всяком случае, лицо её смеётся. Она ещё ничего не говорит, но, руку даю на отсечение, брат уже двадцать раз пожалел, что пошёл на поводу у эмоций. «Тогда нам не о чем больше говорить», — ставит она точку, имея на то законное право. Встаёт, бросает через плечо прощание (я не понимаю, предназначается ли оно и мне тоже) и уходит, закрыв за собой дверь.

Мы сидим на своих местах и смотрим друг на друга. Брат довольно быстро очухивается и говорит слова, которые могут его реабилитировать, но я ликую. Он замечает это, чувствует моё вдохновение. И тут происходит поистине удивительная и беспрецедентная вещь — он встаёт, наклоняется ко мне и с каким-то отеческим состраданием говорит: «Давно ты был у бабушки? Я вот на днях заезжал. Ничего, бегает ещё, правда, видит совсем плохо». Я вставляю, что был недавно, месяца два назад, и если он хочет упрекнуть меня в чём-то, то пусть выбирает другого члена семьи, а он мотает головой и продолжает: «Она сидит, бывало, и рассказывает о своей молодости, вообще о немыслимых

«Гэта значыць, ты па завязку сытая тэмай пра хлопцаў, у якіх няма выбару?» Яна нервуецца. Яна не прывыкла пускацца ў палеміку, ёй непрыемная тая эмацыйная планка, якую ўзняў мой брат. Завязваючы вузлом махры канапавых падушак і тут жа развязваючы, яна ціха кажа, што фільм няроўны, што рамантычныя сцэны не спалучаюцца са сцэнамі тупога гвалту – недзе павінен быць пафас, і ён ёсць. «Ды што ты можаш ведаць пра мужчынскае сяброўства? Калі брат на брата!..» – ён ужо крычыць, з яго спала маска, і я амаль задаволены. «Выбачайце! – устаўляе яна з уласцівай ёй прахалодай, – хацелася б ведаць, які ваш любімы фільм». Брат змаўкае, разважае з пару секунд і самазабыўна выдае: «Аватар!».
Я чую яе смех – ці ён толькі здаецца мне. Ва ўсялякім выпадку, твар яе смяецца. Яна яшчэ нічога не кажа, але, руку даю на страценне, брат ужо дваццаць разоў пашкадаваў, што кіраваўся эмоцыямі. «Тады нам няма больш пра што гаварыць», – ставіць яна кропку, маючы на тое законнае права. Устае, развітваецца цераз плячо (я не разумею, з ім ці са мной) і сыходзіць, зачыніўшы за сабою дзверы.
Мы сядзім на сваіх месцах і глядзім адзін на аднаго. Брат даволі хутка ачомваецца і кажа словы, якія могуць спакойна яго рэабілітаваць, але я рады. Ён заўважае гэта, адчувае маё натхненне. І тут адбываецца сапраўды дзіўная і беспрэцэдэнтная рэч – ён устае, нахіляецца да мяне і з нейкім бацькоўскім спачуваннем кажа: «Даўно ты быў у бабулі? Я вось на днях заязджаў. Нічога, бегае яшчэ, праўда, бачыць зусім дрэнна». Я ўстаўляю, што быў нядаўна, месяцы два таму, і калі ён хоча папракнуць мяне ў чымсьці, то хай выбірае іншага члена сям'і, а ён матае галавой і працягвае: «Яна сядзіць, бывала, і распавядае пра сваю маладосць, пра нейкія неверагодныя рэчы, а ты слухаеш і не можаш паверыць, што гэта адбывалася з ёй». Я кажу, што так, бывае. А брат: «У мяне адчуванне, што твая Хрысціна – гэта наша бабуля».
На кухні чайнік закіпае.

вещах, а ты слушаешь и не можешь поверить, что это происходило с ней». Я говорю, что да, бывает. А брат: «У меня ощущение, что твоя Кристина — это наша бабушка».
На кухне чайник закипает.

Глава, в которой я убеждаюсь, что можно мыть посуду и находиться в центре невероятных событий одновременно

Она приходит на следующий день, вечером. Переступив порог, долго высматривает признаки присутствия брата, но ничего подобного не находит.
«Где он?» — спрашивает меня, а я отвечаю, что уехал, и ухожу на кухню. Мою посуду, жду, когда она доберётся до большой комнаты и начнёт рассказывать об очередном фильме, но этого почему-то долго не происходит. Я уже подумываю о её незаметном уходе, но скоро слышу: «Я хотела поговорить с твоим братом…» Повернувшись спиной к умывальнику, вижу её прямо у кухонной стойки. «Я могу передать ему все твои слова», — говорю не без удивления. Она мнётся, смотрит в пол, потом — на меня, на мои руки в пене, оценивает и: «Тогда передай ему, пожалуйста, извинения по поводу моего вчерашнего поведения». Киваю, немного жду чего-то, потом поворачиваюсь к тарелкам. Но не успеваю домыть и одной, как она опять говорит: «Он оставался на ночь? Я видела сумки, когда уходила вчера». И тут я понимаю, что между нами может завязаться самый настоящий диалог.
Диалог.
— Да, на ночь.
— Что он про меня говорил?
— Что ты похожа на нашу бабушку.

Глава, у якой я пераконваюся, што можна мыць посуд і знаходзіцца ў цэнтры неверагодных падзей адначасова

Яна прыходзіць на наступны дзень, вечарам. Пераступіўшы парог, доўга шукае позіркам прыкметы прысутнасці брата, але нічога падобнага не знаходзіць.
«Дзе ён?» – пытаецца ў мяне, а я адказваю, што з'ехаў, і іду на кухню. Мыю посуд, чакаю, калі яна дабярэцца да вялікага пакоя і пачне расказваць пра чарговы фільм, але гэтага чамусьці доўга не адбываецца. Я ўжо мяркую, што яна непрыкметна сышла, але неўзабаве чую: «Я хацела пагаварыць з тваім братам...» Павярнуўшыся спінай да ўмывальніка, бачу яе прама ля кухоннай стойкі. «Я магу перадаць яму ўсе твае словы», – кажу не без здзіўлення. Яна ніякавее, глядзіць долу, потым – на мяне, на мае рукі ў пене, ацэньвае і: «Тады перадай яму, калі ласка, прабачэнні за мае ўчарашнія паводзіны». Ківаю, чакаю крыху, потым вяртаюся да талерак. Але не паспяваю дамыць і адной, як яна зноў кажа: «Ён заставаўся на ноч? Я бачыла сумкі, калі сыходзіла ўчора». І тут я разумею, што паміж намі можа завязацца самы сапраўдны дыялог.
Дыялог.
– Так, на ноч.
– Што ён пра мяне казаў?
– Што ты падобная на нашу бабулю.
– У сэнсе – адной нагой у магіле?
– Можа быць. Чаму не сядаеш на канапу?
– Я больш не хачу сядзець на гэтай канапе. Калі я апошнім разам на ёй сядзела, з мяне спрабавалі паздзекавацца.
– Не ведаў, што ты такая чуллівая.

— В смысле одной ногой в могиле?
— Может быть. Почему не садишься на диван?
— Я больше не хочу сидеть на этом диване. Когда я в последний раз на нём сидела, надо мной пытались надругаться.
— Не знал, что ты такая чувствительная.
— Ха… Еле сдерживаюсь, чтобы не привести пример из кино.
— К чему такие жертвы?
— Не придуривайся, пожалуйста.
— Я правда не понимаю, почему ты это затеяла.
— Тебе не нравится?
— С тобой сегодня явно что-то странное творится.
— Так. Давай просто забудем обо всём, что было с нами до этого момента.
Вот это поворот.
— Хорошо. Это игра?
— Можешь считать это экспериментом.
Я киваю. Она опускает голову, проводит пальцем по поверхности стойки, поднимает голову и говорит в совершенно не свойственной ей манере:
— Как дела?
— Нормально.
Я заканчиваю мыть посуду, вытираю руки о штаны. Вижу, как она кусает губу. Наконец не выдерживает:
— Ты не хочешь мне помочь?
— Я не знаю твоего плана.
— Нет никакого плана. Ты не понимаешь? Я зашла сюда в первый раз, меня зовут Кристина, и я спрашиваю, как твои дела.
— Нормально.
Она кривит лицо. Я думаю о том, на сколько её хватит.

– Ха... Ледзьве стрымліваюся, каб не прывесці прыклад з кіно.
– Навошта такія ахвяры?
– Не прыдурвайся, калі ласка.
– Я, праўда, не разумею, чаму ты гэта задумала.
– Табе не падабаецца?
– З табою сёння відавочна нешта дзіўнае творыцца.
– Так. Давай проста забудзем пра ўсё, што было з намі да гэтага моманту.
Вось гэта паварот.
– Добра. Гэта гульня?
– Можаш лічыць гэта эксперыментам.
Я ківаю. Яна апускае галаву, праводзіць пальцам па паверхні стойкі, падымае позірк і гаворыць у зусім не ўласцівай ёй манеры:
– Як справы?
– Нармальна.
Я заканчваю мыць посуд, выціраю рукі аб штаны. Бачу, як яна кусае губу. Нарэшце не вытрымлівае:
– Ты не хочаш мне дапамагчы?
– Я не ведаю твайго плана.
– Няма ніякага плана. Ты не разумееш? Я зайшла сюды ў першы раз, мяне завуць Хрысціна, і я пытаюся, як твае справы.
– Нармальна.
Яна крывіць твар. Я думаю пра тое, на колькі яе хопіць.
– Як праца? – пытаецца яна.
– Добра.
Ёй здаецца, што я здзекуюся, але я сапраўды не ведаю, пра што можна пагаварыць.

— Как работа? — спрашивает она.
— Хорошо.
Ей кажется, что я издеваюсь, но я действительно не знаю, о чём можно поговорить.
— Почему ты не спрашиваешь у меня?
— Что не спрашиваю?
— Как моя работа. Это же всех интересует.
— Ладно. Как твоя работа?
— Отлично. Я бы могла дать более полный ответ, но, видимо, у вас это не принято.
— У кого это «у вас»?
Да, теперь я издеваюсь.
— Хочешь знать, что я о тебе думаю?
— Ты всё-таки решила выйти за нормы принятого?
Она облокачивается на стол и, глядя на меня в упор, говорит:
— Я думаю, ты — обычная офисная крыса. Даже не крыса, а хомячок, который до сих пор боится старшего брата и не имеет ни малейшего представления о том, как нужно общаться с девушками. Я приходила сюда только потому, что чувствовала себя здесь в безопасности, потому что сразу поняла — ты вытерпишь кого угодно. Не станешь спорить или оригинальничать. Да что я говорю — даже не выгонишь меня сейчас, после всего услышанного!.. Вчера я узнала, как сильно ты можешь прогнуться под обстоятельства… А ещё я узнала, что… в общем… я, конечно, и до этого догадывалась… но вчера, при разговоре с твоим братом… Это так пафосно звучит в моей голове… Короче, моя гордость не позволяет мне этого озвучить. Зато позволяет сказать вот это… Помоги мне. Может, не всё ещё потеряно ни у меня, ни у тебя… Я не хочу стоять одной ногой в могиле.

– Чаму ты не пытаешся ў мяне?
– Што не пытаюся?
– Як мая праца. Гэта ж усіх цікавіць.
– Добра. Як твая праца?
– Выдатна. Я б магла даць больш поўны адказ, але, мабыць, у вас гэта не прынята.
– У каго гэта «ў вас»?
Так, цяпер я здзекуюся.
– Хочаш ведаць, што я пра цябе думаю?
– Ты ўсё-такі вырашыла выйсці за межы прынятага?
Яна абапіраецца на стол і, гледзячы на мяне ва ўпор, кажа:
– Я думаю, ты – звычайны офісны пацук. Нават не пацук, а хамячок, які да гэтага часу баіцца старэйшага брата і не мае ніякага ўяўлення пра тое, як трэба стасавацца з дзяўчынамі. Я прыходзіла сюды толькі таму, што адчувала сябе тут у бяспецы, таму, што адразу зразумела – ты вытрымаеш каго заўгодна. Не станеш спрачацца ці арыгінальнічаць. Ды што я кажу – нават не выганіш мяне цяпер, пасля ўсяго пачутага… Учора я даведалася, як моцна ты можаш прагнуцца пад абставіны... А яшчэ я даведалася, што... увогуле... я, вядома, і да гэтага здагадвалася, але ўчора... пры размове з тваім братам... Гэта так пафасна гучыць у маёй галаве... Карацей, мой гонар не дазваляе мне гэтага агучыць. Затое дазваляе сказаць іншае: дапамажы мне. Можа, не ўсё яшчэ страчана ні для мяне, ні для цябе... Я не хачу стаяць адной нагой у магіле.
Паміж намі павісае цішыня. Але яна не цяжкая, не такая, як быццам злучальная нітка паміж людзьмі абарвалася або згубілася. Бывае, слова забываеш ці цэлую фразу і – цішыня, але не такая, не. Яшчэ калі яна мне распавядала пра фільмы і перарывалася ненадоўга, я таксама спыняўся раптам – можа, штосьці здарылася, можа, пра

Между нами повисает тишина. Но она не тяжёлая, не такая, как будто связующая нить между людьми оборвалась или потерялась. Бывает, слово забываешь или целую фразу и — тишина, но не эта, нет. Ещё когда она мне рассказывала о фильмах и прерывалась ненадолго, я тоже останавливался вдруг — может, что-то случилось, может, о чём-то важном сказала и ждёт моего ответа, а ведь я всегда был к этому готов — такая ещё была тишина, что сердце замирало. Так вот, это уже похожая, но всё равно не та. Нынешнюю я и не заметил вовсе, потому что всю потратил. Несмотря на испытанное мною острое чувство несправедливости, я обдумывал свой ответ, зная, что он будет иметь очень большую ценность в моей жизни.
— Нужно начать с малого, я считаю.
Она, не мигая:
— С чего?
И я такой:
— Пошли в кино.
Конец первого диалога.

Глава историй

Она приходит ко мне в три часа, как и договаривались. Впервые вижу на ней выходную одежду. Она немного накрасилась и выглядит не то чтобы лучше, а как-то приготовленнее. Волосы уложены, а мне больше нравились распущенные, но я, конечно, не говорю ей об этом. Вообще стараюсь не упоминать ее внешний вид — понимаю, что для неё это и так большой шаг. Но точный размер шага я определяю только на выходе из дома: «Последний раз я так наряжалась, когда шла оформлять договор о приёме на

штосьці важнае сказала і чакае майго адказу, я заўсёды быў да гэтага гатовы – такая яшчэ была цішыня, што сэрца замірала. Дык вось, гэта крыху падобная, але ўсё роўна не тая. Цяперашнюю я і не заўважыў зусім, таму што ўсю выдаткаваў. Нягледзячы на вострае пачуццё несправядлівасці, я абдумваў свой адказ, ведаючы, што ён будзе мець вельмі вялікае значэнне ў маім жыцці.
– Трэба пачаць з малога, я лічу.
Яна, не міргаючы:
– З чаго?
І я такі:
– Пайшлі ў кіно.
Канец першага дыялогу.

Глава гісторый

Яна прыходзіць да мяне ў тры гадзіны, як і дамаўляліся. Упершыню бачу на ёй вулічную вопратку. Яна трохі нафарбавалася і выглядае не тое каб лепш, а неяк больш падрыхтавана. Валасы прыбраныя, а мне больш падабаліся распушчаныя, але я, вядома, не кажу ёй пра гэта. Наогул стараюся не згадваць пра яе выгляд – разумею, што для яе гэта і так вялікі крок. Але дакладны памер кроку я разумею толькі на выхадзе з дому: «Апошні раз я так апраналася, калі ішла афармляць дамову аб прыёме на працу». Я пытаюся, як даўно яна працуе там, куды хадзіла афармляць дамову, і яна расказвае. Распавядае мне ўсё, пакуль мы едзем чатырнаццаць прыпынкаў на аўтобусе. Што пачала пісаць кінарэцэнзіі ў газету «Грані горада», як толькі скончыла ўніверсітэт па спецыяльнасці «Прыкладная геадэзія», гэта

работу». Я спрашиваю, как давно она работает там, куда ходила оформлять договор, и она рассказывает. Рассказывает мне всё, пока мы едем четырнадцать остановок на автобусе. Что начала писать кинорецензии в газету «Грани города», как только окончила университет по специальности «Прикладная геодезия», то есть два года назад. Газету эту выбрала потому, что редакторам было всё равно, о каких фильмах публиковать статьи. В то время как для большинства редакций очень важно заинтересовать читателя мнением о новинке, которая идёт в кинотеатрах. Платят ей совсем немного, но она приноровилась и пишет теперь по несколько рецензий в день. И приходила она ко мне как раз для того, чтобы поразмышлять о фильме, прежде чем перенести мысли на бумагу.
Потом я задаю ей много вопросов — «почему после университета ты выбирала газеты, а не какие-нибудь строительные компании?», «почему не стала смотреть новинки, чтобы больше зарабатывать?», «зачем вообще окончила университет?», — и она отвечает на всё словами «мне так захотелось». Говорит, что всегда была верна своему внутреннему голосу.
Я интересуюсь, как же она поняла, что хочет посвятить свою жизнь кино, и тут она излагает свою историю.
История одного киноманьяка.
— Всё началось в университете, на втором курсе. Наш факультет характеризовался как технический, но на нём училось гораздо больше творческих людей, чем можно было себе представить. Группы, которые они создавали, для многих были единственными отдушинами. Я столкнулась с одной из них совершенно случайно — проходила мимо аудитории, где устраивались собрания. И остановилась у открытой двери, потому что услышала одну короткую фразу — «Жизнь имитирует искусство». Мне стало не по себе, я не могла соотнести окружающий меня бесконечный коридор, стены которого выкрашены в стандарт-

значыць два гады таму. Газету гэтую абрала таму, што рэдактарам было ўсё роўна, пра якія фільмы публікаваць артыкулы. А для большасці рэдакцый вельмі важна зацікавіць чытача меркаваннем пра навінку, якая ідзе ў кінатэатрах. Плацяць ёй зусім няшмат, але яна прызвычаілася і піша зараз па некалькі рэцэнзій на дзень. І прыходзіла яна да мяне якраз для таго, каб паразважаць пра фільм, перш чым перанесці думкі на паперу.

Потым я задаю ёй шмат пытанняў – «чаму пасля ўніверсітэта ты выбірала газеты, а не якія-небудзь будаўнічыя кампаніі?», «чаму не стала глядзець навінкі, каб больш зарабляць?», «чаму наогул скончыла ўніверсітэт?», – і яна адказвае на ўсе пытанні словамі «мне так захацелася». Кажа, што заўсёды была верная свайму ўнутранаму голасу.

Я цікаўлюся, як жа яна зразумела, што хоча прысвяціць жыццё кіно, і яна выкладае сваю гісторыю.

Гісторыя аднаго кінаманьяка.

– Усё пачалося ва ўніверсітэце, на другім курсе. Наш факультэт лічыўся тэхнічным, але на ім вучылася значна больш творчых асоб, чым можна было сабе ўявіць. Групы, якія яны ўтваралі, для многіх былі адзінай аддушынай. Я натрапіла на адну з іх цалкам выпадкова – праходзіла міма аўдыторыі, дзе ладзіліся сустрэчы. І спынілася каля адчыненых дзвярэй, таму што пачула адну кароткую фразу – «Жыццё імітуе мастацтва». Мне стала не па сабе, я не магла суаднесці бясконцы калідор з пафарбаванымі ў стандартны цёмна-блакітны колер сценамі і гэтыя словы, прамоўленыя ў захапленні. Стаўшы каля дзвярэй так, каб мяне не маглі бачыць, пачала прыслухоўвацца.

Я зразумела, што яны размаўляюць пра фільмы, толькі праз некаторы час, бо не была знаёмая ні з адным з названых. Памятаю, мяне ўразіла, як сур’ёзна яны ставіліся да

ный тускло-голубой цвет, и эти слова, произнесённые в порыве чувств. Встав у двери таким образом, чтобы сидящие не могли меня видеть, начала прислушиваться.

Я определила, что они говорят о фильмах, только через некоторое время, поскольку не была знакома ни с одним из названных. Помню, меня поразило, как серьёзно они относились к теме разговора. Кино в буквальном смысле влияло на их жизни. Я простояла, прислонившись к стене и прижав тетрадки к груди, около получаса, а на следующий день подошла к парню, который произнёс ту знаковую для меня фразу, и попросилась к ним. Он быстро согласился взять меня на следующее собрание, и заодно поинтересовался моими знаниями о кино. Признавая свою несостоятельность, я смущённо «разложила» перед ним все свои пожитки, а он не только не удивился, но даже решил помочь.

Вскоре во мне загорелась настоящая страсть к фильмам. Она была настолько сильной, что распространилась и на моего проводника. Да, мы были вместе, но я постоянно спрашивала его: «Сколько ещё фильмов мы должны посмотреть, чтобы не надоесть друг другу?». А он убеждал меня, что это не важно. Люди спят друг с другом и любят лето. Спят друг с другом и любят мороженое. Спят друг с другом и любят говорить о политике. А мы спим друг с другом и любим кино.

Примерно через год он изменил мне с фанаткой Дэвида Кроненберга. А мне не нравился ни один фильм этого режиссёра. Я, конечно, понимала, что о вкусах не спорят, но меня интересовал вопрос: что он в нём нашёл? Потом была любительница фильмов ужасов, и я сразу спросила, чьё творчество она предпочитает — может, Карпентера или Ромеро? — но она не знала этих имён! А это всё равно что филолог не знал бы о Пушкине, а политолог — о Марксе! Я продолжала разочаровываться в своём друге. Последней каплей стал наш спор о российском кинематографе. Он яро отказывался в него верить, вообще отрекался от принадлежности к своей стране, игнорируя её и презирая. Я же — надеялась, зная, что

тэмы гаворкі. Кіно ў літаральным сэнсе ўплывала на іх жыцці. Я прастаяла каля сцяны, прыціснуўшы сшыткі да грудзей, амаль паўгадзіны, а на наступны дзень падышла да хлопца, які вымавіў тую знакавую для мяне фразу, і папрасілася да іх. Ён хутка пагадзіўся ўзяць мяне на наступны сход і заадно пацікавіўся маімі ведамі пра кіно. Вызнаючы сваю неабазнанасць, я сарамліва «расклала» перад ім усе свае пажыткі, а ён не толькі не здзівіўся, але нават вырашыў дапамагчы.

Неўзабаве ўва мне нарадзілася сапраўдная страсць да фільмаў. Яна была настолькі моцнай, што распаўсюдзілася і на майго праважатага. Так, мы былі разам, але я ўвесь час пыталася ў яго: «Колькі яшчэ фільмаў мы павінны паглядзець, каб не надакучыць адно аднаму?». А ён пераконваў мяне, што гэта не важна. Людзі спяць адно з адным і любяць лета. Спяць адно з адным і любяць марозіва. Спяць адно з адным і любяць размаўляць пра палітыку. А мы спім адно з адным і любім кіно.

Прыкладна праз год ён здрадзіў мне з фанаткай Дэвіда Кроненберга. А мне не падабаўся ніводзін фільм гэтага рэжысёра. Я, вядома, разумела, што пра густы не спрачаюцца, але мяне цікавіла пытанне: што ён у ім знайшоў? Потым была аматарка фільмаў жахаў, і я адразу спытала, чыёй творчасці яна аддае перавагу – можа, Карпентара або Рамэра? – але яна не ведала гэтых імёнаў! А гэта ўсё адно, што філолаг не ведаў бы пра Пушкіна, а палітолаг – пра Маркса! Я працягвала расчароўвацца ў сваім сябры. Апошняй кропляй стала наша спрэчка наконт расійскага кінематографа. Ён заўзята адмаўляўся ў яго верыць, наогул адхрышчваўся ад прыналежнасці да сваёй краіны, ігнаруючы яе і пагарджаючы. Я ж – спадзявалася, ведаючы, што выглядаю як поўная дурніца. Таму можна сказаць, што нашы стасункі не вытрымалі нацыянальнага канфлікту.

Пасля ўніверсітэта я ўладкавалася на працу і пасялілася ў старым раёне горада, у доме каля Паўднёвага парка. Ну, ты ж прыкладна ўяўляеш, дзе гэта. Там у мяне

выгляжу как полная дурочка. Поэтому можно сказать, что наши отношения не перенесли национального конфликта.
После университета я устроилась на работу и поселилась в старом районе города, в доме у Южного парка. Ну, ты ведь примерно представляешь, где это. Там у меня тоже был сосед, к которому я наведывалась каждый день. Не особо искушённый в вопросе кино, он, тем не менее, вёл со мной диалоги, порой выдавая оригинальные мысли. Помогал мне писать. Но спустя полтора года моё присутствие всё-таки стало для него невыносимым, и он заменил меня собакой, с которой мог гулять по парку. То есть я была для него домашним животным, понимаешь? Вот ты сидишь дома один, работаешь, или смотришь телевизор, или ужинаешь, и в какой-то момент тебе становится не то чтобы одиноко, а просто страшно от мысли, что, кроме тебя, на свете никого нет. И вдруг твой пёс, или кошка, или крыса зашуршат пакетом, или опрокинут чашку с водой, или просто дёрнутся во сне — и твой страх уже прошёл, и ты — почти счастлив. Я не знала об этом, когда, обозлённая, переезжала сюда. А здесь узнала.
— Ты завела кошку?
— Нет. Познакомилась с тобой.
Конец истории одного киноманьяка.
История одного бухгалтера.
— А я работаю бухгалтером.
— Я догадывалась. А кем ты хотел стать?
— В смысле? Я уж не помню…
— Как печально звучит…
— Я хотел стать футболистом.
Остановки заканчиваются — нам нужно выходить.
Конец истории одного бухгалтера.

таксама быў сусед, да якога я наведвалася кожны дзень. Не надта абазнаны ў пытаннях кіно, ён, тым не менш, вёў са мной дыялогі, часам выдаючы арыгінальныя думкі. Дапамагаў мне пісаць. Але праз год з нечым мая прысутнасць усё-такі стала для яго невыноснай, і ён замяніў мяне сабакам, з якім мог шпацыраваць па парку. Гэта значыць, я была для яго хатняй жывёлай, разумееш? Вось ты сядзіш дома адзін, працуеш, або глядзіш тэлевізар, або вячэраеш, і ў нейкі момант табе становіцца не тое каб самотна, а проста страшна ад думкі, што, акрамя цябе, на свеце нікога няма. І раптам твой сабака, або котка, або пацук зашамацяць пакетам, ці перакуляць кубак з вадой, ці проста варухнуцца ўва сне – і твой страх ужо мінуў, і ты – амаль шчаслівы. Я не ведала пра гэта, калі, узлаваная, пераязджала сюды. А тут дазналася.

– Ты завяла котку?

– Не. Пазнаёмілася з табой.

Канец гісторыі аднаго кінаманьяка.

Гісторыя аднаго бухгалтара.

– А я працую бухгалтарам.

– Я здагадвалася. А кім ты хацеў стаць?

– У сэнсе? Я ўжо не памятаю...

– Як сумна гучыць...

– Я хацеў стаць футбалістам.

Прыпынкі скончыліся – нам трэба выходзіць.

Канец гісторыі аднаго бухгалтара.

Глава пятая

Мы выходим из автобуса, я смотрю на часы и не верю своим глазам. В панике спрашиваю, сколько на её часах, и мои опасения подтверждаются. Вспоминаю, что по пути мы стояли в пробке, а я за рассказом не придал этому значения. Восклицаю: «Мои страховочные пять минут!» — и, взяв её за руку, резко тяну в направлении кинотеатра. Она спрашивает, сильно ли мы опаздываем, и я кричу ей, что очень. Мы мчимся по улице, мой красный шарф трепыхается перед лицом подобно флагу, а сзади тяжело дышит она. Мы стоим на светофоре. Бежим со всех ног по пешеходному переходу, пробираемся через лабиринт толпы, она прерывисто кричит мне, что не надо, что не хочет больше бежать, что оно того не стоит, а я кричу, чтобы она не останавливалась. Зелёный никак не загорается. Мы поднимаемся по рабочему эскалатору, как по нерабочему, на второй этаж. Я покупаю билеты, отдаю один ей, оставляю сдачу на кассе, а когда, раскрасневшиеся и запыхавшиеся, наконец, подбегаем ко входу в кинозал, обнаруживаем его закрытым. Я облегченно вздыхаю: «Успели!», — а она смотрит то на билет, то на часы, и её лицо вытягивается. «Успели? — она говорит. — Да мы, блин, первые!» Я не понимаю, что в этом плохого, а она начинает смеяться. Потом садится на стоящую рядом скамейку и смеётся там. Я пытаюсь доказать, как важно прийти первыми, что однажды в зал начали запускать за пятнадцать минут до фильма, а как-то раз вообще не стали показывать рекламу, а сразу пустили фильм, но это её ещё больше веселит. Не сказал бы, что мне было неприятно слышать её звонкий откровенный смех.

Мы входим в зал и усаживаемся на свои места. Я вижу, как она нервничает, как беспокойно оглядывается на приходящих зрителей.

— Почему так много народу? А? Что за фильм такой — «Задание 34»? — спрашивает она, а я отвечаю, что это боевик с Джейсоном Стэйтемом в главной роли, но мой голос перекрывают громкие звуки начавшейся рекламы.

Глава пятая

Мы выходзім з аўтобуса, я гляджу на гадзіннік і не веру сваім вачам. У паніцы пытаюся, колькі на яе гадзінніку, і мае страхі пацвярджаюцца. Прыгадваю, што па дарозе мы стаялі ў пробцы, а я за аповедам не надаў гэтаму значэння. Выгукваю: «Мае страховачныя пяць хвілін!» – і, схапіўшы яе за руку, рэзка цягну ў бок кінатэатра. Яна пытаецца, ці моцна мы спазняемся, і я крычу ёй, што вельмі. Мы імчымся па вуліцы, мой чырвоны шалік трапечацца перад тварам нібыта сцяг, а ззаду цяжка дыхае яна. Мы стаім на светлафоры. Бяжым з усіх ног па пешаходным пераходзе, прабіраемся праз лабірынт з натоўпу, яна задыхана крычыць мне, што не трэба, што не хоча больш бегчы, што яно таго не варта, а я крычу, каб яна не спынялася. Зялёны ніяк не загараецца. Мы падымаемся па працуючым эскалатары, як па непрацуючым, на другі паверх. Я купляю квіткі, аддаю адзін ёй, пакідаю рэшту на касе, а калі, расчырванелыя і задыханыя, мы нарэшце падбягаем да ўваходу ў кіназалу, бачым яе зачыненай.

Я з палёгкай уздыхаю: «Паспелі!», – а яна глядзіць то на квіток, то на гадзіннік, і яе твар выцягваецца. «Паспелі? – кажа яна. – Ды мы, блін, першыя!» Я не разумею, што ў гэтым дрэннага, а яна пачынае смяяцца. Потым садзіцца на лаўку, што стаіць побач, і смяецца там. Я спрабую даказаць, як важна прыйсці першымі, што аднойчы ў залу пачалі запускаць за пятнаццаць хвілін да фільма, а неякнаогул не сталі паказваць рэкламу, а адразу пусцілі фільм, але гэта яе яшчэбольш весяліць. Не сказаў бы, што мне было непрыемна чуць яе звонкі адкрыты смех.

Мы заходзім у залу і сядаем на свае месцы. Я бачу, як яна нервуецца, як неспакойна азіраецца на іншых гледачоў. «Чаму так шмат народу? А? Што за фільм такі – “Заданне 34”?» – пытаецца яна, а я адказваю, што гэта баявік з Джэйсанам Стэйтэмам у галоўнай ролі, але мой голас перакрываюць гукі рэкламы.

— С кем? — кричит она.
— Со Стэйтемом!
Когда яркие блики экрана падают на её лицо, я вижу выражение «Что за фигня?» на языке мимики.
— Ты специально держал это в тайне?
— Да!
Она смотрит на меня большими глазами, сдерживаясь, чтобы не сказать что-то гадкое.
— Что? — кричу я серьёзно.
— Ничего! Хорошо, что ты платил, — говорит она, и я понимаю, что начинаю ей нравиться.
Первые пятнадцать минут она то и дело меняет своё положение на мягком кресле. Затем, осознав всю неизбежность происходящего, спрашивает меня цинично, позёвывая: «Героя Стэйтема уже хотят убить?». Я киваю. «Чудесненько», — реагирует она и наконец поднимает глаза на экран. Через некоторое время начинаются драки, я с интересом за ними наблюдаю, а она язвительно замечает: «Пока это единственное место, где нет халтуры». А когда в фильме появляется красивая девушка, прогнозирует: «Он с ней переспит». В сцене, где лучший друг героя желает ему удачи и машет на прощание рукой, усмехается: «Да он же и есть предатель». А при изображении полицейских, сидящих в машине, возмущается: «Где хот-доги и кофе? Почему второй тоже белый?». Я спрашиваю, неужели она никогда не позволяет себе расслабиться, а она отвечает, что обычно делает это в ванной, и что она не одна такая — режиссёры подобных фильмов именно там придумывают свои сюжетцы. Играет энергичная музыка — герой сломя голову мчится на крутой машине и сбивает указатели, а я спрашиваю, думала ли она когда-нибудь о такой жизни. Посмотрев мне в глаза, еле слышно отвечает: «Думала. Но она не для таких, как мы».

– З кім? – крычыць яна.
– Са Стэйтэмам!
Калі яркія блікі ад экрана падаюць на яе твар, я бачу выраз «Што за бздура?!» на мове мімікі.
– Ты спецыяльна трымаў гэта ў таямніцы?
– Так!
Яна глядзіць на мяне вялікімі вачыма, стрымліваючыся, каб не сказаць штось брыдкае.
– Што? – крычу я сур’ёзна.
– Нічога! Добра, што ты плаціў, – кажа яна, і я разумею, што пачынаю ёй падабацца.
Першыя пятнаццаць хвілін яна раз-пораз змяняе сваю паставу ў мяккім крэсле. Затым, усвядоміўшы ўсю непазбежнасць таго, што адбываецца, пытаецца мяне цынічна, пазяхаючы: «Героя Стэйтэма ўжо хочуць забіць?». Я ківаю. «Цудоўненька», – рэагуе яна і нарэшце пазірае на экран. Праз некаторы час пачынаюцца бойкі – я з цікавасцю за імі сачу, а яна з’едліва заўважае: «Пакуль гэта адзінае месца, дзе няма халтуры». А калі ў фільме з’яўляецца прыгожая дзяўчына, прагназуе: «Ён з ёй пераспіць». У сцэне, дзе лепшы сябар героя жадае яму поспеху і махае на развітанне рукой, пасміхаецца: «Ды ён жа і ёсць здраднік». А падчас з’яўлення паліцэйскіх, якія сядзяць у машыне, абураецца: «Дзе хот-догі і кава? Чаму другі таксама белы?». Я пытаюся, няўжо яна ніколі не дазваляе сабе расслабіцца, а яна адказвае, што звычайна робіць гэта ў ванне, і што яна не адна такая – рэжысёры падобных фільмаў менавіта там прыдумляюць свае сюжэты. Гучыць энергічная музыка – герой на злом галавы імчыцца на крутой машыне і збівае ўказальнікі, а я пытаюся, ці думала яна калі-небудзь пра такое жыццё. Паглядзеўшы мне ў вочы, ледзь чутна адказвае: «Думала. Але яно не для такіх, як мы».

За последним эффектным кадром следуют музыкальные титры — мы покидаем зал. По пути я замечаю за ней странное воодушевление — она идёт пружинистой походкой, подтанцовывая.
— Неужели терапия Стэйтемом помогла?
Она не отвечает, лишь подёргивает плечиком в такт. Выйдя в коридор, заявляет:
— Ты выбрал отличный фильм. Как раз хотела ненадолго забыть об искусстве.
— Чувствую себя медбратом.
— Почему это?
— Вывел почти безнадёжную пациентку на прогулку.
Она улыбается:
— Но я пока не видела ни деревьев, ни травы, а только Джейсона Стэйтема.
— Будет тебе трава, только потише об этом, — говорю я.
Мы выходим из кинотеатра, а на улице уже темно, и морозно, и фонари постепенно загораются. Северный ветер крепчает, под подошвами ботинок хрустит свежий снег, а над головой повисают звезды, — всё как всегда, но она идёт и радуется.
— Как будто всё это — для меня, — вздыхает она. А потом поворачивает голову и понимает, что для нас.

За апошнім эфектным кадрам ідуць музычныя цітры – мы пакідаем зал. Па дарозе я заўважаю ў ёй дзіўныя перамены – яна ідзе пруткім крокам, падтанцоўваючы.
– Няўжо тэрапія Стэйтэмам дапамагла?
Яна не адказвае, толькі паторгвае плечыкам у такт. У калідоры заяўляе:
– Ты абраў выдатны фільм. Якраз хацела ненадоўга забыцца пра мастацтва.
– Адчуваю сябе медбратам.
– Чаму гэта?
– Вывеў амаль безнадзейную пацыентку на шпацыр.
Яна ўсміхаецца:
– Але я пакуль не бачыла ні дрэў, ні травы, а толькі Джэйсана Стэйтэма.
– Будзе табе трава, толькі цішэй пра гэта, – кажу я.
Мы выходзім з кінатэатра, а на вуліцы ўжо цёмна, і марозна, і ліхтары паступова запальваюцца. Паўночны вецер мацнее, пад падэшвамі храбусціць свежы снег, а над галавой павісаюць зоркі – усё як заўсёды, але яна ідзе і радуецца.
– Як быццам усё гэта – для мяне, – уздыхае яна. А потым паварочвае галаву і разумее, што для нас.

Елизавета Рожкова

Лізавета Ражкова

Елизавета Рожкова родилась в небольшом городке Лысьва Пермского края. Студентка факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, ведёт активную литературную жизнь. В этом году стала членом литобъединения «Молодой Петербург», часто бывает в «Центре современной литературы и книги». В прозе старается отразить темы творчества и веры человека в себя. В 2011 году вышел первый поэтический сборник автора — «Холодно-тёплые».

Лізавета Ражкова нарадзілася ў невялікім мястэчку Лысьва Пермскага краю. Студэнтка факультэта журналістыкі Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта, вядзе актыўнае літаратурнае жыццё. Сёлета стала членам літаб'яднання «Малады Пецярбург», часта бывае ў «Цэнтры сучаснай літаратуры і кнігі». У прозе акцэнтуе ўвагу на тэмах творчасці і веры чалавека ў сябе. У 2011 годзе выйшаў першы паэтычны зборнік аўтаркі «Халодна-цёплыя».

ТЫ НАЗЫВАЕШЬСЯ БОГОМ

Киносеанс закончился. Подавая пальто Лизе, я предложил проводить её до дома. Весь фильм я держал в руках её невесомое, почти несуществующее запястье. Иногда она сгибала пальцы и осторожно, будто бы нечаянно, дотрагивалась до моей руки. Про дом она ответила не сразу: два раза поправила на себе платье, проверила, не распалась ли причёска, и, только когда застегнула последнюю пуговицу, подняла на меня глаза. Лиза плакала на последней сцене — это было видно по расплывшимся на её худом лице тёмным пятнам косметики. Её своеобразной красотой мог не восхититься только незрячий.

— Я не домой, — сказала она и утопила меня в глубоких, глубже, чем любой океан, глазах.

— Провожу не до дома, — ответил я.

Мы шли, и она говорила о фильме. Не о том, кто её родители, какой она была в детстве, почему учится в университете и о чём мечтает по вечерам. Не о том, в какую бы из всех стран уехала, где бы провела старость и какие цветы её любимые. Словом, говорила не о том, о чём говорят мужчина и женщина на первых свиданиях.

Бывает, совершенно не важно, рядом с каким человеком ты окажешься, но тебе вдруг в голову западает что-то невыпадающее. Ты бы рад поддержать разговор о хорошей музыке, но, если думаешь не о музыке, ты его не поддержишь. Лиза говорила, что фильм её удивил и ей хочется побыть одной. Но для этого существует специальное место, и туда-то мы идём.

В темноте я разглядел нечто вроде церковных куполов, укрывшихся словно бы только на ночь от холода деревьями. Когда мы совсем подошли к крыльцу, я понял, что это действительно церковь. Под пиджаком я нащупал наручные часы и заметил Лизе, что для молитвы уже поздно. Но она сказала, что это не та церковь, которую мы привыкли представлять и в которую можно прийти только

ТЫ НАЗЫВАЕШСЯ БОГАМ

Кінасеанс скончыўся. Я падаў паліто Лізе і прапанаваў правесці яе дадому. Увесь фільм я трымаў у руках яе бязважкае, амаль няіснае запясце. Часам яна згінала пальцы і асцярожна, быццам неспадзеў, дакраналася да маёй рукі. Пра дом яна адказала не адразу: два разы папраўіла сукенку, праверыла, ці не сапсавалася прычоска і, толькі калі зашпіліла апошні гузік на паліто, узняла на мяне вочы. Ліза плакала на апошняй сцэне – гэта было бачна па цёмных плямах касметыкі на яе худым твары. Яе своеасаблівай прыгажосцю мог не захапіцца толькі невідушчы.

– Я не дадому, – сказала яна і ўтапіла мяне ў глыбокіх, глыбей за любы акіян, вачах.

– Праўду не дадому, – адказаў я.

Мы ішлі, і яна гаварыла пра фільм. Не пра тое, хто яе бацькі, якой яна была ў дзяцінстве, чаму вучыцца ва ўніверсітэце і пра што марыць па вечарах. Не пра тое, у якую б з усіх краін з’ехала, дзе б правяла старасць, і якія кветкі яе любімыя. Словам, казала зусім не пра тое, пра што гавораць на першых спатканнях.

Бывае, зусім не важна, побач з якім чалавекам ты апынешся, але раптам у тваю галаву патрапляе нешта незвычайнае. Ты рады быў бы пагутарыць пра добрую музыку, але, калі думкі не пра музыку, ты і гаворкі не падтрымаеш. Ліза казала, што фільм яе здзівіў і ёй хочацца пабыць адной. Але для гэтага існуе адмысловае месца, і якраз туды мы і кіруемся.

У цемры я разгледзеў нешта накшталт царкоўных купалоў, што, здаецца, захінуліся на ноч ад холаду ў шаты дрэў. Калі мы падышлі да ганка, я зразумеў, што гэта сапраўды царква, і заўважыў, што для малітвы ўжо позна. Але Ліза сказала, што гэта не тая царква, якую мы звычайна сабе ўяўляем. А потым дадала, што не надта верыць у бога, пра якога спаконвеку пішуць у кнігах.

тогда, когда тебя будет ждать священник. А потом она добавила, что не очень-то верит в бога, про которого издревле пишут в книгах.

Я ничего не понял.

— Если правда хочешь проводить меня, подождёшь у входа? — спросила она, не объясняя мне ничего. Эта ситуация не казалась ей странной.

Я утвердительно кивнул. Ветер разливал по телу противный холод. Я спросил, можно ли подождать её прямо в церкви. Лиза не отказала, но предупредила, что внутри нет стульев. Греться можно будет только на ногах.

Что ж, это лучше, чем стать жертвой ночного ветра — без женщины рядом, которую ты держишь за запястье, он менее романтичен.

Мне показалось странным, что в церкви, куда мы с Лизой зашли, не было ни одной иконы. Не было привычного алтаря и закутка для хора. Не было даже общего паникадила.

Вместо этого я насчитал тринадцать мольбертов с картинами, прикрытыми белой бумагой. На мольбертах было написано по имени. Андрей. Филипп. Дальше не видно. Везде стояли большие, высокие подсвечники — точно такие же, как в церкви. Подсвечники были единственным напоминанием о храме. Правда, не похоже, что в них когда-либо ставили свечи.

Лиза прошла в самый дальний угол зала.

— Возьми мой шарф, ты забыла платок, — торопливо крикнул я ей в спину, а она обернулась и сказала, что это лишнее.

Я видел, как она осторожно сняла бумагу и о чём-то долго-долго, старательно и со всей душой говорила. Она неистово молилась. Хотя нарушала все порядки обращения к богу. Вышла она навстречу радостной, словно очищенной от той задумчивости и угрюмости, которую оставили ей на память час и ещё половина часа кино.

Я нічога не зразумеў.
– Калі праўда хочаш правесці мяне, пачакаеш ля ўваходу? – спытала яна, нічога мне не тлумачачы. Сітуацыя не падавалася ёй дзіўнай.
Вецер разліваў па целе непрыемны холад. Я спытаў, ці можна пачакаць яе прама ў царкве. Ліза не адмовіла, але папярэдзіла, што ўнутры няма крэслаў. Грэцца можна будзе толькі на нагах.
Што ж, гэта лепш, чым стаць ахвярай начнога ветру, – без жанчыны, якую ты трымаеш за запясце, ён меней рамантычны.

Мне падалося дзіўным, што ў царкве не было ніводнай іконы. Не было звыклага алтара і закутка для хору. Не было нават агульнага панікадзіла.
Замест гэтага я налічыў трынаццаць мальбертаў з карцінамі, закрытымі белай паперай. На кожным было напісана імя. Андрэй. Філіп. Далей не відаць. Усюды стаялі вялікія, высокія падсвечнікі: адзіны напамін пра храм. Праўда, непадобна, што ў іх калі-небудзь ставілі свечкі.
Ліза прайшла ў самы далёкі кут залы.
– Вазьмі мой шалік, ты забыла хустку, – паспешліва крыкнуў я ёй у спіну, а яна абярнулася і сказала, што гэта лішняе.
Я бачыў, як асцярожна яна зняла паперу і доўга, нібы выліваючы душу, штосьці казала. Яна апантана малілася. Хаця парушыла ўсе парадкі звароту да бога. Вярнулася да мяне яна радаснай, нібы ачышчанай ад задумення і самоты, што пакінулі па сабе гадзіна і яшчэ палова гадзіны кіно.
Мы ішлі, і яна прыгадвала выпадкі з дзяцінства, а потым тое, што ёй праснілася напярэдадні нашай сустрэчы. Ліза ўсё распавядала, распавядала, а я ўяўляў, як кожны вечар яна расчэсвае на ноч валасы, перагортвае сшытак з вершамі. Потым дапівае

Мы шли, и она вспоминала картинки из детства, а потом то, что ей приснилось накануне нашей встречи. Лиза всё рассказывала, рассказывала, а я представлял, как каждый вечер она расчёсывает на ночь волосы, перелистывает тетрадку со стихами. Потом допивает хербал, расслабляя ступни, чтобы с них легче скатывались на пол тапочки. Наконец запрыгивает на кровать и прячет ноги под тёплым одеялом.

Так она засыпает.

На следующее утро я позвонил ей и предложил увидеться. Мы встретились, и с тех пор так проходил каждый наш вечер. Она больше не заходила в церковь. Более того, когда я сам попытался найти этот храм, вспоминая по крупицам наш маршрут из кино и пытаясь угадать в домах, освещённых мягким сентябрьским солнцем, силуэты той тёмной улицы, по которой мы шли, я ничего не нашёл. Этих куполов не существовало. Не было дорожек, с которых бы виднелись те высочайшие деревья до крыши. Я решил, что забрёл не в тот район.

У Лизы я не спросил, где мы были в ту ночь. А сама она об ангелах, боге и прочем не говорила. Никогда не говорила.

В мае мы были совсем уже парой, и в первый раз она не пришла на наше излюбленное место. Парк на набережной, куда мы любили приходить пораньше, покупать, как только наступила весна, у пухлощёкой продавщицы Марьи Никитичны мягкий, свежеиспечённый хлеб, а потом бежать к реке и кидать его по щепотке уткам, впервые мне предстал во всей своей невзрачности. Тихая синяя речка, узкие дорожки вдоль, в шахматном порядке деревья — здесь никогда не бывало изысканных фонтанов, саксофонисты здесь не играли, не раскладывали футляры и шапки в этом отрезанном от городской суеты месте. Это были обыкновенный берег и обыкновенная вода. Я не знал об этом раньше.

Левый рукав я измял уже напрочь, когда прошло только тридцать минут, на которые задержалась Лиза. Трубку она не брала, и это стало серьёзным поводом

хербал, расслабляючы ступні, каб з іх лягчэй скатваліся на падлогу тапачкі. Нарэшце забіраецца ў ложак і хавае ногі пад цёплай коўдрай.
Затым яна засынае.
Наступным ранкам я патэлефанаваў ёй і прапанаваў сустрэцца. Мы спаткаліся, і з таго часу бавілі разам кожны вечар. Яна больш не заходзіла ў царкву. Больш за тое, калі сам я паспрабаваў адшукаць гэты храм, успамінаючы па кроках наш маршрут з кінатэатра і імкнучыся адгадаць у дамах, асветленых мяккім вераснёўскім сонцам, сілуэты той цёмнай вуліцы, якой мы ішлі, я нічога не знайшоў. Гэтых купалоў не існавала. Не было сцяжынак, з якіх былі б відаць тыя высокія дрэвы. Я вырашыў, што зайшоў не ў той раён. У Лізы я не спытаў, дзе мы былі ў тую ноч. А сама яна пра анёлаў, бога ды падобнае не казала. Ніколі не казала.
У маі мы былі зусім ужо парай, і ўпершыню яна не прыйшла на наша ўлюбёнае месца. Парк на набярэжнай, куды мы прыходзілі раней за ўсіх, куплялі, як толькі пачыналася адліга, у круглатварай прадаўшчыцы Мар'і Мікіцічны пульхны свежы хлеб, а потым беглі да ракі і кармілі ім качак, упершыню паўстаў перада мной ва ўсім сваім несамавітым выглядзе. Ціхая сіняя рэчка, вузкія дарожкі ўздоўж, дрэвы ў шахматным парадку – тут ніколі не было выкшталцоных фантанаў, саксафаністы тут не ігралі, не раскладалі футляры і капелюшы ў гэтым адрэзаным ад гарадской мітусні месцы. Гэта былі звычайны бераг і звычайная вада. Я не ведаў пра гэта раней.
Непрыкметна сплываў час – дзесяць хвілін, трыццаць. Слухаўку яна не брала, і мне рабілася не па сабе. Я праседзеў на лаўцы каля ракі, у спадзяванні дачакацца яе, чатыры гадзіны, здзіўляючыся ў перапынках, як я раней не заўважаў маркотнасць паркавага пейзажу. Напэўна, зімой ён быў чароўны. Але як я ні намагаўся прыпомніць гэтыя ж самыя дрэвы, каля якіх мы гулялі з Лізай вось ужо паўгода, у срэбных рукавіцах і снежных шапках, ніякага малюнка ў галаве не ўсплывала.

для моего волнения. Я просидел на лавке возле реки в надежде её дождаться четыре часа, всё в перерывах от тревоги удивляясь, как это я раньше не замечал скучность паркового пейзажа. Наверное, зимой он был волшебнее. Но как я ни старался припомнить эти же самые деревья, возле которых мы гуляли с Лизой вот уже полгода, в серебряных варежках и снежных шапках, никакая картинка не всплывала в голове.

Да, когда пошёл второй час, а Лизы всё не было, я понял, что она не придёт. Я понял, но всё равно ждал ещё два часа.

Наконец вышел из парка и поймал такси. Машина везла меня к дому Лизы — я хотел знать причину её отсутствия. Водитель ехал быстро, люди за окном превращались в кучу мелькающих вертикальных полосок. Эпизоды их жизни можно было разглядеть только на светофорах. Вот молодая женщина стоит в двух метрах от моего такси и поправляет ребёнку спавший ботинок. Так странно, что я запомню этот эпизод, потому что женщина напоминает мне материнское будущее Лизы, а сама мать никогда об этой крошечной, незначительной остановке не вспомнит. Не вспомнит, хотя будет уверять людей даже через сто лет, что бережёт в памяти каждую секунду, которую она провела со своей дочерью.

Машина остановилась, я полез в карман за деньгами, но тут же увидел, что водитель привёз меня не туда. Я поинтересовался, в чём дело, а он с весёлой улыбкой обернулся и сказал:

— Подожди, сейчас я иконку прибью. Без иконки ехать нельзя, вдруг чего. Отвалилась, ехали быстро.

Я пожал плечами. В тонне тревоги четырёх часов эти пятнадцать минут не сделали бы погоды. Что я могу сейчас предпринять? Успокоиться, расслабиться, поудобнее уткнуться в сидение. Так хорошо видно, что прибивает водитель — маленькое развлечение. Это лучше философских мыслей.

Так, калі пайшла другая гадзіна, а Лізы ўсё не было, я зразумеў, што яна не прыйдзе. Я зразумеў, але ўсё роўна чакаў яшчэ дзве гадзіны.
Нарэшце, выйшаў з парку і злавіў таксі. Машына везла мяне да дома Лізы – я хацеў дазнацца, чаму яна не прыйшла. Кіроўца ехаў хутка, людзі за акном ператвараліся ў шэраг мільгаючых вертыкальных палосак. Эпізоды іх жыцця можна было разгледзець толькі на светлафорах. Вось маладая жанчына стаіць у двух метрах ад майго таксі і папраўляе дзіцяці чаравік. Так дзіўна, што я запомню гэты эпізод, бо жанчына нагадвае мне мацярынскую будучыню Лізы, а сама маці пра гэты малюсенькі, нязначны прыпынак ніколі і не ўзгадае.
Машына спынілася, я палез у кішэню па грошы, але ўбачыў, што кіроўца прывёз мяне не туды. Я пацікавіўся, у чым справа, а ён з вясёлай усмешкай павярнуўся і сказаў:
– Чакай, я зараз абразок прымацую. Без абразка ехаць нельга, раптам што. Адваліўся, ехалі хутка.
Я пацiснуў плячыма. Пасля чатырох гадзін трывогі гэтыя пятнаццаць хвілін справу не вырашаць. Што я магу зрабіць зараз? Супакоіцца, расслабіцца, ямчэй уладкавацца на сядзенні. Каб добра бачыць, што робіць кіроўца – маленькая забаўка. Гэта лепш за філасофскія думкі.
Нечакана ён стаў прымацоўваць белую паперку, якая нагадала мне папяровыя чахлы мальбертаў, што я бачыў у царкве восенню. На паперцы было напісана «ІАН».
– Што такое ІАН? – ад здзіўлення ўва мне прачнулася смеласць і нават нахабства лезці не ў сваю справу.
– Мае ініцыялы: Іван Андрэевіч Носаў.
– А дзе абраз? Чаму толькі паперку мацуеце?
– Ён за паперкай. Усе мусяць падпісваць іконы. Хіба ты не ў курсе? – ён па-добраму крэкнуў на маё маўчанне і маё «не ў курсе». Праз дзесяць хвілін мы развіталіся каля дома Лізы.

Неожиданно он стал приколачивать белую бумажку, напомнившую мне бумажные чехлы мольбертов, которые я видел в церкви осенью. На этой бумажке было написано «ИАН».
— Что такое ИАН? — от удивления во мне проснулась смелость и даже дерзость лезть не в своё дело.
— Мои инициалы: Иван Андреевич Носов.
— А где икона? Почему только бумажку крепите?
— Она за бумажкой. Все должны подписывать иконы. Ты разве не в курсе? — он по-доброму крякнул на моё молчание и моё «не в курсе». Через десять минут мы расстались у Лизиного дома.
Лиза долго не открывала, но как только высунулась из-за двери, бросилась в руки, словно её толкнули откуда-то сзади. Она рыдала, рыдала настолько сильно, что не держали ноги.
Она не пришла, потому что сегодня не стало её мамы.
После похорон она молчала месяц. Конечно, дар речи у неё не пропал, а вот желание говорить исчезло. Она не снимала чёрное платье, некогда сшитое её мамой для выпускного вечера. Лиза думала, что это платье сшито для прощания со школой, а оказалось, что для прощания с матерью.
Лиза в горе не была эгоистичной. Ни разу она не попросила меня уйти, хотя ни разу не пригласила. Ни разу не отказалась от моих ласк. Она по-прежнему расчесывала на ночь волосы, допивала хербал и укутывалась пледом. Я всё это видел. Я видел эту же картину раньше в воображении, когда ещё не знал, как приготовляется она ко сну. Теперь это оказалось реальностью. Это было похоже на сбывшуюся мечту. Несмотря на трагедию, я чувствовал, что оба мы счастливы холодными, грустными ночами в пустом доме.
Церковь стала для нас ежедневной традицией. Я сразу вспомнил дорогу к куполам, как только мы дошли до определённой улицы. Не зная, чем занять себя внутри

Яна доўга не адчыняла, але як толькі з'явілася з-за дзвярэй, кінулася ў мае рукі, нібы яе штурханулі ззаду. Яна рыдала, рыдала настолькі моцна, што не трымалася на нагах.
Ліза не прыйшла, таму што сёння не стала яе мамы.
Пасля пахавання яна маўчала месяц. Вядома, мова ў яе не аднялася, а вось жаданне гаварыць знікла. Яна не здымала чорнай сукенкі, некалі пашытай яе мамай для выпускнога вечара. Ліза думала, што гэтая сукенка пашытая для развітання са школай, а аказалася, што для развітання з маці. Ліза ў горы не была эгаістычнай. Ні разу яна не папрасіла мяне сысці, хоць ні разу і не запрасіла. Ні разу не адмовілася ад маіх мілошчаў. Яна паранейшаму расчэсвала на ноч валасы і захутвалася ў плед. Я ўсё гэта бачыў. Я бачыў гэтую карціну раней ва ўяўленні, калі яшчэ не ведаў, як рыхтуецца яна да сну. Цяпер я бачу ўсё на яве. Гэта падобна на спраўджаную мару. Нягледзячы на трагедыю, я адчуваў, што абодва мы шчаслівыя халоднымі, самотнымі начамі ў пустым доме.
Царква стала для нас штодзённай традыцыяй. Я адразу ўспомніў дарогу да купалоў, як толькі мы дайшлі да патрэбнай вуліцы. Не ведаючы, чым заняць сябе ўнутры гэтага таямнічага месца, я проста глядзеў на Лізу. Яна часам крычала на свой так званы абраз, часам сядзела на каленях, часам моўчкі стаяла і глядзела на мальберт. Гэта магло доўжыцца гадзінамі. Гэта магло скончыцца праз пяць хвілін. У нейкі гарачы ліпеньскі дзень мы маглі не завітаць сюды зусім.
Я не ведаў, у чым сэнс малення да мальберта. Што было там намалявана, і ці было, я таксама не ведаў. Можа, там быў Езус?
Яна заўсёды выходзіла з царквы моцнай і мужнай. Яна не брала з сабой гора на прагулкі са мной, але магла галасіць каля свайго мальберта, магла ўдарыць яго.
Аднойчы я папрасіў Лізу паказаць мне яе абраз. Але яна адказала, што лепш ужо мне завесці свой і нікому не паказваць, што там намалявана. А чужыя бачыць не прынята. Нават самы блізкі чалавек не можа паглядзець на твой абраз.

этого таинственного места, я просто смотрел на Лизу. Она иногда кричала на свою так называемую икону, иногда сидела на коленях, иногда молча стояла и смотрела в мольберт. Это могло продолжаться часами. Это могло закончиться через пять минут. В какой-нибудь жаркий июльский день мы могли не прийти сюда вовсе.

Я не знал, в чём заключается смысл стаскивания белого полотна и мольбы мольберту. Что было там изображено, и было ли, я тоже не знал. Может, там был Иисус?

Она всегда выходила из церкви сильной и мужественной. Она не брала с собой горе на прогулки со мной, но могла рыдать у своего мольберта, могла ударить его.

Однажды я попросил Лизу показать мне её икону. Но она ответила, что лучше уж мне завести свою и никому не показывать, что там изображено. А чужие видеть не принято. Даже самый близкий человек не может посмотреть твою икону.

В один из таких молитвенных дней в церковь зашёл мужчина. Он был одет в протёртые джинсы и в сетчатую майку явно не первой свежести. В руках он нёс доллары. Стопка по толщине была не уже всех четырёх томов «Войны и мира». И всё-таки он не боялся нести её в руках, а не в сумке, и, по-видимому, нёс эту пачку так же и по улице. За окном не было автомобиля.

Он подошёл к мольберту с надписью «Пётр» и развернул его от меня — только потом он снял белую обертку. Я долго смотрел на него, уже потеряв интерес к молящейся Лизе. Мужчина бормотал под нос фразы, которые мне невозможно было разобрать. Я не был уверен, что он говорит сейчас по-русски. Я видел только его прыгающие брови. Они выражали сосредоточенность. Потом он накрыл мольберт бумагой и достал спички.

В одну минуту в подсвечнике сгорела целая стопка долларов.

Он вышел из церкви с улыбкой облегчения и предчувствия радости.

После сцены с долларовыми купюрами, горящими в церковном подсвечнике, мы прожили с Лизой в одной квартире ещё ровно десять лет.

Она стала матерью троих прекрасных детей.

У адзін з такіх малітоўных дзён у царкву зайшоў мужчына. Ён быў апрануты ў працёртыя джынсы і майку відавочна не першай свежасці. У руках ён нёс даляры. Стос быў таўшчынёй не менш за чатыры тамы «Вайны і міру». І ўсё ж ён не баяўся несці яго ў руках, а не ў сумцы, і, відаць, нёс гэты пачак і па вуліцы такім жа чынам. Прынамсі, за акном не было аўтамабіля.
Ён падышоў да мальберта з надпісам «Пётр» і павярнуў яго ад мяне – толькі потым зняў белую абгортку. Я доўга глядзеў на яго, ужо страціўшы цікавасць да малення Лізы. Мужчына мармытаў пад нос фразы, якія мне немагчыма было разабраць. Я не быў упэўнены, што ён гаварыў па-руску. Я бачыў толькі, як скачуць яго бровы. Яны выдавалі засяроджанасць. Потым ён накрыў мальберт паперай і выцягнуў запалкі.
За хвіліну ў падсвечніку згарэў цэлы стос даляраў.
Ён выйшаў з царквы з усмешкай палёгкі і прадчування радасці.
Пасля сцэны з далярамі, спаленымі ў падсвечніку, мы пражылі з Лізай у адной кватэры яшчэ роўна дзесяць гадоў.
Яна стала маці траіх цудоўных дзяцей.
Калі я пражыву яшчэ дзевяноста гадоў, я ўсё роўна буду казаць, што памятаю кожную секунду, праведзеную з ёй.
Ліза памерла.
Я буду казаць, што памятаю кожную секунду сваёй тугі без яе.
Калі ў нас з'явілася дзіця, Ліза ўпершыню пасля смерці маці падышла да мальберта. І ўпершыню яна смяялася, а не плакала. І нават упершыню яна забрала эмоцыю і аддала не іконе, мне – шчасце.
Я так і не ведаў, каму яна моліцца. Мне было ўсё роўна. Гэтага амаль не адбывалася, а калі адбывалася, то заўжды заканчвалася яе шчаслівай усмешкай. Яе шчаслівую ўсмешку я любіў. Яна перадала яе нашым дзецям. Я ўпэўнены, што не на генетычным

Если я проживу ещё девяносто лет, я всё равно буду говорить, что помню каждую секунду, проведённую с ней.
Лиза умерла.
Я буду говорить, что помню каждую секунду своей тоски без неё.
Когда у нас появился ребёнок, Лиза впервые после переживаний смерти матери подошла к мольберту. И впервые она смеялась, а не плакала. И даже впервые она унесла эмоцию, отданную своей иконе, мне — счастье.
Я так и не знал, кому она молится. Мне было всё равно. Этого почти не происходило, а если происходило, то всегда заканчивалось её счастливой улыбкой. Её счастливую улыбку я обожал. Она передала её нашим детям. Я уверен, что не на генетическом уровне, а на уровне светозарождения. Лиза просто умела дарить свет и любовь. Она пережила всё и не представляла свою жизнь без таких подарков.

В какой-то невзрачный осенний, а может быть, уже зимний день я совершенно случайно забрёл в знакомый район. Интересно, стоит ли там ещё Лизин мольберт? А если она не верит в бога, и я не верю тоже, то будет ли грехом то, что я приоткрою белое полотно?
На её мольберте было написано «Елизавета». Никогда не называл Лизу полным именем, и тут вдруг щёлкнуло, что Елизавета с древнееврейского означает «почитающая Бога». Какого — она никогда не говорила.
Я встал напротив этой странной и вечной для неё иконы. Никого вокруг не было. Мне ничто не мешало тут же сорвать полотно и узнать тайну. Но я постоял ещё пару минут просто так. Я играл в «угадайку». Я представлял самые знаменитые иконы. Я вспоминал те, которые целовала моя бабушка. Я думал о тех, которые помещают в учебниках. Сколько же в мире существует изображений святых?
Я стянул полотно и увидел портрет жены.
Она молилась себе.

узроўні, а на ўзроўні ўнутранага святла. Ліза проста ўмела дарыць святло і каханне. Яна перажыла ўсё і не ўяўляла свайго жыцця без такіх падарункаў.
У нейкі несамавіты восеньскі, а можа быць, ужо зімовы дзень я цалкам выпадкова завітаў у знаёмы раён. Цікава, ці стаіць там яшчэ Лізін мальберт? А калі яна не верыць у бога, і я не веру таксама, ці будзе грахом тое, што я адхіну белы покрыў?
На яе мальберце было напісана «Лізавета». Ніколі не называў Лізу поўным іменем, і тут раптам прыгадалася, што Лізавета са старажытнаяўрэйскай азначае «тая, што шануе Бога». Якога – яна ніколі не казала.
Я спыніўся насупраць гэтай дзіўнай і вечнай для яе іконы. Нікога вакол не было. Мне нішто не перашкаджала тут жа сарваць абгортку і даведацца таямніцу. Але я пастаяў яшчэ пару хвілін проста так. Я гуляў ва «ўгадайку». Я ўяўляў самыя знакамітыя абразы. Я ўспамінаў тыя, якія цалавала мая бабуля. Я думаў пра тыя, што змяшчаюцца ў падручніках. Колькі ж у свеце малюнкаў святых?
Я сцягнуў палатно і ўбачыў партрэт жонкі.
Яна малілася сабе.

Юлия Богданова

Юлія Багданава

Юлия Богданова родилась 14 августа 1987 года в городе Реж Свердловской области. В 16 лет впервые приняла участие в поэтическом конкурсе, в котором заняла второе место, с тех пор периодически участвует в конкурсах и фестивалях. Стихи, проза, интервью и заметки публикуются в газетах, журналах и альманахах, последняя творческая публикация (кроме рабочих) — в литературно-художественном журнале «Аврора» (г. Санкт-Петербург, № 1, 2012). Среди творческих достижений: победы в литературных конкурсах регионального, областного, всероссийского и международного уровней (в частности, лауреат Международного студенческого фестиваля «Весна ЮУрГУ — 2006» в номинации «интеллектуально-философская поэзия»). В 2007 году вышел собственный сборник «Ню: сердцевина». По образованию и профессии — литературный редактор. С 2012 года живёт и работает в Санкт-Петербурге.

Юлія Багданава нарадзілася 14 жніўня 1987 года ў горадзе Рэж Свярдлоўскай вобласці. У 16 гадоў упершыню прыняла ўдзел у паэтычным конкурсе, дзе заняла другое месца, з тых часоў перыядычна ўдзельнічае ў конкурсах і фестывалях. Вершы, проза, інтэрв'ю і нататкі публікуюцца ў газетах, часопісах і альманахах, апошняя творчая публікацыя (акрамя працоўных) – у літаратурна-мастацкім часопісе «Аўрора» (г. Санкт-Пецярбург, № 1, 2012). Сярод творчых дасягненняў: перамогі ў літаратурных конкурсах рэгіянальнага, абласнога, усерасійскага і міжнароднага ўзроўняў (у прыватнасці, лаўрэат Міжнароднага студэнцкага фестывалю «Вясна ПУрДУ – 2006» у намінацыі «інтэлектуальна-філасофская паэзія»). У 2007 годзе выйшаў уласны зборнік «Ню: сарцавіна». Паводле адукацыі і прафесіі – літаратурны рэдактар. З 2012 года жыве і працуе ў Санкт-Пецярбургу.

ВЧЕРА Я ВИДЕЛ

Вчера я видел, как человека выбросили в мусорку. Это была какая-то женщина. Одетая наспех, в белой замыленной футболке, она явно спешила побыстрее выбросить его и убежать. Я поэтому и обратил на неё внимание: её нетерпение бросалось в глаза, точнее, даже не нетерпение, а лихорадочное отсутствие терпения. Она неуклюже бежала к мусорному контейнеру, обогнала меня, взвихрила после себя тонны пыли. «Зачем же так бежать? — подумал я. — Вроде контейнеры открыты с утра до вечера», — и недовольно покосился на свои белые, по-настоящему белые, только что отутюженные брюки: ну конечно, вся пыль теперь осела на них. Я чертыхнулся, остановился и стал отряхиваться, пришлось опустить мешок на землю. Когда я поднял голову, она уже стояла около контейнера и, неловко взмахнув плечом, сбросила человека в мусорный бак. Он был полон, поэтому человек наполовину высунулся оттуда, свесив одну руку и туловище вместе с головой. Женщина не шелохнулась, чтобы поправить, просто стояла и смотрела на него. Я уже подходил ближе, как она встрепенулась, услышав мои шаги. Обернув усталое лицо, она тут же отвернулась и резко вскинула руку и, клянусь, хотела ударить человека по лицу, но где-то в паре сантиметров остановила ладонь и как-то судорожно погладила его. Похоже, я помешал. Видимо, изначально ему предназначался удар, а потом прощение. Но что теперь — мне тоже нужно выбросить своё. Я всегда раньше старался уступать людям, отодвигался в сторону, чтобы дать пройти, ждал подходящего момента, чтобы сказать, чего я хочу, думал о том, каково будет другому человеку. Пока не понял, что моя жизнь идёт к чёртовому концу и, отодвигая себя в сторону ради интересов других, я так и сдохну, расшаркиваясь перед каждым встречным, в надежде, что мои интересы будут также замечены кем-то другим. Кем-то другим, кому на меня плевать.

УЧОРА Я БАЧЫЎ

Учора я бачыў, як чалавека выкінулі ў сметніцу. Гэта была нейкая жанчына. Апранутая спехам, у белай замыленай футболцы, яна відавочна спяшалася хутчэй выкінуць яго і ўцячы. Я таму і звярнуў на яе ўвагу: яе нецярпенне кідалася ў вочы, дакладней нават не нецярпенне, а ліхаманкавая адсутнасць цярпення. Яна нязграбна бегла да смеццевага кантэйнера, абагнала мяне, узвіхурыла за сабою тоны пылу. «Навошта ж так бегчы? – падумаў я. – Здаецца, кантэйнеры адчыненыя з раніцы да вечара». І незадаволена зірнуў на свае белыя, па-сапраўднаму белыя, толькі што адпрасаваныя штаны: ну вядома ж, увесь пыл цяпер асеў на іх. Я мацюкнуўся, спыніўся і пачаў абтрэсвацца, нават давялося апусціць мяшок на зямлю. Калі я ўзняў галаву, жанчына ўжо стаяла каля кантэйнера і нязграбным рухам закінула чалавека ў смеццевы бак. Ён быў поўны, таму чалавек напалову высунуўся адтуль, звесіўшы адну руку і тулава разам з галавой. Жанчына не зварухнулася, каб паправіць, проста стаяла і глядзела на яго. Я падыходзіў бліжэй, калі яна страпянулася, учуўшы мае крокі. Павярнуўшы да мяне стомлены твар, яна тут жа адвярнулася, рэзка ўскінула руку і, прысягаю, хацела ударыць чалавека па твары, але ў пары сантыметраў спыніла далонь і неяк сутаргава пагладзіла яго. Падобна на тое, што я перашкодзіў. Мабыць, першапачаткова яму прызначаўся ўдар, а потым прабачэнне. Але што цяпер – мне таксама трэба выкінуць сваё. Я заўсёды раней стараўся саступаць людзям, адсоўваўся ў бок, каб даць прайсці, чакаў прыдатнага моманту, каб сказаць, чаго я хачу, думаў пра тое, як прыемна будзе іншаму чалавеку. Пакуль не зразумеў, што маё жыццё ідзе да чортавага канца і, адсоўваючы сябе ў бок дзеля інтарэсаў іншых, я так і здохну, расшаркваючыся перад кожным сустрэчным, у надзеі, што мае інтарэсы будуць таксама заўважаныя кімсьці іншым. Кімсьці іншым, каму на мяне пляваць.

Я невозмутимо приблизился, кашлянул и втиснулся рядом с ней, чтобы аккуратно сложить свой мешок в бак. Она всё ещё держала руку на щеке человека. Но когда я взглянул ей в лицо, то увидел там отвращение и гнев. Мне стало не по себе, как будто я вторгнулся во что-то интимное. Ведь ладонь её была нежно обвита вокруг его лица — ладонь, предназначенная для других. Лицо же принадлежало ей одной — то, чем является каждый человек, когда находится наедине с собой. И как часто то, что видят другие, является страшной противоположностью тому, что знает о себе сам человек. Я стал поправлять свой мешок, чтобы утрамбовать его как можно тщательнее, я представлял, сколько людей каждый день ходят к мусорному контейнеру, и мне не хотелось, чтобы из-за моей небрежности кому-то не хватило места. Проклятая услужливость, мне же ещё в бар идти, не хватало уделать брюки окончательно. Но, знаете, это всё-таки неприятное зрелище, когда утром, выходя на работу, видишь, как вокруг контейнера как попало валяются мешки или вырастают рядом уродливой горкой.
Я закончил и вдруг заметил, что женщины уже нет. Она ушла. Я пожал плечами, собрался идти, но мой взгляд упал на человека, которого она так неряшливо бросила. «О, чёрт, Том, ну хватит, какое тебе дело! У тебя сегодня был трудный день, надо расслабиться, забыть её». Через минуту мои пальцы уже старательно впихивали человека в контейнер, я даже вспотел: «Какой он тяжёлый! Может, поэтому она его выбросила, что много жрал». Я пытался сложить его аккуратно, нога к ноге, чтобы освободить место для других, но бросил эту затею: ну ладно хоть рука с головой уже не торчат. И вдруг увидел приятеля, он двигался к контейнеру с довольно большим мешком и уже издали махал мне рукой. Я поспешно помахал в ответ и тут же ретировался. Сейчас ещё начнет расспрашивать меня, что случилось и почему так быстро. Не рассказывать же, что я застукал её целующейся в баре с другим. Не трагедия, знакомы были всего месяц, но всё же неприятно. Хорошо, что мешок у меня был припасен

Я спакойна наблізіўся, кашлянуў і ўціснуўся побач з ёй, каб акуратна ўкласці свой мяшок у бак. Яна ўсё яшчэ трымала руку на шчацэ чалавека. Але, калі я зазірнуў ёй у твар, я ўбачыў там агіду і гнеў. Мне стала няёмка, як быццам я пабачыў штосьці інтымнае. Бо далонь яе пяшчотна ляжала на яго твары – далонь, прызначаная для іншых. Твар жа належаў ёй адной – тое, чым з'яўляецца чалавек, калі знаходзіцца сам-насам з сабой. І як часта тое, што бачаць іншыя, з'яўляецца страшнай супрацьлегласцю таго, што ведае пра сябе сам чалавек. Я стаў папраўляць свой мяшок, каб утрамбаваць яго як мага лепш, я ўяўляў, колькі людзей кожны дзень ходзяць да смеццевага кантэйнера, і мне не хацелася, каб з-за маёй нядбайнасці камусьці не хапіла месца. Праклятая паслужлівасць, мне ж яшчэ ў бар ісці, не хапала ўпэцкаць штаны канчаткова. Але, ведаеце, гэта ўсё ж такі непрыемнае відовішча, калі раніцай, выходзячы на працу, бачыш, як вакол кантэйнера валяюцца мяшкі або як яны вырастаюць побач выродлівай горкай.
Я скончыў і раптам заўважыў, што жанчыны ўжо няма. Яна пайшла. Я паціснуў плячыма, сабраўся ісці, але мой позірк спыніўся на чалавеку, якога яна так неахайна кінула. «О, чорт, Том, ну хопіць, што табе за справа! У цябе сёння быў цяжкі дзень, трэба расслабіцца, забыцца пра яе». Праз хвіліну мае пальцы ўжо старанна запіхвалі чалавека ў кантэйнер, я нават узмакрэў – «Які ён цяжкі! Можа, таму яна яго і выкінула, што шмат жор». Я спрабаваў скласці яго акуратна, нага да нагі, каб вызваліць месца для іншых, але кінуў гэтую задуму: ну добра хоць рука з галавой ужо не тырчаць. І раптам убачыў прыяцеля, ён рухаўся да кантэйнера з даволі вялікім мяшком і ўжо здалёк махаў мне рукой. Я паспешліва махнуў у адказ і тут жа рэціраваўся. Цяпер яшчэ пачне распытваць мяне, што здарылася і чаму так хутка. Не распавядаць жа, што я застукаў яе ў бары за пацалункамі з іншым. Не трагедыя, знаёмыя былі ўсяго месяц, але ўсё ж непрыемна. Добра, што мяшок

заранее, как раз под её размер. Я подсчитал в уме, сколько заплатил за прошлый год, — нехило. Так и никакой зарплаты не напасёшься, может, ну его к чёрту — побыть одному пока, а то с каждым годом цена за пользование контейнером увеличивается раза в два. Таким образом правительство борется за идеалы постоянства. Я хмыкнул.

В памяти всплыло лицо той женщины, вероятно, у неё была веская причина для такого отчаянного гнева, как же стремительно она хотела избавиться от человека, что даже выбежала из дома в чём попало. Так бывает, когда внезапно открывается что-то невыносимое, что-то, чего не хочешь замечать, чего избегаешь, но вот оно вдруг обрушивается во всей своей голой сути, и всё, чего хочется в этот момент, — уничтожить малейший след, напоминающий о твоей ошибке, не оставить ни секунды на объяснения, сбежать, пока желание простить не закралось в душу. Не то что я — весь вечер наглаживал брюки, а в коридоре ещё вчера было приготовлено на выброс моё маленькое (и в буквальном смысле, и в переносном) разочарование. Но всё равно, что бы там у неё ни случилось, это не оправдывает того, что она даже не удосужилась упаковать человека как следует. В конце концов, иметь нужно уважение к другим людям. Если уж к этому человеку его не осталось.

А интересно, он уже знает, что его выбросили? Вряд ли, такое обнаруживается не сразу. Узнать, что ты стал чьим-то разочарованием, таким способом — ведь она его даже не предупредила, я уверен, — довольно неприятно. Не берусь осуждать, но люди многослойны. Становясь ближе и снимая слой за слоем, чего вы, собственно, ждёте? Близость требует пересмотра ожиданий: чем ближе к кому-то подходишь, тем большим количеством ожиданий нужно жертвовать. И, подойдя к кому-то с одной стороны, не стоит забывать, что есть ещё и другая. Та, что может очень не понравиться.

Надеюсь, она меня аккуратно упаковала.

у мяне быў прыхаваны загадзя, якраз пад яе памер. Я падлічыў у думках, колькі выдаткаваў за мінулы год, – нямала. Так ніякай зарплаты не напасешся, можа, ну яго – пабыць аднаму пакуль, а то з кожным годам цана за карыстанне кантэйнерам павялічваецца разы ў два. Такім чынам урад змагаецца за ідэалы пастаянства. Я хмыкнуў.

У памяці ўсплыў твар той жанчыны, верагодна, у яе была важная нагода для такога адчайнага гневу, як жа імкліва яна хацела пазбавіцца ад чалавека, што нават выбегла з хаты ў чым была. Гэтак здараецца, калі раптам адкрываеш нешта нясцерпнае, штосьці такое, чаго не хочаш заўважаць, чаго пазбягаеш, але вось яно – раптоўна абрынаецца на цябе ва ўсёй сваёй голай сутнасці, і ўсё, чаго хочацца ў гэты момант, – знішчыць найменшы след, які нагадвае пра тваю памылку, не пакінуць ні секунды на тлумачэнні, збегчы, пакуль жаданне прабачыць не закралася ў душу. Не тое, што я – увесь вечар напрасоўваў штаны, а ў калідоры яшчэ ад учора было прыгатавана на выкід маё маленькае (і ў літаральным сэнсе, і ў пераносным) расчараванне. Але ўсё роўна, што б там у яе ні здарылася, гэта не апраўдвае таго, што яна нават не знайшла час запакаваць чалавека як след. Урэшце рэшт, трэба мець павагу да іншых людзей. Калі ўжо да гэтага чалавека яе не засталося.

А цікава, ён ужо ведае, што яго выкінулі? Наўрад ці, такое выяўляецца не адразу. Даведацца, што ты стаў нечым расчараваннем, такім чынам – бо яна яго нават не папярэдзіла, я ўпэўнены, – даволі непрыемна. Не бяруся асуджаць, але людзі шмат слойныя. Набліжаючыся і здымаючы пласт за пластом, чаго вы, уласна, чакаеце? Блізкасць патрабуе перагляду чаканняў: чым бліжэй да некага падыходзіш, тым большай колькасцю чаканняў трэба ахвяраваць. І, падышоўшы да кагосьці з аднаго боку, не варта забываць, што ёсць яшчэ і іншы. Той, што можа вельмі не спадабацца.

Спадзяюся, яна мяне акуратна запакавала.

Я зашёл в бар и попросил бармена плеснуть мне виски в стакан. Всё-таки славно, что я улизнул от Мёрдока. Я, кажется, понимаю эту женщину, не надо было подходить к ней: зачем кому-то быть свидетелем твоего разочарования. В следующий раз буду ждать, пока не уйдут. Не буду мешать. В конце концов, каждому из нас необходима минутка уединения, когда мы выбрасываем кого-то из своей жизни.

Я зайшоў у бар і папрасіў бармэна лінуць віскі ў шклянку. Цудоўна ўсё-такі, што я ўцёк ад Мёрдака. Я, здаецца, разумею гэтую жанчыну, не трэба было падыходзіць да яе: навошта камусьці быць сведкам твайго расчаравання. Наступным разам буду чакаць, пакуль не сыдуць. Не буду перашкаджаць. Урэшце рэшт, кожнаму з нас неабходна хвілінка адзіноты, калі мы выкідаем кагосьці са свайго жыцця.

МОЛОДЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

МАЛАДЫЯ БЕЛАРУСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ

Екатерина Федотова	Кацярына Фядотава
Виктория Синюк	Вікторыя Сінюк
Алена Папко	Алёна Папко
Андрей Диченко	Андрэй Дзічэнка
Алексей Старухин	Аляксей Старухін
Вячеслав Котов	Вячаслаў Котаў

Екатерина Федотова

Кацярына Фядотава

Екатерина Федотова родилась и выросла в деревне Сапеги Сенненского района Витебской области. Окончив школу, поступила в музыкальное училище города Новополоцка по классу «Хоровое дирижирование. Народный вокал». После училища окончила заочно Белорусский государственный университет культуры и искусств по той же специальности. С 2012 года возглавляет Центр ремёсел и традиционной культуры города Новополоцка. Печаталась в таких изданиях Беларуси, как «ЛіМ», «Маладосць» и др.

Кацярына Фядотава нарадзілася і вырасла ў вёсцы Сапегі Сенненскага раёна Віцебскай вобласці. Скончыўшы школу, паступіла ў музычнае вучылішча горада Наваполацка па класе «Харавое дырыжыраванне. Народны вакал». Пасля вучылішча скончыла завочна Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў па той жа спецыяльнасці. З 2012 года ўзначальвае Цэнтр рамёстваў і традыцыйнай культуры горада Наваполацка. Друкавалася ў такіх выданнях Беларусі, як «ЛіМ», «Маладосць» і інш.

МАРЬИНА ОСЕНЬ

Ветер постучал в стекло яблоневым суком, и Марья в очередной раз пожалела, что не спилила его: не дай бог выбьет стекло. Оно и так чуть держалось, заклеенное пластырем аж в трёх местах, а при особенно сильном ветре звенело жалобно и тонко. Марья тяжело поднялась, припала лицом к холодному окну, молча вглядываясь в осеннюю темноту. А там — глухой и слепой ноябрьский рассвет — хоть глаз выколи... Где ты теперь найдёшь ту пилу в сараюшке... Едва переставляя ноги, Марья добралась до кровати и села, долго, постариковски, приноравливаясь, чтоб прилечь. Но опять разболелся бок — не полежишь. За ночь ветер выстудил дом, и было так холодно, что не спасало и тёплое одеяло. Марья сидела на кровати и слушала, как шумит ветер, как горько плачет стекло... Не выдержала, тяжело подошла к щитку печки, прижалась к нему старческой грудью — холодно... Поплотнее завернулась в старую поддёвку, стащила со щитка тёплый платок и завязала его крест-накрест. Протяжно загудело в дымоходе, и сук хлопнул по стеклу так сильно, что затрепетало от страха сердце, но стекло выдержало. Марья прижалась к нему, вглядываясь в мокрую слякоть. Из окна на неё смотрело маленькое, сухонькое личико с обветренными жизнью губами...

Ветер подул не на шутку. Стекло уже не просто звенело от его порывов, а стонало, предупреждая хозяйку, что скоро не выдержит. Марья взяла с кровати подушку и приложила к оконной раме. Та сразу успокоилась, и в доме стало тихо, даже белоснежные занавески перестали шевелиться. Бок как будто успокоился, уже не рвал нутро, не дёргал, просто висел тяжёлой нитью навязчивой боли. Дочь говорила, как называется эта болезнь, лекарство из Москвы привозила, но что с того...

МАР'ІНА ВОСЕНЬ

Вецер стукаў у шыбіну яблыневым суком і Мар'я ў чарговы раз пашкадавала, што не спіліла яго, каб, барані божа, не выбіў шкло. Яно і так ледзь ліпела, пераклеенае пластырам ажно ў трох месцах, а пры асабліва моцным подыху ветру жаласліва і тонка звінела. Мар'я цяжка паднялася і прынікла тварам да халоднай шыбіны, моўчкі ўглядаючыся ў восеньскую цемру. А там – глухі і сляпы лістападаўскі ранак, хоць вока выкалі. Дзе ты цяпер знойдзеш тую нажоўку ў хлеўчуку… Ледзь перастаўляючы ногі, Мар'я пасунулася да ложка, села, і доўга, па-старэчы, ладзілася прылегчы. Але зноў разбалеўся бок – ляжаць не выпадала. За ноч вецер выстудзіў хату, і было так халодна, што не ратавала і цёплая коўдра. Мар'я сядзела на ложку і слухала, як шуміць вецер, як жалобна рыпіць шкло… Не вытрымала, ціха пасунулася да шчытка, прыціснулася да яго старэчымі грудзьмі – халодна... Шчыльней захінула старую паддзёўку, сцягнула са шчытка цёплую хустку і завязала яе крыж-накрыж. Працяжна загудзела ў коміне, і сук ляснуў па шыбіне так моцна, што зайшлося ад страху сэрца, але шыбіна вытрымала. Мар'я прыпала да яе, ўзіраючыся ў мокрую слату. Са шкла на яе глядзеў маленькі, сухенькі тварык з абветранымі жыццём вуснамі…
Вецер усхадзіўся не на смех. Шкло ўжо не проста звінела ад парываў, а стагнала, папярэджваючы гаспадыню, што не вытрымае. Мар'я ўзяла з ложка падушку і прылажыла да шыбіны. Тая адразу супакоілася, і ў хаце пацішэла, нават бялюткія фіранкі перасталі калыхацца. Бок як быццам супакоіўся, ужо не рваў нутро, не тузаў, проста вісеў цяжкой ніткай неадчэпнага болю. Дачка казала, як называецца гэтая хвароба, лекі з Масквы прывозіла, але што з таго…
Дачка ў Мар'і разумная – доктарка… Адразу пасля школы паехала вучыцца ў медінстытут. І паступіла… А вывучылася і замуж адразу выйшла… у Маскву. Людзі кажуць – добра… Тодарава дачка шчаслівая, багатая… Мар'я цяжка ўздыхнула.

Дочь у Марьи умная — врач... Сразу после школы поехала учиться в мединститу-те. И поступила... А выучилась и замуж сразу вышла... в Москву. Люди говорят — хорошо... Тодорова дочь счастлива, богатая... Марья тяжело вздохнула.
Тихо отсчитывали минуты часы на окне, в углу на кухне скреблись мыши.
— Вот уж кота на вас нет, чтоб вас... Кот... Кот... Кыци-кыци-кыци...
Мягко спрыгнул на пол старый серый кот и одним махом оказался рядом со ста-рой женщиной. Она на ощупь протянула к нему руку, погладила по мягкой шер-сти. Кот сразу заурчал и примостился рядом на кровати.
— Совсем ты от рук отбился, мыши по дому пешком ходят, а ты только на печи лежишь... — почесала Марья мягкий бок и замолчала. Старческая тонкая рука лежала на тёплой кошачьей голове. Спустя несколько минут она перевернулась на спину и спросила:
— Может, приедет наша Танечка на Рождество? В том году не было... И на эти Коляды не приедет, наверное...
Кот вытянулся и мягко зевнул, показывая, что разговоры эти пустые, но Марья не успокоилась.
— А помнишь, Кот, раньше все собирались на Рождество... И Танечка. И Иринка из Минска приедет, и Петя с Васей... Девчата мне дом уберут, всё вымоют, хлопцы кабанчика заколют... Помнишь, Кот? А потом вечером кабана разберём, печёночки нажарим, сальца... Колбасы крутим... Помнишь, как Танька не могла кишки в руки брать... А ещё врач... А теперь нет никого... Никто не едет, все городские стали... Всем некогда. Иринке писала — приезжай... А она мне — не-когда — работаю, может, летом... Ну и пусть летом... Летом работы много. Петя с Васей, близнецы, не так далеко живут, в райцентре. Километров тридцать... Эти чаще бывают, да и внуки приезжают... Но чтоб все собрались... Кот, почему мышей не ловишь? Скоро по голове ходить будут... Старый ты стал... Как и я. Это же тебе уже сколько годков? Тебя ещё Иринка привела, котёнком от Игнатихи...

Ціха адлічваў хвіліны гадзіннік на вакне, у качарэжніку скрэбліся мышы.
– Вось ката на вас няма, немач… Кот… Кот…. Кыці-кыці-кыці…
Мякка гупнуўся аб падлогу стары шэры кот і адным махам апынуўся побач са старой. Яна навобмацак пацягнула да яго руку і пагладзіла па мяккай поўсці. Кот адразу завуркатаў і прымасціўся побач на ложку.
– Зусім ты ад рук адбіўся, мышы па хаце пяшком ходзяць, а ты толькі на печы ляжыш… – пачасала Мар'я мяккі бок і прыціхла. Старэчая тонкая рука яе ляжала на цёплай кашэчай галаве. Праз колькі хвілін яна перавярнулася на спіну і спытала:
– Ці прыедзе наша Танечка на Каляды? У тым годзе не была… І на гэтыя не прыедзе, пэўна…
Кот выцягнуўся і мякка пазяхнуў, паказваючы, што размовы гэтыя пустыя, але Мар'я не супакоілася.
– А памятаеш, Кот, раней усе збіраліся на Каляды… І Танечка. І Ірынка з Мінска прыедзе, і Пеця з Васем… А дзеўкі мне хату прыбяруць, усю скрозь вымыюць, мальцы кабанчыка завалюць… Памятаеш, Кот? А тады ўвечары кабана разбяром, пячоначку смажым, сальца… Каўбасы круцім… Памятаеш, як Танька гідзілася, не магла кішкі ў рукі браць… А яшчэ доктарка… А цяпер няма нікога… Ніхто не едзе, усе гарадскія сталі… Усім няма калі. Ірынцы пісала – прыедзь… А яна мне: няма калі – працую, можа летам… Ну і няхай сабе летам… Летам работы шмат. Пеця з Васем, блізняты, не так далёка жывуць, у райцэнтры. Кіламетраў за трыццаць… Гэтыя часцей бываюць, і ўнукі прыязджаюць… Але ж каб усе сабраліся… Кот, ты чаму мышэй не ловіш? Хутка па галаве пойдуць… Стары ты стаў… Як і я. Гэта ж табе ўжо колькі год? Цябе яшчэ Ірынка прывяла, кацянём ад Ігнаціхі… А Ірынка ўжо адзінаццаты год як з'ехала… О-хо-хо-хо-хо… Стары ты ўжо, коцік, як я…

А Иринка уже одиннадцатый год как уехала... О-хо-хо-хо-хо... Старый ты, котик, как и я...
Кот ещё минуту полежал рядом, потом осторожно поднялся и изогнулся, грозно сверкнули зеленоватым светом глаза. В углу снова прошелестела мышь, и полосатый спрыгнул на пол.
Холод брал своё, забирался под платок, не спасала и старая поддёвка, стыли ноги в вязаных бурках. Старуха слезла с кровати и пошаркала к печке, взялась растапливать.
Сначала огонь только ласково лизнул сухую лучину, будто приглашая, а потом вошёл в охоту и, проглотив всю, весело поскакал по сухим поленцам. В доме стало тепло, а на дворе незаметно посветлело, и Марья отправилась во двор, в хлевушок. Оттуда сначала слышалось тихое чириканье, потом беспокойное квохтанье потревоженных кур, и вот Марья вышла из сарая с ведром в руке и двумя яйцами в подоле. Кроме кота делили с Марьей судьбу свою коза Манька и две курочки.
Картошка сварилась. По дому пошёл сытный картофельный запах. Полилось из подойника в кошачью миску молоко. Потом в чашку, белую с голубыми горошинами, Танину любимую. Как приедет, бывало, то только из неё пьёт.
— Кот, иди есть будем, — позвала Марья. И он тут же спрыгнул с печи. Лениво подошёл к миске с молоком.
— Кот... Кот ты, Кот. Кот-муркот...
Марья тихо сидит на диване. В доме тепло, тихо...
— Ай-яй-яй-яй-яй... Дробны-ы дождджык, ды накрапае. Выйдзі, дзяўчына, сэ-эрца жа-а-да-е-е-э...
Марья поёт... Кот привык уже. Раньше пугался и убегал... А теперь смотрит на Марью зелёными глазами и слушает. Марья часто поёт. А бывает, и сказки рассказывает... Кот любит сказки больше, чем песни... Под сказки Марьина рука

Кот яшчэ хвіліну паляжаў побач, потым асцярожна падняўся і выгнуўся, грозна бліснула зеленаватым светам вока. У качарэжніку зноў зашапацела мыш, і паласаты скокнуў на падлогу.

Холад браў сваё, лез за плечы пад хустку, ужо не ратавала старая паддзёўка і застылі ногі ў вязаных бурках. Бабка злезла з ложка і пашоргала к шчытку, узялася растапліваць.

Спачатку агонь толькі ласкава лізнуў сухую лучыну, быццам запрашаючы, а потым увайшоў у ахвоту і заглаціў усю, весела паскакаў па сухіх паленцах. У хаце стала цёпла, а за акном неўпрыкмет пасвятлела, і Мар'я выправілася на двор, у хлевушок. Адтуль спачатку чулася ціхае цвырканне, потым неспакойны квокат патрывожаных курэй, і вось Мар'я выйшла з хлява з вядром і двума яйкамі ў падоле. Акрамя ката дзялілі з Мар'яй долю каза Манька і дзве курачкі.

Бульба зварылася. Па хаце панёсся сытны бульбяны пах. Палілося з даёнкі ў каціную міску малако. Потым у кубачак, белы з блакітнымі гарохамі, Танін любімы. Як прыедзе, бывала, дык толькі з яго п'е.

– Кот, хадзі есці, – паклікала Мар'я. І ён тут жа зваліўся з печы. Лена падышоў да міскі з малаком.

– Кот… Кот ты, Кот. Кот-маркот…

Мар'я ціха сядзіць на канапе. У хаце цёпла, ціха…

– Ай-яй-яй-яй-яй… Дробны-ы дожджык, ды накрапае. Выйдзі, дзяўчына, сэ-э-рца жа-а-да-е-е-э…

Мар'я спявае… Кот ужо прывык. Раней пужаўся і ўцякаў… А зараз глядзіць на Мар'ю зялёнымі вачамі і слухае. Мар'я часта спявае. А бывае, і казкі расказвае… Кот любіць казкі больш, чым песні… Пад казкі Мар'іна рука мякка гладзіць яго, чэша за вухам плаўна, як сам аповед. Ні на хвіліну не прыпыняецца… А пад песню рознае бывае…

мягко гладит его, чешет за ухом плавно, как сам рассказ. Ни на минуту не останавливается... А под песню разное бывает... Может даже и за шерсть дёрнуть... Сказки лучше. Сегодня Марья пела, поэтому Кот наблюдал за ней со стороны, близко не подходил.

— Ну, что смотришь? — Марья перестала петь. — Думаешь, баба с ума сошла? Нет, не сошла... Баба твоя ещё всё понимает... Вот Васька с Петькой зазывали на зиму к себе, а я ж не согласилась... У Васьки детки, квартиры нет, куда мне... А к Петьке я сама не хочу... Там невесточка такая, что не приведи господи... Глупая была б — поехала бы... Иди-ка сюда...

Кот вроде бы только этого и ждал — запрыгнул на колени к хозяйке.

— Какой это день сегодня? Суббота? Мозги-то совсем отсохли... А может, воскресенье? Ящик этот поломался... Так хоть новости смотрели... Одного только боюсь: умру и буду лежать... Одна здесь, пока не найдут. А кто меня найдёт? Сыновья раз в месяц звонят — некогда, дочки — далеко... О-хо-хох-хо... А и быстрей бы уже... Ведь восемьдесят шестой годок... Пожила ведь уже... Пожила. Всего было...

Кот не стал слушать дальше — с ней всегда так — все разговоры одинаково заканчиваются. Повернулся, махнул хвостом и исчез.

День входил в полную силу, но был неярким. Низко над землёй ходили серые тучи, готовые вот-вот прорваться снегом, тоскливо смотрели они на одинокую Марьину избушку. А она ещё ниже прижималась, старалась стать незаметной, слиться с чёрной осенней землёй, а то и сровняться с ней, как уже сровнялись остальные.

Марья поплелась в сени. Накинула на плечи старый мужнин кожух и вышла на крыльцо. Влажный ветер вырвал из рук дверь, и она гулко ударила о стену. От неожиданности Марья ойкнула. Осторожно, чтобы не поскользнуться, спустилась с крыльца и пошла к сараю. Где-то там, на полке, лежала пила. Через не-

Можа нават і дзерануць за поўсць… Казкі лепей. Сёння Мар'я пела, таму Кот назіраў за ёю збоку, блізка не падыходзіў.
– Ну, што глядзіш? – Мар'я перастала пець. – Думаеш, баба з глузду з'ехала? Не, не з'ехала… Баба твая яшчэ ўсё разумее… Вось Васька з Пецькам звалі на зіму да сябе, а я ж не згадзілася… У Ваські дзеткі, кватэры няма, куды мне… А да Пецькі я сама не хачу… Там нявестухна такая, што не прывядзі божа… Была б дурная – паехала б… Хадзі-тка сюды…
Кот быццам бы толькі гэтага і чакаў – скокнуў на калені гаспадыні.
– Які гэта дзень сёння? Ці не субота? Во, мазгі зусім адсохлі… А можа, нядзеля? Скрыня гэтая паламалася... Так хоць навіны глядзелі… Аднаго толькі баюся: памру і буду ляжаць… Адна тут, пакуль не знойдуць. А хто мяне знойдзе? Сыны раз у месяц тэлефануюць – няма калі, дачушкі – далёка… О-хо-хох-хо… А і хутчэй бы ўжо… Ужо ж восемдзесят шосты гадок… А і пажыла ж ужо… Пажыла. Усяго было…
Кот не стаў слухаць – з ёю так заўсёды – усе размовы маюць аднолькавы канец. Крутнуўся і прапаў.
Дзень браўся ў поўную моц, але быў няяркім. Нізка над зямлёю хадзілі шэрыя хмары, гатовыя вось-вось прарвацца снегам, тужліва глядзелі на адзінокую Мар'іну хацінку. А яна яшчэ ніжэй прыціскалася і старалася стаць непрыкметнай, зліцца з чорнай восеньскай зямлёй, а то і зраўняцца з ёю, як ужо зраўняліся астатнія.
Мар'я патупала ў сені. Усцягнула на плечы стары гаспадароў кажух і выйшла на ганак. Вільготны вецер вырваў з рук дзверы, і яны гулка ўдарылі аб сцяну. Ад нечаканасці Мар'я ажно войкнула. Асцярожна, каб не пакаўзнуцца, спусцілася з ганка і пасунулася да хлеўчука. Недзе там на паліцы ляжала нажоўка. Праз колькі хвілін Мар'я асцярожна нахіляла яблыневы сук, мокры і слізкі, нажоўка ніяк не хацела пілiць, усё саскоквала, коўзалася… Мар'я падступалася і так і гэтак. Ад старання споўз кажух і хустка, але сук

сколько минут Марья осторожно наклонила яблоневый сук, мокрый и скользкий, да пила всё никак не хотела резать, соскакивала, скользила... Марья и так подступалась, и этак. От усердия сполз кожух и платок, но сук не поддавался. Тогда Марья отступилась. Тяжело дыша, подошла к яблоне, положила руки на ствол.

— Смотри ты... Тёплый... Прости ты меня, старую... Я же знаю, что болит... И мне больно. Каждую ночь, моя родная, болит... А выбьешь стекло — что буду делать?

Марья опять взялась за ножовку и наконец спилила сук, бросила на мёрзлую землю — тащить в сарай уже сил не было.

— Хай себе лежит, — махнула она рукой и тихо поплелась в дом. Не дошла, тяжко колотилось в груди сердце, и опустилась на старую, хрупкую скамейку, прислонилась к тёплому боку дома.

Свет медленно уступал место осеннему полумраку. Ещё можно было рассмотреть одинокие очертания деревьев, низкие кусты шиповника и сухие стволы жёлтых георгинов, но и они начинали сливаться в ровный серый туман. Тихо-тихо было вокруг. Показалось, по тропинке кто-то идёт, Марья присмотрелась... Показалось... Откуда-то появился кот, потёрся о ноги.

— Не успела оглянуться. А жизнь, вот она — как ниточка в клубок завилась-закрутилась. Будто и не было... Эх, короткая она, жизнь эта... Такая короткая, что только вчера, кажется, бегала маленькая, босая, в одной майке... И мама смотрела из-под руки, и папа... Короткая жизнь моя... Одно хорошо: прожила её так, как хотела, правильно прожила... Никому обиды не делала, а если кого и обидела, то не со зла, так, по глупости... Детишек вырастила, каждого в мир выпустила... С мужем всю жизнь вместе прожили — от свадьбы до последнего его денёчка — вместе... Кажется, и не поссорились ни разу... Хорошую жизнь прожила — дай бог каждому. Да вот под старость одна осталась... Слышишь, Кот. Никому не нужна. Оно, конечно, старые никому не нужны... Но сейчас такой мир, что никто никому не нужен... Каждый сам по себе — бегут, как бешеные,

не паддаваўся. Тады Мар'я адступілася. Цяжка дыхаючы, падышла да яблыні, палажыла абедзве рукі на камель.
– Глядзі ты… Цёплы… Прабач ты мяне, старую… Я ж ведаю, што баліць… І мне баліць. Кожную ноч, мая родненькая, баліць… А выб'еш шкло – што я рабіць буду?
Мар'я зноў узялася за нажоўку і нарэшце спіліла сук, кінула на мёрзлую зямлю – цягнуць у паветку ўжо не было моцы.
– Хай сабе ляжыць, – махнула яна рукой і ціха пашоргала ў хату. Але прыпынілася, цяжка калацілася ў грудзях сэрца, і Мар'я апусцілася на старую, крохкую лаўку, прысланілася да цёплага боку хаты.
Святло паволі саступала месца восеньскаму прыцемку. Яшчэ можна было разгледзець адзінокія абрысы дрэў, нізкія кусты шыпшыны і сухія стаўбуры жоўтых вяргінь, але і яны пачыналі зліvацца ў роўны шэры туман. Ціха-ціха было вакол. Здалося, па сцежцы нехта ідзе, Мар'я прыжмурыла вочы, прыгледзелася… Падалося… Аднекуль з'явіўся кот, пацёрся аб старэчыя ногі.
– Не паспела аглянуцца. А жыццё – вось яно, як нітачка ў клубочак звілася, скруцілася. Быццам і не было… Эх, кароткае яно, жыццё гэтае… Такое кароткае, што толькі ўчора, здаецца, бегала малая, босая, у адной кашульцы… І мама глядзела з-пад рукі, і тата… Кароткае жыццё маё… Адно добра: пражыла яго так, як хацела, правільна пражыла… Нікому крыўды не чыніла, а калі каго пакрыўдзіла, дык не ад злосці, так, ад дурасці… Дзетак выгадавала, кожнага ў свет выправіла… З гаспадаром усё жыццё разам пражылі – ад вяселля да апошняга яго дзянёчка – разам… Здаецца, і не пасварыліся ні разу… Добрае жыццё пражыла – хай кожны такое пражыве. Толькі вось пад старасць адна засталася… Чуеш, Кот. Нікому не патрэбна. Яно вядома, старыя нікому не трэба… Але ж цяпер такі свет, што ніхто нікому не патрэбен… Кожны сам сабе – бягуць, як ашалелыя, а куды бягуць – невядома… І мае вось гоняцца за нечым,

а куда бегут — неизвестно... И мои вот гонятся за чем-то, бегут... Некогда им — а я одна... Так и не дождусь, видать, детей своих... Что-то, Кот, сломалось в этом мире, а что — не знаю... То ли я недосмотрела, то ли мир поменялся... Кто его знает... Так-то...

Ветер выдул из старческого глаза слезинку и оставил на тонкой восковой щеке. Низкие тучи расступились и выпустили осеннее солнце на свободу. Оно не собиралось долго смотреть на одинокую землю, прошлось по небу, взглянуло на Марью и растеклось розовой лентой по вершинам близкого леса. Тихо опустилась на воротник кожуха белая муха, потом ещё и ещё... Пошёл снег. Спорно и тихо, будто старался прикрыть неприглядную эту землю, людские поступки и мысли.

Марья, заметенная снегом, смотрела на розовое солнце и видела там такую короткую жизнь свою. И чудилось ей, будто идёт она, маленькая, в белой длинной рубахе, по росистой высокой траве навстречу большому красному солнцу и входит в тёплую его красноту, и сама наполняется ею до краёв, до донышка. До последнего волоска... Красным ласковым светом, основой всего живого. Наполняется и поднимается высоко-высоко и летит над всем белым светом и видит дальние страны, и людей, и высокие горы. А поднявшись так высоко, что и птицы не долетают, — рассыпается по земле тёплыми прозрачными каплями дождя и прорастает зелёной травой, прекрасными цветами и вновь соединяется с солнцем, чтобы не расставаться с ним никогда.

бягуць… Няма калі ім – а матка адна… Так і не дачакаюся я, мабыць, дзетак сваіх… Штосьці, Кот, паламалася ў гэтым свеце, а што, калі – не ведаю… Ці то я не дагледзела, ці то свет такі цяпер… Хто яго ведае… Такі свет…

Вецер выгнаў са старэчых вачэй слязіну і павесіў на тонкую васковую шчаку.

Нізкія хмары расступіліся і выпусцілі восеньскае сонца на волю. Яно не збіралася доўга глядзець на самотную зямлю, прайшлося па небе, глянула на Мар'ю і расцяклося ружовай стужкай па вершалінах недалёкага лесу. Ціха апусцілася на каўнер кажуха белая мухіна, потым яшчэ і яшчэ… Пайшоў снег. Спора і хутка, быццам стараўся прыкрыць непрыглядную гэту зямлю, людскія ўчынкі і думкі.

Мар'я, зацярушаная снегам, глядзела на ружовае сонца і бачыла там такое кароткае жыццё сваё. І мроілася ёй, быццам ідзе яна малая ў белай доўгай кашулі па роснай высокай траве насустрач вялікаму чырвонаму сонцу і ўваходзіць у цёплую яго чырвань, і сама напаўняецца ёю да берагоў, да донца. Да апошняга валаска… Чырвоным ласкавым святлом, асновай усяго жывога. Напаўняецца, і ўзнімаецца высока-высока, і ляціць над усім белым светам, і бачыць далёкія краіны, і людзей, і высокія горы. А падняўшыся так высока, што і птушкі не ўзнімаюцца, – рассыпаецца па зямлі цёплымі празрыстымі кроплямі дажджу і прарастае зялёнай травой, дзіўнымі кветкамі і зноў злучаецца з сонцам, каб не раставацца з ім ніколі.

Виктория Синюк

Вікторыя Сінюк

Виктория Синюк родилась в Минске в 1988 году. С отличием окончила филологический факультет Белорусского государственного университета по специальности «Русская филология». В 2012 году окончила магистратуру БГУ по специальности «Литературоведение», защитила магистерскую диссертацию (присвоена степень магистра филологических наук). Работала учителем русского языка и литературы в СШ № 57 и гимназии № 9 города Минска. В настоящее время обучается в аспирантуре, работает преподавателем русского языка в образовательном центре при Белорусском государственном университете. Имеет публикации в научных и литературно-художественных изданиях. Как прозаик печаталась в журналах «Новая Немига литературная» (Минск), «Брега Тавриды» (Симферополь).

Вікторыя Сінюк нарадзілася ў Мінску ў 1988 годзе. З адзнакай скончыла філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта па спецыяльнасці «Руская філалогія». У 2012 годзе скончыла магістратуру БДУ па спецыяльнасці «Літаратуразнаўства», абараніла магістарскую дысертацыю (прысвоена ступень магістра філалагічных навук). Працавала настаўнікам рускай мовы і літаратуры ў СШ № 57 і гімназіі № 9 горада Мінска. Цяпер навучаецца ў аспірантуры, працуе выкладчыкам рускай мовы ў адукацыйным цэнтры пры Беларускім дзяржаўным універсітэце. Мае публікацыі ў навуковых і літаратурна-мастацкіх выданнях. Як празаік друкавалася ў часопісах «Новая Няміга літаратурная» (Мінск), «Берагі Таўрыды» (Сімферопаль).

РАЗЫСКИВАЕТСЯ ФИЛОСОФ

Почти всё свободное время Виктор Велемыслов проводил в библиотеке. Согласно индивидуальному плану работы аспиранта, он должен был подготовить первый раздел диссертации к апрелю. Кроме того, ему нужно написать статью к ежегодной мартовской конференции, чтобы разжиться первой аспирантской публикацией. Сроки поджимали, а у Виктора по-прежнему не получалось засесть за кропотливый научный труд. «Чем же занимался этот бездельник в библиотеке? — спросите вы. — Гонял чаи с маковыми булками в буфете или попусту бродил по мраморным лабиринтам огромного здания, разглядывая нелепые гобелены и барельефы, развешанные на его стенах?» Да-да, и чаи он гонял, и гобелены рассматривал («Это же сколько времени нужно угрохать на эту нелепицу!» — думал, глядя на них, Велемыслов). Но не чаи и гобелены занимали его. Попадая в благоуханный, призывно шуршащий миллионами страниц мир книг, он пропадал, возносился в ноосферу и с большим неудовольствием покидал её, когда третий звонок приглашал последних читателей оставить уютные залы. Постклассическая нарратология, на которую обрёк его профессор Роботенков, мало занимала Виктора, хотя, надо отдать ему должное, он неплохо в ней разбирался. И всё же она проигрывала философии, психологии и классической литературе, которым Велемыслов отдавался со всепоглощающей страстью. Настала блаженная пора, когда все экзамены, все списки для обязательного чтения остались позади и можно было лакомиться знаниями, как того пожелает ненасытный разум. Коллег-аспирантов, иногда появлявшихся в библиотеке, Велемыслов старался обходить стороной. Впрочем, так было не всегда. «Шёл я к людям с открытой и детской душой…» — писал Александр Блок. Так и Виктор шёл к своим товарищам по факультету: щедро делился идеями, почерпнутыми из книг, увлечённо рассказывал интересные и поучительные случаи из жизни их авторов, поверял

У ПОШУКАХ ФІЛОСАФА

Амаль увесь вольны час Віктар Велямыслаў праводзіў у бібліятэцы. Згодна з індывідуальным планам работы аспіранта, ён мусіў падрыхтаваць першы раздзел дысертацыі да красавіка. Акрамя таго, яму трэба было напісаць артыкул да штогадовай сакавіцкай канферэнцыі, каб разжыцца першай аспіранцкай публікацыяй. Тэрміны падціскалі, а ў Віктара па-ранейшаму не атрымлівалася засесці за карпатлівую навуковую працу. «Чым жа займаўся гэты лайдак у бібліятэцы? – спытаеце вы. – Чаі сёрбаў з булкамі ў буфеце ці блукаў па мармуровых лабірынтах вялізнага будынка, разглядаючы недарэчныя габелены і барэльефы на яго сценах?» Так-так, і чаі ганяў, і габелены разглядаў («Гэта ж колькі часу трэба было ахвяраваць на гэтую недарэчнасць!» – думаў, гледзячы на іх, Велямыслаў). Але не чай ды габелены займалі яго. Трапляючы ў свет кніг, што прызыўна шапацеў мільёнамі старонак, ён знікаў, узносіўся ў наасферу і з вялікай неахвотай развітваўся з ёй, калі трэці званок запрашаў апошніх чытачоў пакінуць утульныя залы. Посткласічная нараталогія, на якую вырак яго прафесар Рабаценкаў, мала займала Віктара, хаця, трэба аддаць яму належнае, ён някепска ў ёй разбіраўся. І ўсё ж яна прайгравала філасофіі, псіхалогіі і класічнай літаратуры, якім Велямыслаў аддаваўся з усёпаглынальнай страсцю. Прыйшла блаславёная часіна, калі ўсе экзамены, усе спісы для абавязковага чытання засталіся ззаду і можна было ласавацца ведамі, як таго захоча ненаедны розум.

Калег-аспірантаў, якія часам з'яўляліся ў бібліятэцы, Велямыслаў імкнуўся абыходзіць бокам. Зрэшты, так было не заўсёды. «Да людзей я ішоў з адкрытай дзіцячай душой...» – пісаў Аляксандр Блок. Так і Віктар ішоў да сваіх таварышаў па факультэце: шчодра дзяліўся ідэямі, запазычанымі з кніг, захоплена распавядаў цікавыя і павучальныя выпадкі з жыццяў іх аўтараў, давяраў патаемныя задумы – да таго часу, пакуль

свои сокровенные замыслы — до тех пор, пока однажды в буфете две милые аспиранточки с кафедры языкознания не вернули его из мира горнего в мир дольний:
— Ох и нелегко, Велемыслов, будет с тобой твоей будущей жене! — подначивали они Виктора после его великолепного монолога о психоаналитических изысканиях Карен Хорни.
— Не понял. Это почему?
— Она тебе: «Витька, купи норковую шубку! Холодно ведь!». А ты ей что? «Дорогая, у тебя компульсивно-обсессивное расстройство»?
— Между прочим, это не так уж далеко от истины. Ведь все эти шубки покупаются женщинами вовсе не для теплоты, а для того, чтобы соответствовать предписаниям гламура и не чувствовать себя чужими на празднике жизни. Уверяться в собственной состоятельности, приобретая модные и трендовые штучки, — согласитесь, в этом определённо есть что-то нездоровое, даже невротическое…
Здесь филологини не выдержали. Они расхохотались так, что суровая, каменноликая буфетчица попросила всю троицу немедленно покинуть помещение.
Больше Виктор просветительством не занимался и родственных душ не искал. Если коллеги, с которыми он время от времени сталкивался в библиотечных коридорах, спрашивали Велемыслова, чем он занимается, Виктор, пряча за спиной жизнеописание Пушкина, или Чехова, или Сократа, отвечал:
— Пишу первый раздел диссертации и доклад на мартовскую конференцию.
Идеи, культурное значение диссертации и доклада никого не интересовали, зато всех беспокоил объём проделанной работы и сроки сдачи её научному руководителю. Когда Виктор говорил, что написал не слишком много и сдаст раздел ещё не скоро, они облегченно вздыхали:
— Ой, и не говори! Эта диссертация — вынос мозга какой-то! Меня научрук поедом ест, а толку мало! Нет, уж лучше б жениться!

аднойчы ў буфеце дзве мілыя аспірантачкі з кафедры мовазнаўства не вярнулі яго са свету вышыняў у свет зямны:
– Ох і нялёгка, Велямыслаў, будзе з табой тваёй будучай жонцы! – падначвалі яны Віктара пасля яго пышнага маналогу аб псіхааналітычных пошуках Карэн Хорні.
– Не зразумеў. Гэта чаму?
– Яна табе: «Віцька, купі норкавае футрачка! Холадна!». А ты ёй што? «Дарагая, у цябе кампульсіўна-абсэсіўнае расстройства»?
– Між іншым, гэта не так ужо і далёка ад ісціны. Усе гэтыя футры набываюцца жанчынамі зусім не для цеплыні, а для таго, каб адпавядаць гламурным правілам і не пачувацца чужымі на свяце жыцця. Упэўнівацца ў тым, што ты адбыўся, набываючы модныя і трэндавыя штучкі, – пагадзіцеся, у гэтым сапраўды ёсць штосьці нездаровае, нават неўратычнае...
Тут філалагіні не вытрымалі. Яны зарагаталі так, што суровая, маналітная буфетчыца папрасіла ўсю троіцу неадкладна пакінуць памяшканне.
Больш Віктар асветніцтвам не займаўся і роднасных душ не шукаў. Калі калегі, з якімі ён час ад часу сутыкаўся ў бібліятэчных калідорах, пыталіся Велямыслава, чым ён займаецца, Віктар, хаваючы за спінай жыццяпіс Пушкіна, або Чэхава, або Сакрата, адказваў:
– Пішу першы раздзел дысертацыі і даклад на сакавіцкую канферэнцыю.
Ідэі, культурнае значэнне дысертацыі і дакладу нікога не цікавілі, затое ўсіх турбаваў аб'ём праведзенай работы і тэрміны здачы яе навуковаму кіраўніку. Калі ж Віктар казаў, што напісаў не надта шмат і зможа здаць раздзел яшчэ не хутка, уздыхалі з палёгкай:
– Ой, не кажы! Гэтая дысертацыя – вынас мозгу нейкі! Мяне кіраўнік ежма есць, а карысці мала! Не, ужо лепш бы жаніцца!
Аднойчы сонечнай лютаўскай раніцай Велямыслаў адправіўся ў залу перыядычных выданняў. Ён з трапятаннем выграб з адмысловай скрыначкі ўсе нумары аднаго

Однажды солнечным февральским утром Велемыслов отправился в зал периодических изданий. Он с трепетом выгреб из специального ящичка все номера одного философского журнала за минувший год и, предвкушая увлекательный экскурс в ноосферу, устроился поудобнее в кресле. Виктор не спеша перелистывал чистые, никем не тронутые страницы — к его разочарованию, интересного было не много. Начинал читать статьи с интригующими заголовками — не увлекало: казённый, мёртвый академический язык никак не соответствовал представлению Виктора о языке живой философии. Даже Гегель изъяснялся не столь мозголомно! С каждым номером разочарование всё более настигало его… Он мрачно перелистывал страницы последнего журнала, и тут глаз зацепился за странное слово — «технобиоэволюция» (оно фигурировало в названии одной из статей). Велемыслов стал читать.

Авторы статьи вдохновенно вещали о грандиозном антропологическом сдвиге, который уже стартовал; о совершенствовании природы человека с помощью новейших технологий; о невиданных прелестях прогресса вроде каких-то лекарственных суперпилюль, которые — представьте себе! — будут телефонировать человеку в случае, если он забудет их принять, и так далее, и так далее. Больше всего Велемыслова впечатлил проект одного чудо-устройства: специальный чип, вживлённый в организм «техночеловека», будет полностью сканировать состояние здоровья его владельца и в трудную минуту на основании своих показаний сам вызовет «скорую помощь» вышедшему из строя «киборгу». Провозвестники технобиоэволюции призывали не бояться этих грядущих новшеств и принять их как должное. Ведь станок Гуттенберга или радио тоже когда-то казались чем-то вопиющим и неслыханным! Такое развитие человечества вполне закономерно, а против объективной исторической необходимости ничего не попишешь. Что поделаешь, коль природа человека столь несовершенна! Слаб человек, слаб. Чип, разработанный лучшими умами современности, спешит на помощь!

філасофскага часопіса за мінулы год і, прадчуваючы захапляльны экскурс у наасферу, ямчэй уладкаваўся ў крэсле. Віктар не спяшаючыся гартаў чыстыя, нікім не кранутыя старонкі – да яго расчаравання, цікавага было не шмат. Пачынаў чытаць артыкулы з інтрыгуючымі загалоўкамі – не ўражвала: казённая, мёртвая акадэмічная мова ніяк не адпавядала ўяўленням Віктара пра мову жывой філасофіі. Нават Гегель прамаўляў не так мазгаломна! З кожным нумарам расчараванне ўсё больш апаноўвала яго... Ён змрочна гартаў старонкі апошняга часопіса, і тут вока зачапілася за дзіўнае слова – «тэхнабіяэвалюцыя» (яно фігуравала ў назве аднаго з артыкулаў). Велямыслаў пачаў чытаць.
Аўтары артыкула натхнёна вяшчалі пра грандыёзны антрапалагічны зрух, які ўжо стартаваў; пра ўдасканаленне прыроды чалавека з дапамогай найноўшых тэхналогій; пра неверагодныя выгоды прагрэсу накшталт нейкіх «суперлекаў», якія – уявіце сабе! – будуць тэлефанаваць чалавеку ў выпадку, калі ён забудзе іх прыняць, і гэтак далей, і гэтак далей. Больш за ўсё Велямыслава ўразіў праект адной цуда-прылады: адмысловы чып, імплантаваны ў арганізм «тэхначалавека», будзе цалкам сканіраваць стан здароўя яго ўладальніка і ў цяжкую хвіліну на падставе сваіх паказанняў сам выкліча «хуткую дапамогу» да сапсаванага «кібарга». Вешчуны тэхнабіяэвалюцыі заклікалі не баяцца будучых навінак і прыняць іх як належнае. Бо станок Гутэнберга ці радыё таксама калісьці здаваліся нечым абуральным і нечуваным! Такое развіццё чалавецтва цалкам заканамерна, а супраць аб'ектыўнай гістарычнай неабходнасці не папрэш. Што зробіш, калі прырода чалавека недасканалая! Слабы чалавек, слабы. Чып, распрацаваны найлепшымі розумамі сучаснасці, спяшаецца на дапамогу!
Велямыслаў вярнуў часопісы на месца і сеў за стол каля акна. У галаве яго, нібы ў калейдаскопе, мяняліся карцінкі будучыні. Вось ён, лядашчы стары, можа быць,

Велемыслов вернул журналы на место и сел за стол возле окна. В голове его калейдоскопически менялись картины будущего. Вот он, дряхлый старик, может быть, именитый профессор, сидит в своём кабинете и вздыхает о прошлом: о весёлом деревенском детстве, о набегах на соседские сады и сладком соке краденой черешни, о первом поцелуе с дерзкой Ленкой, которая уже на следующий день целовалась с Серёжкой за огородами… Ах, эта Ленка! До чего хорошо, до чего коротко было её синее в белый горошек платьице! До чего милы круглые коленки в маленьких ссадинках! И тут его старческое сердце ёкнет, застучит быстрее, в глазах сверкнут слёзы ностальгии и умиления… И в этот самый момент бдительная пилюля, о которой он совсем позабыл, начнёт трезвонить по телефону. Чип, вживлённый в ткани организма, добросовестно зафиксирует: «Аритмия», — и немедленно вызовет «скорую». Через несколько мгновений в квартиру профессора Велемыслова ворвутся врачи-киборги и начнут оказывать экстренную помощь. Их супердатчики, обладающие способностью к полному сканированию психологического и физического состояния человека, определят причину сердечного сбоя: воспоминания о прошлом. Профессор незамедлительно получит инъекцию, раз и навсегда освобождающую его от волнительных мыслей, тревожной памяти и ненужных фантазий…

— Пресвятой Хаксли! Бред какой-то! — Виктор вскочил. Ноги понесли его в буфет: нужно было обдумать прочитанное за чашкой горячего кофе…

* * *

Однажды в библиотеке Велемыслов наткнулся на антропологический трактат одного неизвестного философа современности. Этот труд столь поразил молодого человека, что он ничтоже сумняшеся наделил автора статусом гения,

знакаміты прафесар, сядзіць у сваім кабінеце і ўздыхае пра мінулае: пра вясёлае вясковае дзяцінства, пра набегі на суседскія сады і салодкі сок крадзенай чарэшні, пра першы пацалунак з дзёрзкай Ленкай, якая ўжо на наступны дзень цалавалася з Сяргеем за агародамі... Ах, гэтая Ленка! Якой мілай, якой кароткай была яе сіняя ў белы гарошак сукеначка! Якія мілыя круглыя каленкі ў дробных драпінках! І тут яго старэчае сэрца здрыганецца, загрукоча хутчэй, у вачах заззяюць слёзы настальгіі і замілавання... І ў гэты самы момант пільная пілюля, пра якую ён зусім забыўся, пачне балабоніць па тэлефоне. Чып, імплантаваны ў арганізм, добрасумленна зафіксуе: «Арытмія», – і неадкладна выкліча «хуткую». Праз некалькі імгненняў у кватэру прафесара Велямыслава ўварвуцца лекары-кіборгі і пачнуць аказваць дапамогу. Іх супердатчыкі, якія валодаюць здольнасцю да поўнага сканавання псіхалагічнага і фізічнага стану чалавека, вызначаць прычыну сардэчнага збою: успаміны пра мінулае. Прафесар неадкладна атрымае ін’екцыю, што раз і назаўжды вызваліць яго ад хвалюючых думак, трывожнай памяці і непатрэбных фантазій...

– Найсвяцейшы Хакслі! Вар’яцтва нейкае! – Віктар ускочыў. Ногі панеслі яго ў буфет: трэба было абдумаць прачытанае пад кубак гарачай кавы...

* * *

Аднойчы ў бібліятэцы Велямыслаў натрапіў на антрапалагічны трактат аднаго невядомага філосафа сучаснасці. Гэта праца настолькі ўразіла маладога чалавека, што ён без хвілі сумнення надзяліў аўтара статусам генія, непрызнанне якога было цалкам вытлумачальным: яго ідэі, як прынята казаць, апярэджвалі час, ішлі насуперак з самім духам эпохі, з яе ідэалагічнай арганікай. «Не-не, –

непризнанность которого была вполне объяснима: его идеи, как принято говорить, опережали время, шли вразрез с самим духом эпохи, с её идеологической органикой. «Нет-нет, — возразил Виктор расхожему мнению, — это не идеи опережают время — они как раз весьма современны, это человечество катастрофически отстаёт от них!» Больше всего Виктора вдохновили взгляды мыслителя на будущее и на перспективы развития человеческой природы. В отличие от журнальных философов, обеспокоенных чудо-чипами и киберпилюлями, автор труда говорил о том, каким должен стать человек, чтобы подлинная история человечества, освещённая солнцем разума, наконец началась. Ум, сознание, духовность — вот качества, которые превращают человека в Человека, в Личность, каковых, увы, пока ничтожно мало. Большинство организует свою жизнедеятельность согласно императивам коллективного бессознательного, главные из которых — обогащение и власть. Именно поэтому социальное бытие человечества омрачено нескончаемыми войнами, революциями, проблемами экологии. И частная жизнь человека, в которой главенствует всё тот же принцип власти, чаще всего не имеет никакого отношения к счастью, подменяемому довольством и удовлетворением властных амбиций. Смысл жизни умного человека, личности — не в довольстве и не в господстве над ближним, а в полнокровном, разумном счастье, основанном на любви и познании, на жизнетворчестве и гармонии. Не тюнингованный киборг должен прийти на смену современному человеку, а человек воистину разумный, духовно здоровый, для которого главной заповедью станет заповедь Сократа: «Cognosce te ipsum»[1]. Вот это была бы эволюция! Новая, невиданная эра! Социум, состоящий из людей, культивирующих духовные потребности и гуманистические ценности, — это социум без войн и угро-

[1] Познай сам себя (лат.).

запярэчыў Віктар вядомаму меркаванню, – гэта не ідэі апярэджваюць час – яны якраз вельмі сучасныя, гэта чалавецтва катастрафічна адстае ад іх!» Больш за ўсё Віктара натхнілі погляды мысляра на будучыню і на перспектывы развіцця чалавечай прыроды. У адрозненне ад часопісных філосафаў, занепакоеных цудачыпамі і кіберпілюлямі, гэты аўтар даводзіў тое, якім мусіць стаць чалавек, каб сапраўдная гісторыя чалавецтва, асветленая сонцам розуму, нарэшце пачалася. Розум, свядомасць, духоўнасць – вось якасці, якія ператвараюць чалавека ў Чалавека, у Асобу, якіх, на жаль, пакуль неверагодна мала. Большасць арганізуе сваю жыццядзейнасць згодна з імператывамі калектыўнага несвядомага, галоўныя з якіх – узбагачэнне і ўлада. Менавіта таму сацыяльнае быццё чалавецтва азмрочана няспыннымі войнамі, рэвалюцыямі, праблемамі экалогіі. І прыватнае жыццё чалавека, у якім пануе ўсё той жа прынцып улады, часцей за ўсё не мае ніякага дачынення да шчасця, якое падмяняецца задаволенасцю і задавальненнем уладных амбіцый. Сэнс жыцця чалавека разумнага, асобы – не ў дастатку і не ў панаванні над бліжнім, а ў паўнакроўным, разумным шчасці, заснаваным на любові і пазнанні, на жыццятворчасці і гармоніі. Не цюнінгаваны кібарг павінен прыйсці на змену сучаснаму чалавеку, а чалавек насамрэч разумны, духоўна здаровы, для якога галоўнай запаведдзю стане запавет Сакрата: «Cognosce te ipsum»[1]. Вось гэта была б эвалюцыя! Новая, нябачаная эра! Соцыум, які складаецца з людзей, якія культывуюць духоўныя патрэбы і гуманістычныя каштоўнасці, соцыум без войнаў і пагрозы тэхнагеннага апакаліпсісу, перад якой нават звышмагутны інтэлект апынецца нямоглым. Не інтэлект, які пракладае новыя шляхі ў прыстасаванні да

---

[1] Спазнай самога сябе (лат.).

зы техногенного апокалипсиса, перед которым даже сверхмощный интеллект окажется бессильным. Не интеллект, пролагающий новые пути приспособления к действительности, а разум, постигающий истину и на основе истины гармонизирующий универсум, — вот в чём жизненно нуждается Homo sapiens, получивший свой видовой эпитет авансом! Пора, наконец, начать его отрабатывать! Пора умнеть, человече, иначе необузданный разумом и нравственностью интеллект сотрёт тебя в космическую пыль, с которой, как с горсткой золы, будут играть ветра Вселенной.
Эти идеи всколыхнули Велемыслова и в то же время подарили ему ту мировоззренческую почву, которую он долго искал, но нигде не находил. В невостребованном, никем не прочитанном томике, завалявшемся в библиотечных хранилищах, он нашёл ответы на вопросы, задавать которые в двадцать первом столетии было не принято. Спроси-ка — в чём смысл жизни, начни рассуждать об истине — непременно заподозрят в сочувствии проклятым тоталитарным режимам! Развлекайся, милый Homo ludens[1], прекрасный «техночеловек», и не ищи ума. Поклонись малютке чипу — он подскажет, как жить, как мыслить и страдать…
После роковой встречи с этой книгой у Велемыслова и начались проблемы с диссертацией: постклассическая нарратология утратила для него своё схоластическое обаяние и стала казаться чем-то таким, что назойливо отвлекает его от главного…
Виктор пробовал найти какую-нибудь информацию об авторе трактата, мечтал связаться с ним, если тот ещё жив, однако всеведущий Интернет не знал о нём ровным счётом ничего.

---

[1] Человек играющий (лат.).

рэчаіснасці, а розум, які спасцігае праўду і на аснове ісціны гарманізуе ўніверсум, – вось у чым мае жыццёвую патрэбу Homo sapiens, які атрымаў свой відавы эпітэт авансам! Пара нарэшце пачаць яго адпрацоўваць! Пара разумнець, чалавеча, іначай неўтаймаваны розумам і маральнасцю інтэлект сатрэ цябе ў касмічны пыл, з якім, як са жменькай попелу, будуць гуляць вятры Сусвету.
Гэтыя ідэі ўскалыхнулі Велямыслава і ў той жа час падарылі яму тую светапоглядную глебу, якую ён доўга шукаў, але нідзе не знаходзіў. У незапатрабаваным, нікім не прачытаным томіку, які да часу пакрываўся пылам у бібліятэчных сховішчах, ён знайшоў адказы на пытанні, задаваць якія ў дваццаць першым стагоддзі было не прынята. Спытай, у чым сэнс жыцця, пачні разважаць пра ісціну – абавязкова западозраць у спагадзе да праклятых таталітарных рэжымаў! Забаўляйся, мілы Homo ludens[1], цудоўны наш «тэхначалавек», і не шукай розуму. Пакланіся малютцы чыпу – ён падкажа, як жыць, як думаць і пакутаваць...
Пасля фатальнай сустрэчы з гэтай кнігай у Велямыслава пачаліся праблемы з дысертацыяй: посткласічная нараталогія страціла ўсё сваё схаластычнае абаянне і стала здавацца тым, што назойліва адцягвае яго ўвагу ад галоўнага...
Віктар спрабаваў знайсці якую-небудзь інфармацыю пра аўтара трактата, марыў звязацца з ім, калі той яшчэ жывы, аднак усяведны Інтэрнэт не ведаў пра яго зусім нічога.

[1] Чалавек, які гуляе (лат.).

* * *

Через несколько часов Велемыслов сидел на кухне у своего друга, Пашки Железнова, студента машиностроительного факультета, и излагал ему свои сумбурные соображения о «техночеловечестве». Пашка терпеливо слушал, вовремя подливал чай, но не совсем вникал, из-за чего Витя, обычно спокойный и уравновешенный, так кипятится. Конечно, он и раньше с жаром что-то доказывал Пашке, но в этот раз градус явно побил все рекорды.

— Нет, Пашка, ты понял, да? — негодовал Велемыслов. — Технобиоэволюция! И они с восторгом об этом пишут! Эти кабинетные умники снимают свои цилиндры перед техногенным варварством! Сократа на них нет!

Наконец Павел не выдержал и от чистого сердца решил заступиться за идеологических противников Велемыслова:

— Вить, если подумать, а что плохого? Прогресс не остановишь, да и зачем? Всё течёт, всё изменяется, как сказал философ. А чипы — это же новые ощущения, новые возможности! Поставь себя на место пенсионера, которому, случись что, некому вызвать «скорую помощь». А чип взял и вызвал! Гуманно, между прочим…

— Допустим. Ещё гуманней пересоздать человека так, чтобы у него в принципе никогда и ничего не болело, не находишь? Иными словами, подменить жизнь «умным» железом — со всеми вытекающими последствиями. Как ты не понимаешь, что «гуманные» чипы — это всего лишь частный случай стратегии тотальной дегуманизации! Масштабней мыслить нужно, дружище!

Пашка не горел желанием вникать в подобные диалектические каверзы (такого рода рассуждения казались ему типичной гуманитарной болтовнёй) — он был очарован тем, что услышал ранее:

* * *

Праз некалькі гадзін Велямыслаў сядзеў на кухні ў свайго сябра, Пашкі Жалязнова, студэнта машынабудаўнічага факультэта, і выкладаў яму свае бязладныя меркаванні пра «тэхначалавецтва». Пашка цярпліва слухаў, своечасова падліваў чай, але не надта ўнікаў, з-за чаго Віця, звычайна спакойны і ўраўнаважаны, пачаў заводзіцца. Вядома, ён і раней з запалам штосьці даводзіў Пашку, але на гэты раз градус запалу відавочна пабіў усе рэкорды.

– Не, Пашка, ты зразумеў, так? – абураўся Велямыслаў. – Тэхнабіяэвалюцыя! І яны з захапленнем пра гэта пішуць! Гэтыя кабінетныя разумнікі здымаюць свае капелюшы перад тэхнагенным варварствам! Сакрата на іх няма!

Нарэшце Павел не вытрымаў і ад чыстага сэрца вырашыў заступіцца за ідэалагічных праціўнікаў Велямыслава:

– Віць, калі падумаць, а што тут кепскага? Прагрэс не спыніш, ды і навошта? Усё цячэ, усё змяняецца, як сказаў філосаф. А чыпы – гэта ж новыя адчуванні, новыя магчымасці! Пастаў сябе на месца пенсіянера, якому, як што якое, няма каму выклікаць «хуткую дапамогу». А чып узяў ды выклікаў! Гуманна, між іншым...

– Дапусцім. Яшчэ больш гуманна перастварыць чалавека так, каб у яго ў прынцыпе ніколі і нічога не балела, не згодны? Іншымі словамі, памяняць жыццё на «разумнае» жалеза – з усімі вынікаючымі наступствамі. Як ты не разумееш, што «гуманныя» чыпы – гэта ўсяго толькі прыватны выпадак стратэгіі татальнай дэгуманізацыі! Маштабна думаць трэба, дружа!

Пашка не гарэў жаданнем унікаць у падобныя дыялектычныя каверзы (такога кшталту развагі здаваліся яму тыповай гуманітарнай балбатнёй) – ён быў зачараваны тым, што пачуў раней:

— Нет, послушай, ведь действительно когда-нибудь у каждого человека в мозгу будет встроенный компьютер! Это же какая экономия пространства, времени, а! Какая свобода действий! Нет, Витёк, ты как хочешь, а я тоже снимаю свою бейсболку перед таким будущим. В каком, говоришь, журнале эта статья? Не думаю, что её авторы так наивны, как ты себе это представляешь!
Витя обхватил голову руками и стал нервно дрейфовать по небольшой Пашкиной кухне.
— Пашка, ты совсем одурел? Эволюция должна пойти по другому пути, голова ты дубовая! Человек разумный, а не киборгоподобный интеллектуал, — вот альтернативный вектор эволюции! Думаешь, компьютер в голове сделает тебя свободным? Как говорили древние, истина сделает тебя свободным! А не чип в башке! Ты, Железнов, просто ещё не понял, что технический прогресс амбивалентен: даруемая им «свобода действий» для большинства людей оборачивается новым «крепостным правом», а в нашу эпоху оно, между прочим, самое коварное за всю историю — информационно-виртуальное! Вот тебе и «свобода действий»! Заранее запрограммированная и просчитанная! Наслаждайтесь, рабам Рима такое и не снилось!
— Да ты чего, братан? — Пашке уже не хотелось продолжать этот странный разговор с взвинченным Витей, и он предпринял попытку его успокоить: — Не кипятись ты так! Тебя, может, вообще не будет, когда эти «технолюди» с чипами явятся!
Виктор рассвирепел не на шутку. Принцип «после нас хоть потоп» был отвратителен его душе, устремлённой в разумное будущее человечества.
— Нет, Паштет, они уже явились! Ох, прошу прощения — вы, вы уже явились! Здравствуйте, добро пожаловать на Землю! Приятного вам апокалипсиса! — Витька схватил рюкзак и выбежал из Пашкиной кухни.
— Придурок! — бросил вдогонку обиженный Пашка.

– Не, паслухай, калі-небудзь жа ў кожнага чалавека ў мозг будзе ўбудаваны кампутар! Гэта ж якая эканомія прасторы, часу, а! Якая свабода дзеянняў! Не, Віцька, ты як хочаш, а я таксама здымаю сваю бейсболку перад такой будучыняй. У якім, кажаш, часопісе гэты артыкул? Не думаю, што яго аўтары такія наіўныя, як ты сабе гэта ўяўляеш!

Віця абхапіў галаву рукамі і стаў нервова дрэйфаваць па невялікай Пашкавай кухні.

– Пашка, ты зусім здурэў? Эвалюцыя павінна пайсці па іншым шляху, галава ты дубовая! Чалавек разумны, а не кібаргападобны інтэлектуал, – вось альтэрнатыўны вектар эвалюцыі! Думаеш, кампутар у галаве зробіць цябе свабодным? Як казалі старажытныя, ісціна зробіць цябе свабодным! А не чып у мазгаўні! Ты, Жалязноў, проста яшчэ не зразумеў, што тэхнічны прагрэс амбівалентны: падараваная ім «свабода дзеянняў» для большасці людзей абернецца новым «прыгонным правам», а ў нашу эпоху яно, між іншым, самае падступнае за ўсю гісторыю – інфармацыйна-віртуальнае! Вось табе і «свабода дзеянняў»! Загадзя запраграмаваная і пралічаная! Атрымлівайце асалоду, рабам Рыма такое і не снілася!

– Ды чаго ты, братка? – Пашку ўжо не хацелася працягваць гэты дзіўны дыялог з Віцем і ён паспрабаваў яго супакоіць: – Не кіпяціся ты так! Цябе, можа, наогул не будзе, калі гэтыя «тэхналюдзі» з чыпамі з'явяцца!

Віктар раз'ятрыўся не на жарт. Прынцып «пасля нас хоць патоп» быў агідны яго душы, што імкнецца да разумнай будучыні чалавецтва.

– Не, Паштэт, яны ўжо з'явіліся! Ох, прашу прабачэння – вы, вы ўжо з'явіліся! Добры дзень, сардэчна запрашаем на Зямлю! Прыемнага вам апакаліпсісу! – Віцька схапіў заплечнік і выбег з Пашкавай кухні.

– Прыдурак! – кінуў наўздагон пакрыўджаны Пашка.

Супакоіцца і змірыцца з гэтым быццам бы натуральным раскладам падзей Велямыслаў не мог. Бяздзейнічаць таксама. Пра ўласную ролю ў гісторыі ён не думаў (хіба калісьці,

Не кипятиться и смириться с этим будто бы естественным ходом вещей Велемыслов не мог. Бездействовать тоже. О собственной роли в истории он не помышлял (разве когда-то, давным-давно, в наивном отрочестве, но кто не тешился подобными фантазиями?), однако сидеть сложа руки, препоручив судьбу — свою и общечеловеческую — амбициозным закройщикам будущего, не входило в его планы. Если действовать, то как? Наука — вот единственный инструмент, находящийся в его распоряжении! От постылой постклассической нарратологии он откажется (профессор, конечно, будет страшно разочарован в аспиранте, подававшем большие надежды), но что дальше? Кому нужна наука, обеспокоенная этими, так сказать, сомнительными проблемами и не верифицируемыми гипотезами? Надо заниматься текстами, дискурсами, семиотикой — никто не поспорит с тем, что это научно. А личность, например, или духовность, или разум — это чертовски ненаучно, с этим вам, товарищ, в монастырь или в Древнюю Грецию! Субъективистский каприз, понимаешь ли! То ли дело «техночеловек» с его «технодискурсами»! Нет, всё-таки нужно, нужно отыскать того философа (что-то подсказывало Виктору, что он жив), сделаться его учеником и писать, писать! Иначе к концу жизни превратишься в одного из этих, кабинетных…

Побродив по городу, Велемыслов решил отправить в редакцию философского журнала письмо. В нём он, ссылаясь на своего учителя, изложит концепцию альтернативного вектора эволюции и выскажет собственную точку зрения на различия между кабинетной, академической философией и живой мыслью о бытии, которая не трепещет перед истиной и не торопится за идеологическими поветриями эпохи…

Было около пяти часов вечера. Если вернуться в общежитие, соседи по комнате, любители шумных пирушек, не дадут ему осуществить то, что он задумал, поэтому Виктор решил вернуться в библиотеку — только там в этом чужом городе он чувствовал себя как дома и мог работать.

даўным-даўно, у наіўным маленстве, але хто не цешыўся падобнымі фантазіямі?), аднак сядзець склаўшы рукі, перадаручыць лёс – свой і агульначалавечы – амбіцыйным закройшчыкам будучыні не ўваходзіла ў яго планы. Калі дзейнічаць, то як? Навука – вось адзіны інструмент, які знаходзіцца ў яго распараджэнні! Ад абрыдлай посткласічнай нараталогіі ён адмовіцца (прафесар, вядома, будзе страшна расчараваны ў аспіранце – падаваў вялікія надзеі), але што далей? Каму патрэбна навука, якую турбуюць гэтыя, так бы мовіць, сумніўныя праблемы і гіпотэзы? Трэба займацца тэкстамі, дыскурсамі, семіётыкай – ніхто не паспрачаецца з тым, што гэта навукова. А асоба, прыкладам, або духоўнасць, або розум – гэта ж ненавукова, з гэтым вам, таварыш, у манастыр або ў Старажытную Грэцыю! Суб’ектывісцкі капрыз, бач-ты! Іншая справа «тэхначалавек» з яго «тэхнадыскурсамі»! Не, усё-ткі трэба, трэба адшукаць таго філосафа (нешта падказвала Віктару, што ён жывы), зрабіцца яго вучнем і пісаць, пісаць! Інакш да канца жыццяператворышся ў аднаго з гэтых, кабінетных...

Пабадзяўшыся па горадзе, Велямыслаў вырашыў адправіць у рэдакцыю філасофскага часопіса ліст. У ім ён, спасылаючыся на свайго настаўніка, выкладзе канцэпцыю альтэрнатыўнага вектара эвалюцыі і выкажа ўласны пункт гледжання на адрозненні паміж кабінетнай, акадэмічнай філасофіяй і жывой думкай пра быццё, якая не трымціць перад ісцінай і не спяшаецца за ідэалагічнымі павевамі эпохі...

Было каля пятай гадзіны вечара. Калі вярнуцца ў інтэрнат, суседзі па пакоі, аматары шумных гулянак, не дадуць яму ажыццявіць тое, што ён задумаў, таму Віктар вырашыў вярнуцца ў бібліятэку – толькі там у гэтым чужым горадзе ён адчуваў сябе як дома і мог працаваць.

Да дзявятай гадзіны ліст быў гатовы. Па праўдзе кажучы, ён куды больш быў падобны на філасофскае эсэ, чым на твор эпісталярнага жанру. Да рэдактараў Віктар звяртаўся ветліва, але ў выкладзе сваёй пазіцыі быў катэгарычны і просты. Ён стараўся не пакінуць

К девяти часам письмо было готово. По правде говоря, оно куда более походило на философское эссе, нежели на произведение эпистолярного жанра. К редакторам Виктор обращался вежливо, но в изложении своей позиции был категоричен и прям. Он старался не оставить ни одной логической бреши, чтобы титулованные софисты поняли, что перед ними — подкованный оппонент, а не какой-нибудь взбалмошный мальчишка.

В конце письма Виктор указал свои координаты и, немного подумав, — свой возраст (было ему двадцать три года). Затем его осенило: а что, если кто-нибудь из редакторов журнала слышал о том философе? «Была не была!» Виктор оформил свой вопрос в виде постскриптума. В зале периодики он уточнил электронный адрес редакции и, несколько раз вдумчиво перечитав свой труд, отправил его в путешествие по просторам мировой сети…

Всю следующую неделю Велемыслов ежечасно проверял почту — ответа не было… Напряжение ожидания постепенно ослабевало, и рассудок переключался на другие дела. На диссертацию, например. Профессор настоятельно требовал первый раздел, хотя и согласился дать Виктору ещё неделю отсрочки. Вылетать из аспирантуры Велемыслов пока не собирался, потому и возобновил научную работу…

А в один из последних дней февраля, когда долгожданная весна и мартовская конференция были совсем близко, Виктор наконец получил заветное письмо из Москвы. Содержание его было следующим: «Здравствуйте, уважаемый Виктор! Невзирая на то, что взгляды, изложенные в Вашем письме, в корне не соответствуют концепции нашего журнала (философская фантастика не наш профиль), мы благодарны Вам за отклик на опубликованный материал. Вы интересовались, не известен ли нам философ А. В. Головин, автор трактата ”Природа человека“. Что ж, рады сообщить Вам следующее: этот автор нам известен, так как в прошлом году он присылал в редакцию журнала

ні адной лагічнай дзіркі, каб тытулаваныя сафісты зразумелі, што перад імі – падкаваны апанент, а не які-небудзь шалапутны хлапчук.

У канцы ліста Віктар пакінуў свае каардынаты і, трохі паразважаўшы, пазначыў свой узрост (было яму дваццаць тры гады). Раптам яго азарыла: а што, калі хто-небудзь з рэдактараў часопіса чуў пра таго філосафа? «Была не была!» Віктар аформіў сваё пытанне ў выглядзе постскрыптума. У зале перыёдыкі ён удакладніў электронны адрас рэдакцыі і, некалькі разоў удумліва перачытаўшы, адправіў свой ліст у падарожжа па прасторах сусветнай сеткі...

Увесь наступны тыдзень Велямыслаў штогадзіны правяраў пошту – адказу не было... Напруга чакання паступова слабела, і розум пераключаўся на іншыя справы. На дысертацыю, напрыклад. Прафесар настойліва патрабаваў першы раздзел, хоць і пагадзіўся даць Віктару яшчэ тыдзень адтэрміноўкі. Вылятаць з аспірантуры Велямыслаў пакуль не збіраўся, таму і аднавіў навуковую працу...

А ў адзін з апошніх дзён лютага, калі доўгачаканая вясна і сакавіцкая канферэнцыя былі зусім блізка, Віктар нарэшце атрымаў запаветны ліст з Масквы. Змест яго быў наступны: «Добры дзень, паважаны Віктар! Нягледзячы на тое, што погляды, выкладзеныя ў Вашым лісце, карэнным чынам не адпавядаюць канцэпцыі нашага часопіса (філасофская фантастыка не наш профіль), мы ўдзячныя Вам за водгук на апублікаваны матэрыял. Вы цікавіліся, ці не вядомы нам філосаф А. В. Галавін, аўтар трактата "Прырода чалавека". Што ж, рады паведаміць Вам наступнае: гэты аўтар нам вядомы, бо летась ён дасылаў у рэдакцыю часопіса вышэйназваную працу, якая пасля атрымала разгромную рэцэнзію. Паводле інфармацыі, актуальнай на 2013 год, А. В. Галавін пражывае ў г. Ціхвін Ленінградскай вобласці і з'яўляецца выкладчыкам адной з сярэдне-спецыяльных навучальных устаноў горада. Больш дакладных звестак мы не маем. Усяго добрага, Віктар. З павагай, рэдакцыя часопіса "Філасофія і сучаснасць"».

вышеназванный труд, удостоившийся впоследствии разгромной рецензии. По информации, актуальной на 2013 год, А. В. Головин проживает в г. Тихвине Ленинградской области и является преподавателем одного из средне-специальных учебных заведений города. Более точными данными мы не располагаем. Всего доброго, Виктор. С уважением, редакция журнала "Философия и современность"».

Прочитав письмо, Виктор просиял от счастья. Нашёлся! Его наставник, его далёкий друг — нашёлся! И не где-нибудь, а в родном городе композитора Римского-Корсакова, участника пресловутой «Могучей кучки»! В этот же вечер Велемыслов разузнал в Интернете координаты тихвинских ссузов — к счастью, их оказалось всего два. Уже к обеду следующего дня он владел информацией о том, что А. В. Головин является преподавателем кафедры гуманитарных дисциплин промышленно-гуманитарного колледжа. К утру письмо для философа, которое Виктор (за неимением личного адреса) решил отправить прямо на кафедру, было готово. Никогда в жизни он не испытывал столь напряжённых творческих мук и столь чистой радости от проделанной работы!

* * *

В конце марта, как раз в день конференции (по иронии благосклонной судьбы), Виктор Велемыслов, сияя и искрясь, словно весенний ручеёк, в котором искупались солнечные лучи, садился в поезд «Минск—Санкт-Петербург». Александр Валентинович Головин должен был встретить его на автовокзале в Тихвине ровно через сутки.

Прачытаўшы ліст, Віктар заззяў ад шчасця. Знайшоўся! Яго настаўнік, яго далёкі сябар – знайшоўся! І не дзе-небудзь, а ў родным горадзе кампазітара Рымскага-Корсакава, удзельніка слыннай «Магутнай кучкі»! Тым жа вечарам Велямыслаў знайшоў у Інтэрнэце каардынаты ціхвінскіх сярэдне-спецыяльных навучальных устаноў – на шчасце, іх аказалася ўсяго дзве. Ужо да абеду наступнага дня ён валодаў інфармацыяй пра тое, што А. В. Галавін з'яўляецца выкладчыкам кафедры гуманітарных дысцыплін прамыслова-гуманітарнага каледжа. Да раніцы ліст да філосафа, які Віктар (за адсутнасцю асабістага адраса) вырашыў адправіць на кафедру, быў гатовы. Ніколі ў жыцці ён не адчуваў такіх напружаных творчых пакут і такой чыстай радасці ад зробленай працы!

* * *

У канцы сакавіка, якраз у дзень канферэнцыі (па іроніі зычлівага лёсу), Віктар Велямыслаў, зыркі і іскрысты, нібы вясновы ручаёк, у якім выкупаліся сонечныя промні, сядаў у цягнік «Мінск–Санкт-Пецярбург». Аляксандр Валянцінавіч Галавін павінен быў сустрэць яго на аўтавакзале ў Ціхвіне роўна праз суткі.

Алёна Попко

Алёна Папко

Алёна Попко родилась в небольшой деревушке на Березовщине. В 2012 году окончила факультет иностранных языков Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина. Теперь делится своими знаниями с учениками. Любит путешествовать. Во время посещения Беловежской пущи решила посвятить этому зелёному уголку белорусской земли и его жителям рассказ. Взяла всего понемногу: сказочного, жизненного, исторического — и так получилось произведение на конкурс.

Алёна Папко нарадзілася ў невялічкай вёсачцы на Бярозаўшчыне. У 2012 годзе скончыла факультэт замежных моў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна. Зараз дзеліцца сваімі ведамі з вучнямі. Любіць падарожнічаць. Падчас наведвання Белавежскай пушчы вырашыла прысвяціць гэтаму зялёнаму куточку Беларускай зямлі і яго жыхарам аповед. Узяла крыху казачнага, крыху жыццёвага, крыху гістарычнага – і атрымаўся такім чынам твор на конкурс.

ВОЛЧИЦА

Сколько было счастья для десятилетней Женьки, когда её дедушка-лесник принёс домой настоящего живого волчонка! Девочка прыгала от радости и хлопала в ладоши.

— Волчонок! — руки сами потянулись к дедушке, чтобы тот дал и ей подержать этот тёпленький серенький комочек, что испуганными глазами поглядывал на Женьку. Такой маленький, худенький. Потерялся, наверное.

— Держи, — Игнат передал внучке волчонка, которого та ласково прижала к груди и начала гладить по головке. Волчоныш был серый, за исключением передних лапок и шерсти на животе белого цвета.

— Ласка, — окрестила его девочка.

— Возвращаюсь домой, смотрю, а у нашего забора что-то шевелится. Присмотрелся — и вот, — начал рассказывать Игнат жене, которую почему-то находка мужа не очень обрадовала.

Волчонок скупо принялся глотать пищу, иногда оглядываясь недоверчиво по сторонам, словно боясь, что кто-то заберёт вкусности, которыми угощала его Женька.

— Дедулечка, можно я с ним поиграю? Ну, совсем чуточку! — взмолилась внучка, состроив такую умоляющую мордашку, что Игнат не выдержал, только кивнул в ответ:

— Но потом мы вернём его обратно в лес, потому что он будет скучать по своей маме.

Этих слов девочка уже не слышала — радостно подхватила волчонка и понеслась с ним в свою комнату.

— Не надо было его приносить. Потом слёз не оберёшься, — покачала головой жена, Дарина Алексеевна, женщина лет шестидесяти, сообразительная и острая на язык.

ВАЎЧЫЦА

Колькі было шчасця і радасці ў дзесяцігадовай Жэнькі, калі яе дзядуля-ляснік прынёс дадому сапраўднае жывое ваўчаня! Дзяўчынка скакала ад радасці і нават пляскала ў далоні.
– Ваўчанятка! – рукі самі пацягнуліся да дзядулі, каб той даў і ёй таксама патрымаць гэты цёпленькі шэранькі камячок, што спуджанымі вачыма паглядаў на Жэньку. Такі лёгенькі, худзенькі. Відаць, згубіўся.
– Трымай, – Ігнат перадаў унучцы ваўчаня, якое тая лагодна прыціснула да грудзей і пачала гладзіць па галоўцы. Ваўчанятка было шэрае, за выключэннем пярэдніх лапак і поўсці на жываце белага колеру.
– Ласка, – ахрысціла яго дзяўчынка.
– Вяртаюся дадому, гляджу, а побач з нашай агароджай нешта варушыцца. Прыгледзеўся – і вось, – пачаў распавядаць Ігнат жонцы, якую чамусьці знаходка мужа не вельмі ўзрадавала.
Ваўчанятка скупа прынялося глытаць ежу, калі-нікалі азіралася недаверліва, быццам баялася, што нехта забярэ ад яго ласункі, якімі частавала яго Жэнька.
– Дзядулечка, можна я з ім пагуляю? Ну зусім крышачку! – узмалілася ўнучка, зрабіўшы такія сумненькія вочкі, што Ігнат не вытрымаў, толькі кіўнуў у адказ:
– Але потым мы вернем яго назад у лес, бо ён будзе сумаваць па сваёй матулі.
Гэтых слоў дзяўчынка ўжо не чула – весела падхапіла ваўчаня і панеслася з ім у свой пакой.
– Не трэба было яго прыносіць. Потым слёз будзе, што не абярэшся, – скардзілася жонка, Дарына Аляксееўна, жанчына гадоў шасцідзесяці, кемлівая і вострая на язычок.
Ігнат зняў з пляча ружжо, адрасаваўшы жонцы лагодную ўсмешку, і сеў за стол, дзе яго ўжо зачакаўся абед.

Игнат снял с плеча ружьё, добродушно улыбнулся жене и сел за стол, где его уже заждался обед.
— Дориночка, пусть порадуется малая, — Игнат взял ложку и стал хлебать борщ. — Вкуснятина... — похвалил он жену. И та тотчас подобрела.
— Хитрый ты однако! Столько лет, а не меняешься. Вон, седой уже, — задумчиво проговорила женщина, не сводя с Игната глаз.
Действительно, повезло ей с ним. Всегда найдёт, чем её удивить, чем порадовать. Вырастили они сына, который и сам уж женился. Вот, привёз к ним на каникулы внучку. Чего сидеть в четырёх стенах в городе! А тут и воздух свежий. Вдохнёшь полной грудью — и такое чувство, будто вновь на свет родился. Так легко сразу! Несколько метров — и ты в Беловежской пуще, где Игнат работает лесником. Всю свою жизнь он защищает этот вековой лес и его живность от браконьеров. А какая богатая история у пущи! Эти могучие дубы-великаны, которым и лет-то не сосчитать, а вдвоём не обхватить, помнят князя Витовта, подарившего когда-то своей дочери, которая любила природу, пущанские угодья. Была она не только самой красивой девушкой на всю округу, а ещё и слыла большой оригиналкой: носила одежду только белого цвета. Люди прозвали её Белой Княжной. Влюбился в неё сын польского князя Ягайлы. Такая сильная любовь была у молодых, что и водой не разлить. Они с удовольствием путешествовали по лесам пущи, любовались её животными и растениями. Но в 1383 году князь Януш Мазовецкий, воспользовавшись междоусобной борьбой Витовта и Ягайлы, захватил Каменец и пущанские угодья. Молодые люди решили тайно жениться, так как понимали, что не смогут прожить друг без друга, несмотря на то, что родители были против. Девушка ждала своего возлюбленного у стен Каменецкой башни, которую через несколько недель осады взял Ягайло. С Витовтом они примирились, после чего князь Витовт присоединил Каменец к своим землям. Тогда они и решили

– Дарыначка, няхай пацешыцца малая, – Ігнат узяў лыжку і пачаў хлёбаць боршч. – Смаката… – пахваліў ён жонку. І сапраўды, тая падабрэла.
– Хіцёр ты аднак! Столькі гадоў, а не мяняешся. Вунь, які сівы ўжо, – задумліва прамовіла жанчына, не адводзячы ад Ігната вачэй.
Сапраўды, пашанцавала ёй з ім. Заўсёды знойдзе Ігнат, чым яе здзівіць, чым парадаваць. Вырасцілі яны сына, які ўжо і сам ажаніўся. Вось, прывёз да іх на канікулы ўнучку. Што ж сядзець у чатырох сцянах у горадзе! А тут і паветра свежае. Удыхнеш на поўныя грудзі – і адчуванне такое, быццам ізноў на свет нарадзіўся. Так лёгка адразу! Некалькі метраў – і ты ў Белавежскай пушчы, дзе Ігнат працуе лесніком. Усё сваё жыццё ён абараняе гэты векавы лес і ягоную жыўнасць ад браканьераў. А якая ў яго багатая гісторыя! Гэтыя магутныя дубы-волаты, якім і гадочкаў-та не падлічыць, а ўдвух і не абхапіць, яшчэ і зараз памятаюць князя Вітаўта, які калісьці падарыў сваёй дачцэ, якая любіла прыроду, пушчанскія ўгоддзі. Была яна не толькі самай прыгожай дзяўчынай на ўсю акругу, а яшчэ і вельмі арыгінальнай, бо насіла адзенне толькі белага колеру. Людзі нават празвалі яе Белай Княжной. Закахаўся ў яе сын польскага князя Ягайлы. Такое моцнае каханне было ў маладых, што і вадою не разліць. Яны з задавальненнем вандравалі па лясах пушчы, любаваліся яе жывёламі і раслінамі. Але ў 1383 годзе князь Януш Мазавецкі, скарыстаўшыся міжусобнай барацьбой Вітаўта і Ягайлы, захапіў Камянец і ўгоддзі пушчы. Маладыя людзі вырашылі тайна ажаніцца, бо разумелі, што не змогуць пражыць адзін без аднаго, нягледзячы на тое, што бацькі былі супраць. Дзяўчына чакала свайго каханага каля сцен Камянецкай вежы, якую праз некалькі нядзель аблогі адваяваў Ягайла. З Вітаўтам яны прымірыліся, пасля чаго князь Вітаўт далучыў Камянец да сваіх зямель. Тады яны і вырашылі даць блаславенне на шлюб сваіх дзяцей. На белых конях, у белым адзенні маладыя, аб’ехаўшы тры разы

благословить брак своих детей. На белых конях, в белых одеждах молодые, объехав три раза Каменецкую башню, направились в город, который теперь называется Беловежем. Дорога, по которой они ехали, была выстлана белым полотном, сотканным женщинами пущанских деревень, а потом отбеленным в реке. Кстати, все башни замка, в котором жили влюблённые, были окрашены в белый цвет. Много названий осталось, связанных с Белой Княжной, а край стал называться Беловежским...

Несколько дней пробыл волчонок в доме Загорских, подрос, возмужал. Женьке не хотелось возвращать его в лес. Глаза наполнились слезами, так она привыкла к этому пушистому серому комочку. Такому беззащитному, с грустными блестящими глазками. Кроме того, это была девочка. Не ошиблась Женька, назвав её Лаской.

Маленькая волчица быстро побежала по тропинке в лес, а после исчезла среди кустов и колючих елей.

— Дедулечка, я её никогда не забуду, — пообещала девочка дрожащим от слёз голосом. Ей так понравилось заботиться о лесной гостье!

Тёплый сосновый запах щекотал ноздри. Сосны, будто тоненькие свечи, смотрели в небо, тянулись к солнцу, которым август щедро одарил в этом году пущанские леса. Бодро и звонко перекликались птицы, в горе и радости помолвленные со своей зелёной родиной. Доносились и протяжно-монотонное «тук-тук» дятла, и колдовское кукушкино «ку-ку», полное одиночества. Пуща жила своей, ни с чем не сравнимой жизнью. И неизвестно, кто тебя подстерегает там, среди мрачных и молчаливых елей, алчущих горячих следов человека, или среди выцветших от старости болот: вертлявая камышовка, бородатая неясыть, лесная куница, благородный олень или хищница рысь?

В школе Женька с удовольствием сообщила друзьям о новой подружке. А когда учительница попросила учеников написать о том, как они провели лето,

Камянецкую вежу, накіраваліся ў горад, які цяпер называецца Белавеж. Дарога, якою яны ехалі, была выслана белым палатном, што ткалі жанчыны пушчанскіх вёсак, а затым адбельвалі ў рацэ. Дарэчы, усе вежы замка, у якім жылі закаханыя, былі пафарбаваны ў белы колер. Такім чынам засталося шмат назваў, што звязаны з Белай Княжной, а край пачаў называцца Белавежскім…

Некалькі дзён прабыло ваўчаня ў хаце Загорскіх, падрасло, памужнела. Жэньцы не вельмі хацелася вяртаць яго ў лес. На яе вочы набеглі слёзы, так яна прывыкла да гэтага пушыстага шэрага камячка. Такога безабароннага, з сумнымі іскрыстымі вочкамі. Акрамя таго, гэта была дзяўчынка. Не памылілася Жэнька, калі назвала яе Ласкай.

Ваўчанятка шпарка пабегла па сцежцы ў лес, а пасля і знікла сярод хмызнякоў і калючых елак.

– Дзядулечка, я яе ніколі не забуду, – паабяцала дзяўчынка дрыжачым ад слёз голасам. Ёй так спадабалася клапаціцца пра ляснога госця!

Цёплы хваёвы пах казытаў ноздры. Сосны, быццам танюткія свечкі, пазіралі ў неба, цягнуліся да сонца, якім жнівень шчодра адарыў у гэтым годзе пушчанскія лясы. Бадзёра і звонка перакліканіся між сабою птушкі, у горы і радасці заручаныя са сваёй зялёнай радзімай. Даносіліся і працягла-аднатоннае дзятлава «тук-тук», і варажбітнае зязюльчына «ку-ку», поўнае адзіноты. Пушча жыла сваім, ні з чым не параўнальным жыццём. І невядома, хто цябе падсцерагае там, у глыбіні змрочных і маўклівых ялін, пакутліва сумуючых па гарачых слядах чалавека, ці сярод выцвілых ад старасці балот: вяртлявая чарацянка, барадатая кугакаўка, лясная куніца, высакародны алень ці драпежніца рысь?

У школе Жэнька з задавальненнем паведаміла сябрам пра свайго новага сябра. А калі настаўніца папрасіла вучняў напісаць пра тое, як яны правялі лета, Жэнька напісала пра маленькае ваўчаня, прынесенае дзядулем з лесу ў адзін з летніх сонечных дзянькоў. Калі яно вырасце, то абявязкова ператворыцца ў прыгожую ваўчыцу.

Женька написала о волчонке, принесённом дедушкой из леса в один из летних солнечных деньков. Когда он вырастет, обязательно превратится в красивую волчицу.

С тех пор прошло много лет. Женя Загорская, девятиклассница, приехала с родителями к бабушке с дедушкой на новогодние праздники. Девочка украшала ёлку разноцветными игрушками, пока её родные готовили праздничный ужин.

— А вчера трёх браконьеров поймали... — поделился новостью дед с искорками справедливой радости в глазах.

— Папа, бросать тебе надо этот лес и к нам с Нюркой в город перебираться, — сказал сын, глядя, как отец чистит ружьё.

— Слышь, Дарина, меня уже в пенсионеры зачислили, — не удержался от улыбки Игнат, обратившись к жене, которая вместе с невесткой нарезала овощи.

— А что ж тут плохого? На пятом этаже жить будем и к тому же — в столице, — проговорила иронично Дарина Алексеевна, чтобы поддержать разговор. Знала, что Игнат никогда не согласится, да и она без него не поедет.

— Нет, детки, извините, но пока я жив, отсюда не поеду. Нечего мне кости отлёживать раньше времени. Что я там буду делать? А здесь хоть какую-то пользу принесу, — отчеканил Игнат, надев рубашку.

Его сыну ничего не оставалось, как согласиться.

Нюрка ничего не ответила, промолчала. Она никак не понимала, почему её дочь и муж сюда затащили. Новый год в лесу! Детектив какой-то! Лучше бы в гости к Якушкиным сходили. Муж её подруги получил повышение. Посидели бы в кругу интеллигентных богатых людей.

— Дедушка, а ты обещал, что возьмёшь меня на работу, когда я подрасту. Вот, я уже взрослая, — подбежала Женька к дедушке и обняла его за плечи.

— Даже не думай, — запротестовала Нюра, — там волки ходят, кабаны. А это опасно.

З той пары мінула шмат гадоў. Жэня Загорская, будучая выпускніца дзявятага класа, прыехала з бацькамі да бабулі з дзядулем на Навагодняе свята. Дзяўчынка ўпрыгожвала елку рознакаляровымі цацкамі, пакуль яе родныя гатавалі святочную вячэру.

– А ўчора трох браканьераў злавілі… – падзяліўся навіной дзядуля з іскрынкамі справядлівай радасці ў вачах.

– Тата, кідаць табе трэба гэты лес і да нас з Нюркай у горад перабірацца, – выказаў сваё меркаванне яго сын, пазіраючы, як бацька чысціць ружжо.

– Чуеш, Дарына, мяне ўжо да пенсіянераў залічылі, – не ўтрымаўся ад усмешкі Ігнат, звярнуўшыся да жонкі, якая з нявесткай наразала гародніну.

– А што ж тут благога? На пятым паверсе жыць будзем і пры тым – у сталіцы, – прамовіла іранічна тая, каб падтрымаць размову. Ведала, што Ігнат ніколі не згадзіцца, ды і яна без яго адна не паедзе.

– Не, дзеткі, выбачайце, але пакуль я жывы, адсюль не з’еду. Няма чаго мне косці пралежваць раней часу. Што ж я там буду рабіць? А тут я хоць нейкую карысць прынясу, – адчаканіў Ігнат, апрануўшы кашулю.

Ягонаму сыну нічога не заставалася, як згадзіцца.

Нюрка нічога не адказала, прамаўчала. Яна ніяк не разумела, чаму яе дачка і муж сюды прыцягнулі. Новы год у лесе! Дэтэктыў нейкі атрымоўваецца. Лепей бы ў госці да Якушкіных схадзілі. Муж яе сяброўкі атрымаў павышэнне. Пасядзелі б у крузе інтэлігентных і багатых людзей.

– Дзядуля, а ты абяцаў, што возьмеш мяне на працу, калі я падрасту. Вось, я ўжо дарослая, – падбегла Жэнька да дзядулі і абняла яго за плечы.

– Нават не думай, – запратэставала Нюра. – Там усялякія ваўкі ходзяць, кабаны. А гэта небяспечна.

— Но со мной же будет дедушка, — подбодрила Женька маму.
— Ну какой может быть лес в такую погоду? Снега по колено! — не унималась Нюра.
— Собирайся, сейчас пойдем, — Игнат вскинул на плечи ружьё. — Если обещал, то пора выполнять обещания.
Женька оделась потеплей, и они направились в лес. Серое небо нависало над головой, а вокруг лежал снег, в который проваливались сапоги. Лес в зимнее время был похож на какое-то белое царство, в котором и жила Её Величество Зима. Но находятся и такие, что причисляют зиму к небожителям. Как будто она, седая старушка, по три месяца в год убирается в доме, где полно мусора. Вот и летит он безудержно на землю красивыми снежинками.
— Смотри! — Женька подтолкнула дедушку в плечо. — Белка!
Действительно, такая серенькая и ловкая! В мгновение ока перескочила с одного деревца на другое и спряталась в дупле.
— Лесные жители, — заметил Игнат и прислушался — неподалёку стреляли из ружья. Надо проверить. Игнат подкрался поближе, а за ним и Женька.
— Кто это? — спросила она, не отрывая взгляда от двух широкоплечих мужчин, что склонились над волком, который лежал на земле и сипло скулил от боли.
— Чужие это, Женька. Чужие...
Красные пятна крови горели на чистом снегу. Сердце сжалось. Она вспомнила волчонка, гостившего в их доме. А что, если это она?
Игнат сжал от злости кулаки, его лицо напряглось, излучая ненависть и отвращение.
— Сиди здесь, не высовывайся, — скомандовал он и набрал по мобильному номер лесника, с которым работал. Приказал собрать остальных и спешить на объект под номером... Каким, Женька не услышала, молча сидела в засаде, пока дедушка пробирался в другом направлении.

– Але ж са мною будзе дзядуля, – падбадзёрыла Жэнька матулю.
– Ну які можа быць лес у такое надвор'е? Снегу па калена! – не супакойвалася Нюра.
– Збірайся, зараз пойдзем, – Ігнат ускінуў на плечы ружжо. – Калі абяцаў, дык пара выконваць свае абяцанні.
Жэнька цёпла апранулася, і яны накіраваліся ў лес. Шэрае неба навісала над галавою, а вакол пластамі ляжаў снег, у які праваљваліся боты. Лес у зімовую пару быў падобны на нейкае бялюткае царства, у якім і жыла Яе Вялікасць Зіма. Але знаходзяцца і такія, што адносяць зіму да жыхароў неба. Быццам бы яна, пасівелая бабулька, на працягу трох месяцаў у год пачынае прыбірацца ў хаце, дзе мноства смецця. Вось і ляціць яно нястрымна на зямлю ў выглядзе прыгожых сняжынак.
– Глядзі! – Жэнька штурхнула дзядулю ў плячо. – Вавёрка!
Сапраўды, такая шэранькая і спрытная! У імгненне вока перабегла з аднаго дрэўца на другое і схавалася ў дупле.
– Лясныя жыхары, – зазначыў Ігнат і прыслухаўся – недалёка палілі з ружжа. Трэба праверыць. Ігнат падкраўся бліжэй, а за ім і Жэнька.
– Хто гэта? – спытала яна, не адводзячы погляду ад двух шыракаплечых мужчын, што схіліліся над целам ваўка, які ляжаў на зямлі і сіпла скуголіў ад болю.
– Чужыя гэта, Жэнька. Чужыя…
Чырвоныя плямы крыві зіхацелі на чыстым снезе. Сэрца ў дзяўчыны сціснулася. Яна ўспомніла пра маленькае ваўчаня, якое калісьці гасціла ў іх доме. А што, калі гэта тое самае?
Ігнат сціснуў ад злосці кулакі, ягоны твар напружыўся, выпраменьваючы нянавісць і агіду.
– Сядзі тут, не вылазь, – скамандаваў ён і набраў па мабільным нумар лесніка, з якім працаваў. Загадаў сабраць астатніх і спяшацца на аб'ект з нумарам… Якім,

Чужие люди подошли к убитому волку, который ещё дышал и судорожно корчился на земле. Раздался хохот — и выстрел. Волк затих.
На глаза Женьки навернулись слёзы. Нелюди! Решили пристрелить его для забавы.
И тут Женька увидела среди белоснежных деревьев серую фигуру: на браконьеров испепеляющим взглядом смотрела волчица, выжидала момент, чтобы броситься на них. Женька почувствовала, как внутри всё похолодело, даже дыхание перехватило от страха. Волчица прислушалась и, почувствовав сердцебиение живого человека совсем рядом, недоверчиво повернула голову в сторону девушки. Они были в нескольких метрах друг от друга. Женьке показались знакомыми её глаза, взгляд. Только теперь он был полон горя и отчаяния.
«Это твой ребёнок?» — спросила мысленно Женька.
Волчица, будто поймав невидимую радиоволну её мысли, чуть кивнула, подготовилась к прыжку.
— Нет, не делай этого! — тихо прошептала Женька, но та уже была рядом с браконьерами — повалила одного из них на землю. Тот застонал, сжав зубы от боли. Второй дрожащими руками поднял ружьё и выстрелил, но промахнулся от волнения. Волчица взвыла. Пуля задела лапу, оставив на снегу алые капли крови. Волчица оскалилась, готовясь к нападению. Что-то похожее на злорадную усмешку промелькнуло на лице браконьера, он уверенно нажал на курок. Но... впустую. Патроны закончились. Бедняга отчаянно заметался туда-сюда, и только серые глаза разозлённой волчицы, обжигая, жадно следили за ним.
Через несколько минут браконьеров окружили. Игнат приказал преступникам сдаться и сложить оружие. Послышались голоса остальных лесников.
— Беги! — закричала девушка, которая выбежала из своего укрытия. — Ласка, беги! Прошу тебя.
Волчица понимала, что если бросится на браконьера, то выстрелят в неё.

Жэнька не пачула, моўчкі сядзела ў засадзе, пакуль дзядуля прабіраўся ў іншым напрамку.

Чужыя людзі падышлі да забітага ваўка, які яшчэ дыхаў і сутаражна корчыўся на зямлі. Пачуўся рогат – і выстрал. Воўк замёр.

На вочы Жэньцы навярнуліся слёзы. Нелюдзі! Відаць, яны вырашылі прыстрэліць яго дзеля забавы.

І тут Жэнька ўгледзела сярод бялюткіх дрэў шэрую постаць: на браканьераў спапяляльна глядзела ваўчыца, падбірала лепшы момант, каб кінуцца на іх. Жэнька адчула, як унутры ўсё пахаладзела, нават дыханне пераняло ад страху. Ваўчыца прыслухалася і, адчуўшы сэрцабіццё жывога чалавека зусім побач, недаверліва павярнула галаву ў бок дзяўчыны. Яны знаходзіліся ў некалькіх метрах адна ад адной. Жэньцы падаліся знаёмымі яе вочы і погляд. Толькі зараз ён быў поўны гора і адчаю.

«Гэта тваё дзіця?» – запыталася тэлепатычна Жэнька.

Ваўчыца, быццам злавіўшы нябачную радыёхвалю яе думкі, ледзь кіўнула, падрыхтавалася да скоку.

– Не, не рабі гэтага! – ціха прашаптала Жэнька, але тая ўжо была каля браканьераў – паваліла аднаго з іх на зямлю. Той заенчыў, сцяўшы зубы ад болю. Другі дрыжачымі рукамі ўзняў на яе ружжо і выстраліў, але прамахнуўся ад хвалявання. Ваўчыца завыла. Куля задзела яе лапу, пакінуўшы на снезе чырвоныя кроплі крыві. Ваўчыца аскалілася, рыхтуючыся да нападзення. Нешта падобнае на зларадную ўсмешку прамільгнула на твары браканьера, ён упэўнена націснуў на цынгель. Але… упустую. Патроны скончыліся. Небарака ў роспачы мітусіўся туды-сюды, і толькі шэрыя вочы раззлаванай ваўчыцы, апёкам пранізваючы ягонае цела, прагна сачылі за ім.

Праз некалькі хвілін браканьераў акружылі. Ігнат скамандаваў злачынцам здацца і скласці зброю. Пачуліся галасы астатніх леснікоў.

Игнат приказал не стрелять. Волчица жалобно взглянула на своё убитое дитя, тяжело вздохнула и быстро исчезла среди раскидистых елей, прихрамывая на переднюю лапу.

Браконьер поднял вверх руки, бросив ружьё на землю. Возле него лежал его полумёртвый друг. На его месте мог оказаться и он. В горле пересохло.

— Женька, я же сказал тебе сидеть тихо. Почему ты выбежала? — начал было кричать на нее Игнат, но девушка посмотрела на него грустными глазами, как у той волчицы.

— Дедушка, это была Ласка. Наша Ласка, — ответила она тихо, чувствуя, как солёные слёзы текут по щекам.

Дедушка молча посмотрел в сторону раскидистых елей, за которыми исчезла волчица, оставляя на праздничном снегу алые следы.

Родителям о том, что случилось в лесу, они решили не рассказывать. Знали, что те больше не отпустят их вместе. Все имеют свои секреты — вот и у них будет. Но Игнат взял с внучки обещание, что та больше никогда не будет вести себя так необдуманно. Загорскому не очень верилось в то, что та волчица была тем самым волчонком, которого он когда-то нашёл. Мало что Женька могла придумать! У детей в таком возрасте фантазий море. Только вот Женька была уверена, что судьба подарила ей встречу с подругой детства. Медленно они шли домой, а волчица, спрятавшись за снежными деревьями, следила за ними. Она вспомнила эту девочку. Ласка... Она однажды уже слышала это слово. Волчица больше не чувствовала боли в раненой лапе, только зализывала время от времени больное место. Она снова почувствовала себя тем волчонком, в летний день покинувшим уютную норку, чтобы попутешествовать по лесу. Очень уж интересно было, куда ходит её мать-волчица, оставляя её с братьями и сёстрами одних. Долго брела Ласка по лесу, измученная голодом и жаждой, пока не оказалась у забора

– Уцякай! – пачуўся крык дзяўчыны, якая выбегла са сваёй хованкі. – Ласка, уцякай! Прашу цябе.

Ваўчыца разумела, што калі кінецца на браканьера, то выстраляць у яе.

Ігнат тым часам скамандаваў не страляць, бо побач была Жэнька. Ваўчыца жалобна зірнула на сваё забітае дзіця, цяжка ўздыхнула, пасля чаго хутка знікла сярод разгалістых елак, кульгаючы на пярэднюю лапу.

Браканьер узняў уверх рукі, кінуўшы ружжо на зямлю. Каля яго ляжаў яго паўмёртвы сябар. На яго месцы мог апынуцца і ён. У горле перасохла.

– Жэнька, я ж казаў табе сядзець ціха. Чаму ты выбегла? – пачаў было крычаць на яе Ігнат, але дзяўчына глянула на яго сумнымі, як у той ваўчыцы, вачыма.

– Дзядуля, гэта была Ласка. Наша Ласка, – адказала яна ціха, смакуючы салёныя слёзы, што цяклі па шчаках.

Дзядуля моўчкі глянуў у бок разгалістых елак, за якімі знікла ваўчыца, пакідаючы на святочным снезе пасля сябе чырвоныя сляды.

Бацькам пра тое, што здарылася ў лесе, яны вырашылі не расказваць. Ведалі, што тыя запанікуюць і больш не адпусцяць іх разам. Усе маюць свае сакрэты – вось і ў іх будзе. Але Ігнат узяў з унучкі абяцанне, што тая больш ніколі не будзе паводзіць сябе так неабдумана. Загорскаму не вельмі верылася ў тое, што гэтая ваўчыца была тым ваўчаняткам, якое ён некалі знайшоў. Мала што Жэнька магла прыдумаць! У дзяцей у такім узросце фантазій неймаверна колькі. Толькі вось Жэнька была ўпэўнена, што лёс падарыў ёй сустрэчу з сяброўкай дзяцінства. Павольна яны крочылі дадому, а ваўчыца, схаваўшыся за снежнымі дрэвамі, сачыла за імі. Яна ўспомніла гэтую дзяўчынку. Ласка… Яна аднойчы чула гэтае слова. Ваўчыца больш не адчувала болю ў параненай лапе, калі-нікалі залізваючы хворае месца. Яна адчула сябе зноў тым маленькім ваўчанём, якое

Загорских. А тут и добрые люди нашлись: покормили, обогрели, а маленькая девочка так искренне играла с ней тогда... Если бы волки умели плакать, то в этот момент взрослая волчица заплакала бы навзрыд. Она хорошо помнила доброту этих людей. Но есть и плохие, те, о которых тоже нельзя забывать. Волчица безжалостно оскалилась, вспомнив о своём убитом браконьерами ребёнке.

В доме Загорских пахло мандаринами и конфетами. Новый год стучался в окна пушистым снегом, который уже превращался в метель.

— Женька, передай, пожалуйста, оливье, — обратилась к девушке мама, только та будто и не слышала её, углубившись в собственные мысли. — Женька!

— Что? — та удивленно вскинула брови. На помощь пришёл дедушка, передав невестке салатницу.

— Женька, ты уже придумала, какое желание загадаешь, когда часы пробьют полночь? — спросил дедушка, но внучка только пожала плечами. А потом мгновенная идея, будто звёздочка, осветила её мысли: «Я пожелаю ещё раз встретиться с Лаской».

Жизнь Жени завертелась: она окончила музыкальную школу, выдержала школьные экзамены, а через два года намеревалась поступить в университет. Тщательно учила биологию и химию, надеясь стать врачом.

— И всегда быть бедной, — не поддерживала её выбора мать.

На каникулах намечалась поездка с классом в Беловежскую пущу, куда отправилась и Женька. Экскурсия была изумительной, они посетили животных в вольерах, полюбовались мохнатыми буро-рыжими зубрами, ещё несколько сотен лет тому назад хозяевами лесов Европы от Балтики до Кавказа. Вот какой он — символ Беларуси! С таким ничего не страшно! Когда-то его смелость и силу прославил в «Песне про зубра» Микола Гусовский, пусть и на заказ

ў летні дзень, не дачакаўшыся маці, пакінула ўтульную норку, каб павандраваць па лесе. Вельмі ж было цікава, куды ходзіць матуля, пакідаючы яе з братамі ды сёстрамі адных. Доўга брыла Ласка па лесе, змучаная голадам і смагай, пакуль не заблыталася ў агароджы Загорскіх. А тут такія добрыя людзі знайшліся: пакармілі, абагрэлі, а маленькая дзяўчынка так шчыра з ёй гуляла тады… Калі б ваўкі маглі плакаць, дык гэта быў бы той самы шчымлівы момант, у які дарослая ваўчыца заплакала б наўзрыд. Яна добра памятала дабрыню гэтых людзей. Але ёсць і дрэнныя людзі, пра якіх нельга забыць. Ваўчыца бязлітасна аскалілася, успомніўшы пра сваё загубленае браканьерамі дзіця.

У доме Загорскіх пахла мандарынамі і цукеркамі. Новы год стукаўся ў вокны пушынкамі снегу, што паступова ператварыліся ў завіруху.

– Жэнька, перадай, калі ласка, аліўе, – звярнулася да дзяўчыны матуля, толькі тая быццам не чула яе, паглыбіўшыся ва ўласныя думкі. – Жэнька!

– Што? – тая здзіўлена ўскінула бровы. На дапамогу прыйшоў дзядуля, перадаўшы нявестцы салатніцу.

– Жэнька, а ты ўжо прыдумала, якое жаданне загадаеш, калі гадзіннік праб’е поўнач? – спытаў дзядуля, на што ўнучка толькі пацiснула плячыма. А потым імгненная ідэя, быццам зорачка ўвышыні, асвяціла яе думкі: «Я загадаю яшчэ раз сустрэцца з Ласкай».

Так хутка завярцелася жыццё Жэні: яна скончыла музычную школу, вытрымала школьныя экзамены, а праз два гады збіралася паступіць ва ўніверсітэт. Старанна вучыла біялогію і хімію, спадзеючыся стаць урачом.

– І быць заўсёды беднай, – не падтрымлівала яе выбару маці.

На канікулах намячалася паездка з класам у Белавежскую пушчу, куды адправілася і Жэнька. Экскурсія была цудоўнай, яны наведалі жывёл у вальерах, палюбаваліся

Папы Римского Льва X Медичи, желавшего узнать как можно больше об этих необычных животных, которые жили в лесах Великого Княжества Литовского. Да и на логотипе хоккейного клуба «Динамо-Минск» и в наши дни красуется красавец зубр.

Женька между делом похвасталась друзьям, что бывает часто в этих местах, а леса знает как свои пять пальцев, ведь дедушка у неё — опытный лесник.

— Так ты и знаешь! — иронично произнесла её одноклассница Ирочка. — Хочешь пари?

— На что будем спорить? — подхватила Женя.

— Пойдешь вперёд вон той тропинкой, — Ирка показала вдаль. — Твоя задача — быстрее нас добраться до школьного автобуса. Если выиграешь, я подарю тебе свой новенький айфон, а папа мне ещё один из Москвы привезёт.

Женька кивнула. Незаметно отбилась от группы и зашагала по тропинке. Потом решила сократить путь и пойти напрямик по лесу. Несколько минут быстрой ходьбы — и в её кармане будет настоящий айфон. Действительно ли нужна ей эта «дорогая игрушка», она как-то не задумывалась. Желание иметь то, чем не каждый может похвастаться, захлестнуло девушку с головой. Ей будут завидовать, все будут с ней дружить. Но скоро оживление Женьки как рукой сняло: она поняла, что заблудилась. Вокруг только молчаливые ели и сосны. Девушка стала звать на помощь, но её никто не слышал. Сердце, казалось, сейчас вырвется из груди. А ещё больший страх её охватил, когда она увидела перед собой волка. Видимо, она потревожила его покой. Серый хозяин Беловежских лесов заинтересованно смотрел на незнакомку. Несколько дней ему не везло с едой, измучился, бедный. А тут — на тебе, живой человек. Девушка прислонилась спиной к дереву, словно прочитав его мысли. Тревога и страх застыли в её глазах, она закрыла лицо руками, чуть сдерживая слёзы. Но когда волк хотел наброситься на неё, его перехватила волчица, рванув

калматымі бура-рыжымі зубрамі, якія яшчэ некалькі соцень гадоў таму з’яўляліся гаспадарамі лясоў Еўропы ад Балтыкі да Каўказа. Вось які ён – нацыянальны сімвал Беларусі! За яго плячыма нічога не страшна! Калісьці яго адвагу і сілу ўславіў у «Песні пра зубра» Мікола Гусоўскі, на заказ Папы Рымскага Льва Х Медычы, які жадаў даведацца як мага больш пра гэтых незвычайных жывёл, што жылі ў лясах Вялікага Княства Літоўскага. Ды і на лагатыпе хакейнага клуба «Дынама-Мінск» і ў нашы дні красуецца прыгажун зубр.

Жэнька між тым пахвалілася сябрам, што бывае часта ў гэтых мясцінах, а лясы ведае як свае пяць пальцаў, бо дзядуля ў яе – вопытны ляснік.

– Так-та ты і ведаеш! – іранічна прамовіла яе аднакласніца Ірачка. – Хочаш пары?

– На што будзем спрачацца? – падхапіла Жэня.

– Ты пойдзеш наперад вунь той сцяжынкай, – і паказала ўдалячынь. – Твая задача – хутчэй нас дабрацца да школьнага аўтобуса. Калі ты выйграеш, я падару табе свой новенькі айфон, а тата мне яшчэ адзін з Масквы прывязе.

Жэнька ў адказ кіўнула. Непрыкметна адбілася ад групы і пакрочыла па сцяжынцы. Потым вырашыла скараціць шлях і пайсці наўпрост па лесе. Некалькі хвілін хуткай хады – і ў яе кармане будзе сапраўдны айфон. Ці сапраўды ёй была патрэбна гэтая «дарагая цацка», яна неяк не задумвалася. Жаданне мець тое, чым не кожны можа пахваліцца, захліснула дзяўчыну з галавою. Ёй будуць зайздросціць, усе будуць імкнуцца з ёю сябраваць. Але хутка весялосць Жэнькі як рукою зняло, калі яна ўцяміла, што заблукала. Наўкол толькі маўклівыя елкі ды сосны. Дзяўчына пачала клікаць на дапамогу, але яе ніхто не чуў. Сэрца, здавалася, вырвецца з грудзей. А яшчэ большы страх яе ахапіў, калі яна ўбачыла насупраць ваўка. Відаць, яна патрывожыла яго спакой. Шэры гаспадар Белавежскіх лясоў з цікаўнасцю пазіраў на незнаёмку. Некалькі дзён яму не шанцавала з ежаю, змучыўся, бедны.

зубами за шерсть и отбросив на землю. Женька всхлипнула. Это была её Ласка. Но обиженный волк не хотел сдаваться. Со всей звериной яростью он набросился на волчицу, укусив её за больную лапу. Та взвыла. Да так, что, казалось, разорвётся сердце от этой боли. Волчица всё-таки загрызла волка, после чего и сама, израненная, опустилась на землю. Дышала она тяжело... Чувствовала, что смерть где-то совсем близко, и сипло заскулила на прощание. Волчица устало смотрела в глаза Женьке, склонившейся над ней, словно благодаря за тот зимний вечер, за несколько месяцев жизни, которые ей подарила девочка, бросившись на помощь. У Женьки комок подкатил к горлу. Она присела возле умирающей волчицы и, как в детстве, начала гладить её по голове. Слёзы текли по щекам, а она всё гладила и гладила свою спасительницу, пока та не закрыла глаза, из которых скатилось что-то похожее на скупую слезу.

— Прости меня, — сказала Женька. — Ты была моим лучшим другом, — и подняла глаза к небу. Очень уж дорого обошелся Иркин айфон...

В кармане вибрировал мобильник, про который девушка совсем забыла.

Её искали и учительница, и экскурсовод, и дедушка, который быстро догадался по рассказам, где сейчас внучка. Когда они пришли, то увидели, как Женька, склонившись над мёртвой волчицей, что-то ей шептала, после чего посмотрела на дедушку с сожалением и растерянно проговорила:

— Её... больше нет.

Игнат подошёл к волчице, из тела которой сочилась кровь, и коснулся её передней лапы. Нащупал под шерстью неровно сросшиеся кости. Сомнений не осталось: это была та самая волчица, на которую они наткнулись в лесу под Новый год. Загорский перевёл взгляд на волка рядом.

— Ласка спасла меня, — Женька тяжело вздохнула, неспособная продолжать.

А тут – на табе, жывы чалавек. Дзяўчына прыхінулася спінай да дрэва, быццам прачытала яго думкі. Трывога і страх застылі ў яе вачах, яна закрыла далонямі вочы, стрымліваючы слёзы. Але калі воўк хацеў кінуцца на яе, яго імгненна перахапіла ў паветры ваўчыца, рвануўшы зубамі за поўсць і адкінуўшы на зямлю. Жэнька ўсхліпнула. Гэта была яе Ласка. Але пакрыўджаны воўк не хацеў здавацца. З усёй сваёй воўчай злосцю ён накінуўся на ваўчыцу, укусіўшы яе за хворую лапу. Тая завыла. Ды так шчымліва, што, здавалася, разарвецца сэрца ад гэтага болю. Ваўчыца ўсё ж такі задушыла ваўка, пасля чаго і сама, зраненая, апусцілася на зямлю. Дыхала яна цяжка… Адчувала, што смерць дзесьці зусім блізка, і сіпла заскуголіла на развітанне. Ваўчыца стомлена пазірала ў вочы Жэньцы, што схілілася над ёю, быццам дзякавала за той зімовы вечар, за некалькі месяцаў жыцця, якія ёй падарыла дзяўчынка, кінуўшыся на дапамогу. У Жэнькі камяк падкаціў да горла. Яна прысела каля знямоглай ваўчыцы, што памірала, і, як у дзяцінстве, пачала гладзіць яе па галаве. Слёзы цяклі па шчаках, а яна ўсё гладзіла і гладзіла сваю выратавальніцу, пакуль тая не заплюшчыла вочы, з якіх скацілася нешта падобнае на скупую слязу.

– Прабач мяне, – прамовіла Жэнька. – Ты была маім лепшым сябрам, – і ўзняла вочы ў неба. Вельмі ж дорага каштуе Ірчын айфон…

У кішэні між тым завібрыраваў мабільнік, на які дзяўчына зусім забылася. Яе шукалі і настаўніца, і экскурсавод, і дзядуля, які хутка здагадаўся з яе аповеду, дзе яна зараз. Калі яны прыйшлі, дык убачылі, як Жэнька, схіліўшыся над мёртвай ваўчыцай, нешта ёй шаптала, пасля чаго глянула з жалем на дзядулю і разгублена прамовіла:

– Яе… больш няма.

Ігнат падышоў да ваўчыцы, з цела якой сачылася кроў, і дакрануўся да яе пярэдняй лапы. Намацаў пад поўсцю косці, што няроўна зрасліся. Сумненняў не было: гэта тая

Дедушка только кивнул. Ему вспомнился маленький волчонок, тёплый серый комочек...

Ласку похоронили там, где она погибла. И только осиротевшие волчата, не дождавшиеся матери, тихонько выли в лунную полночь.

самая ваўчыца, на якую яны натрапілі ў лесе пад Новы год. Загорскі перавёў погляд на ваўка побач.

– Ласка выратавала мяне, – Жэнька цяжка ўздыхнула, не здольная працягваць далей.

Дзядуля толькі кіўнуў сівой галавой у знак згоды. Яму ўспомнілася маленькае ваўчаня, цёпленькі шэранькі камячок…

Ласку пахавалі там, дзе яна загінула. І толькі асірацелыя ваўчаняты, не дачакаўшыся сваёй матулі, шчымліва вылі ў месяцовую поўнач.

Андрей Диченко

Андрэй Дзічэнка

Андрей Диченко родился в 1988 году в Калининграде. С 1990-х живёт в Беларуси. В 2011 году окончил исторический факультет БГПУ им. Максима Танка. Белорусский журналист и писатель. Шеф-редактор белорусского журнала «Я». Автор книг «Минское небо», «Ты – меня», «Плиты и провалы». Участник коллективных сборников рассказов. Редактор-составитель книги рассказов русскоязычных белорусских писателей. Тексты Андрея Диченко переводились на белорусский, сербский и английский языки.

Андрэй Дзічэнка нарадзіўся ў 1988 годзе ў Калінінградзе. З 1990-х жыве ў Беларусі. У 2011 годзе скончыў гістарычны факультэт БДПУ імя Максіма Танка. Беларускі журналіст і пісьменнік. Шэф-рэдактар беларускага часопіса «Я». Аўтар кніг «Мінскае неба», «Ты – мяне», «Пліты і правалы». Удзельнік калектыўных зборнікаў апавяданняў. Рэдактар-укладальнік кнігі апавяданняў рускамоўных беларускіх пісьменнікаў. Тэксты Андрэя Дзічэнка перакладаліся на беларускую, сербскую і англійскую мовы.

«ЕВРОПА»

Дети находились в учебном классе. С виду это была самая обыкновенная аудитория, разве что без окон и с довольно скудным ламповым освещением. Из-за этого лица учеников выглядели покрасневшими, будто каждый из них сгорел на полуденном солнцепеке, а сейчас пришёл отвечать на вопросы по предметам.

Дети были необычными. Они не бегали по рядам между партами, вздымая клубы пыли. А ещё не кричали друг на друга и не исписывали парты революционными речёвками взросления.

Атмосфера в классе напоминала заброшенный в подвальных коммуникациях буддистский храм будущего, монахами в котором внезапно стали учёные люди.

Входная дверь отворилась, и в класс вошёл Учитель. Никто из детей не поднялся. Все лишь молча следили за этим высоким, атлетически сложенным мужчиной, которому очень шли осеннее пальто и диковинная шляпа с широкими полями.

— Здравствуйте, мои дорогие ученики!

Услышав в ответ сказанное хором «здравствуйте», Учитель отодвинул кресло и уселся за стол.

— Итак, мои необычные дети. Как всегда, вас здесь семеро, и сегодня у меня для вас особенное задание…

Учитель говорил предельно серьёзным голосом, будто бы в следующую минуту отправит всех своих послушников на верную смерть. Впрочем, они бы пошли и на это, потому что были особенными и совсем не знали, что такое инстинкт самосохранения и для чего нужна человеческая жизнь.

— Сегодня каждый из вашей семёрки, мои маленькие гномы, должен будет рассказать…

— Что такое Европа! — перебила Учителя белокурая девочка Алеся. Она умела читать мысли, а поэтому часто говорила обрывками непонятных ей предложений.

«ЕЎРОПА»

Дзеці сядзелі ў класе. З выгляду гэта была самая звычайная вучэбная аўдыторыя, хіба што без вокнаў і з даволі цьмяным лямпавым асвятленнем. З-за гэтага твары вучняў падаваліся чырванаватымі, быццам кожны з іх згарэў на паўдзённым сонцапёку, а зараз прыйшоў адказваць на пытанні па прадметах.

Дзеці былі незвычайныя. Яны не бегалі паміж партамі, узнімаючы пыл. А яшчэ не крычалі адно на аднаго і не скрэмзвалі парты рэвалюцыйнымі заклікамі сталення.

Атмасфера ў іх класе нагадвала закінуты ў падвальных камунікацыях будысцкі храм будучыні, манахамі ў якім раптам сталі людзі вучоныя.

Уваходныя дзверы адчыніліся, і ў клас зайшоў Настаўнік. Ніхто з дзяцей не падняўся. Усе толькі моўчкі сачылі за гэтым высокім мужчынам з атлетычнай паставай, якому вельмі пасавалі восеньскае паліто і дзіўны капялюш з шырокімі палямі.

– Добры дзень, мае дарагія вучні!

Пачуўшы ў адказ агульнае «добры дзень», Настаўнік адсунуў крэсла і сеў за стол.

– Так-так, мае незвычайныя дзеці. Як заўсёды, вас тут сямёра, і сёння ў мяне для вас асаблівае заданне...

Голас Настаўніка быў гранічна сур’ёзным, быццам бы ў наступную хвіліну ён выправіць сваіх паслушнікаў на верную смерць. Зрэшты, яны б пайшлі і на гэта, таму што былі асаблівымі і зусім не ведалі, што такое інстынкт самазахавання і для чаго патрэбна чалавечае жыццё.

– Сёння кожны з вашай сямёркі, мае маленькія гномы, павінен будзе расказаць...

– Што такое Еўропа! – перапыніла Настаўніка бялявая дзяўчынка Алеся. Яна ўмела чытаць думкі, таму часта гаварыла ўрыўкамі незразумелых ёй самой сказаў. За гэта Алесю

За это Алесю часто били, заставляли произносить всякую похабщину и брызгали в лицо перцовым баллончиком, чтобы записать из её уст потоки бессознательного. В школе Алесе нравилось, потому что тут на её ступнях и шее больше не будет синяков.

— Алеся сказала нам всё верно! — подтвердил Учитель и улыбнулся. — Ну, раз ты, Алеся, первая начала говорить, тогда скажи нам всем, что же такое Европа?

С протяжным скрипом отодвинув стул, Алеся встала и начала свой рассказ.

— Европа — это сплетение красивых лиц и мыслей, которые как бы направлены в будущее. И это всё при том, что человек на этой территории ходит и много думает. Затем он достигает облаков и пьёт их, как топлёное молоко. После этого спотыкается и начинает плакаться. Но не всем подряд, а только далёким птицам, которые кружат над ней и думают, как бы им поклевать Европу. Если собрать все мысли этой территории в одно предложение, то там совсем не будет запятых. Для всех слов не хватит строчек, а буквы смешаются в большой и невкусный коктейль, который нам всем когда-нибудь придётся распить и поблагодарить неизвестного повара.

Иногда Европа начинает раздуваться в огромный шар, наполненный огнём. Тогда нам всем надо бежать. Я один раз видела этот шар. Он целиком состоял из микроскопических глазных яблок, пронизанных чёрными сосудами жидкости, в которой нет жизни. Мне стало очень страшно, и с тех пор мысли мои были направлены сугубо в квадраты. Там, где есть квадраты, нет места Европе.

Сказав это, Алеся вышла из класса.

— Ну что ж, Сергей, настал твой черёд!

Сергей обладал мускулистым и совершенно безволосым телом. Голос его был беззлобен, а в глазах сверкали молнии тотального уничтожения. Сергей питался только человеческим мясом, а после выл на встречных людей. Тот, кто попадал

часта білі, прымушалі прамаўляць усякую непатрэбшчыну і пырскалі ў твар пярцовым балончыкам, каб пачуць з яе вуснаў плынь несвядомага. У школе Алесі падабалася, таму што тут на яе ступнях і шыі больш не будзе сінякоў.
– Алеся мае рацыю! – прамовіў Настаўнік і ўсміхнуўся. – Ну, раз ты, Алеся, першая пачала адказваць, то тады скажы нам усім, што ж такое Еўропа?
З рыпеннем адсунуўшы крэсла, Алеся ўстала і пачала свой расповед.
– Еўропа – гэта перапляценне прыгожых асоб і думак, скіраваных у будучыню. І гэта пры тым, што чалавек на гэтай тэрыторыі вандруе і шмат думае. Затым ён сягае да аблокаў і п’е іх, як сырадой. Пасля спатыкаецца і пачынае скардзіцца. Але не ўсім, а толькі далёкім птушкам, якія кружаць над ёй і думаюць, як бы ім падзяўбці Еўропу. Калі сабраць усе думкі гэтай тэрыторыі ў адзіны сказ, то ў ім зусім не будзе косак. Для ўсіх слоў не хопіць радкоў, а літары змяшаюцца ў вялікі і нясмачны напой, які нам усім аднойчы давядзецца пакаштаваць і падзякаваць невядомаму кухару.
Часам Еўропа пачынае надзімацца ў велізарны шар, напоўнены агнём. Тады нам усім трэба бегчы. Я ўжо бачыла гэты шар. Ён цалкам складаўся з мікраскапічных вочных яблыкаў, працятых чорнымі сасудамі вадкасці, ад якой няма жыцця. Мне стала вельмі страшна, і з тых часоў думкі мае былі скіраваны толькі ў квадраты. Там, дзе ёсць квадраты, няма месца Еўропе.
Алеся закончыла расповед і выйшла з класа.
– Ну што ж, Сяргей, твая чарга!
Сяргей меў мускулістае і зусім безвалосае цела. Голас яго быў поўны дабрыні, а ў вачах зіхацелі маланкі татальнага знішчэння. Сяргей харчаваўся толькі чалавечым мясам, а пасля выў на сустрэчных людзей. Той, хто патрапляў у дыяпазон працяжных гукаў голасу Сяргея, маментальна вылечваўся ад усіх хвароб і ззяў шчасцем.

в диапазон протяжных звуков голоса Сергея, моментально излечивался от всех недугов и сиял счастьем.
— Европа — она на вкус сладкая. По выходным воняет дохлыми псами, по будням летает на титановой метле вокруг планеты Земля. Европа жрёт планету Землю. Европа жрёт всё. Она белая, как плотный метастаз. Взяв в ладони Европу, ты поймёшь, что её никак не сжать. Металлические прессы ломаются, прежде чем приступишь к давлению. Фактически Европа — это и есть давление на всё вокруг. Если вдруг её убрать, то основание разлетится, как череп, в который зарядили свинцовой дробью.
Сергей втянул ноздрями сырой воздух аудитории. Инстинкты тянули его в столовую. Сергей встал на четвереньки и, как слизняк, пополз за пределы класса.
Очередь дошла до Философа. Кажется, при рождении его назвали Алексеем, но на свой двенадцатый день рождения это создание обложилось толстыми книгами и подожгло себя. Из пепла Алексея возродился Философ.
— Европа. Как каземат. Как животное, у которого урчит в животе. Никакой Европы на ощупь нет. Это только… фантазия!
Философ хотел сказать что-то ещё, но внезапно уснул. Учитель не стал его будить. Каждый раз, когда Философ спал, несколько солдат на КПП брали пластиковые шариковые ручки и писали своды высокопарных слов. После всё это прочитывали люди из специальной службы консервации разума. Подложив Философу под голову чёрный вязаный шарф, Учитель посмотрел на следующего ученика.
Девочка Ира больше всего в своей жизни любила рисовать. Раньше она брала в руки карандаш и графитом пачкала столешницы и белые половики в подъездах. Потом она была как бы в депрессии и забыла технику рисования. Сейчас же с ней был Учитель, а поэтому лицо Иры на первых порах было синим, потом красным, а иногда и вовсе прозрачным. Сквозь неё люди видели *реальную картину мира*.

– Еўропа – яна на смак салодкая. Па выхадных смярдзіць здохлымі сабакамі, па буднях лётае на тытанавай мятле вакол планеты Зямля. Еўропа жарэ планету Зямля. Еўропа жарэ ўсё. Яна белая, як шчыльны метастаз. Узяўшы ў далоні Еўропу, ты зразумееш, што яе ніяк не сціснуць. Металічныя прэсы ламаюцца, перш чым прыступіць да ціску. Фактычна Еўропа – гэта і ёсць ціск на ўсё вакол. Калі раптам яе прыбраць, то ўсё разляціцца, як чэрап, у які пацэлілі свінцовым шротам.
Сяргей уцягнуў ноздрамі сырое паветра аўдыторыі. Інстынкты цягнулі яго ў сталовую. Сяргей устаў на карачкі і, як змоўж, папоўз за межы класа.
Чарга дайшла да Філосафа. Здаецца, пры нараджэнні яго назвалі Аляксеем, але на свой дванаццаты дзень нараджэння гэта стварэнне абклалася кніжнымі тамінамі і падпаліла сябе. З попелу Аляксея адрадзіўся Філосаф.
– Еўропа. Як казамат. Як жывёла, у страўніку якой бурчыць. Ніякай Еўропы навобмацак няма. Гэта толькі... фантазія!
Філосаф хацеў дадаць нешта яшчэ, але раптам заснуў. Настаўнік не стаў яго будзіць. Кожны раз, калі Філосаф спаў, некалькі салдат на КПП бралі пластыкавыя шарыкавыя ручкі і пісалі шэрагі напышлівых слоў. Пасля ўсё гэта чыталі людзі са спецыяльнай службы кансервацыі розуму. Падклаўшы Філосафу пад галаву чорны вязаны шалік, Настаўнік паглядзеў на наступнага вучня.
Дзяўчынка Іра больш за ўсё ў жыцці любіла маляваць. Раней яна брала ў рукі аловак і пэцкала стальніцы і белыя палавікі ў пад'ездах. Потым яна нібыта была ў дэпрэсіі і забылася тэхніку малявання. Зараз жа з ёй быў Настаўнік, а таму твар Іры па першым часе быў сінім, потым чырвоным, а часам і зусім празрыстым. Скрозь яе людзі бачылі *рэальную карціну свету*.
– Чорны б'е белага. Жоўты ірве чырвонага. Сіні спіць з зялёным. Фіялетавы на ўсіх глядзіць пагардліва. Вясёлка становіцца ніткай ДНК усялякіх колераў наогул. Яе прачы-

— Чёрный бьёт белого. Жёлтый рвёт красного. Синий спит с зелёным. Фиолетовый на всех смотрит свысока. Радуга становится нитью ДНК всяких цветов вообще. Её прочитать легко. Но сделать это лучше в Европе. Потому что во всех остальных местах за такое морят голодом и умерщвляют, воспаляя лёгкие.
Ира достала листик и принялась рисовать цветы. Когда Ира много думала и обижалась, она всегда рисовала цветы.
— Теперь ты, Владик. Что ты думаешь про нашу текущую тему?
— М-м-м-м-м. В-в-в-в-в. Г-а-а-а-а-а-а-а.
Набрав в рот воды из стакана, который он всегда носил собой, Владик заурчал. Через пять минут урчания он проглотил воду и продолжил:
— Европа не стала изначальным источником всего живого. Им была вода. Но вода появилась не в Европе. Там, о чём вы говорите, Учитель, там воду только портят. Злые люди портят.
Владик плюнул на пол и растёр ладошкой свой плевок. Фрагмент доски, выкрашенный в красный цвет, заблестел.
— Вы не видите в лакированной поверхности моего отражения. Я не вижу в Европе чего-то, что способно поглощать.
Владик сомкнул губы и приложил к ним указательный палец. Учитель понимающе кивнул головой. Владик умел *настраивать.* Учитель же хотел держать дисциплину в классе, поэтому не противился молчанию своего подопечного.
Рядом с Владиком сидела Лена. Губы её были созданы для поцелуев, а голос — для звонких песен. Лена не стала дожидаться, когда Учитель вызовет её, и начала говорить сама.
— Когда я думаю о том, что вы мне говорите, я имею в виду песню. Когда я пою песню, энергии хватает, чтобы создавать сверхновые. У Европы не получится стать сверхновой, потому что такая уже есть немного западнее, и в чём-то она от этой части света зависит. Вы меня поняли?

таць лёгка. Але зрабіць гэта лепш у Еўропе. Таму што ва ўсіх астатніх месцах за такое мардуюць голадам і забіваюць, запальваючы лёгкія.
Іра дастала лісцік і пачала маляваць кветкі. Калі Іра шмат думала і крыўдавала, яна заўсёды малявала кветкі.
– Цяпер ты, Уладзік. Што ты думаеш пра нашу тэму?
– М-м-м-м-м. В-в-в-в-в-в. Г-а-а-а-а-а-а-а.
Набраўшы ў рот вады са шклянкі, якую ён заўжды насіў з сабой, Уладзік завуркатаў. Праз пяць хвілін вуркатання ён праглынуў ваду і працягнуў:
– Еўропа не стала першапачатковай крыніцай усяго жывога. Ёй была вада. Але вада з'явілася не ў Еўропе. Там, пра што вы кажаце, Настаўнік, там ваду толькі псуюць. Злыя людзі псуюць.
Уладзік сплюнуў на падлогу і расцёр далонькай плявок. Фрагмент дошкі, пафарбаваны ў чырвоны колер, заблішчаў.
– Вы не бачыце ў лакіраванай паверхні майго адлюстравання. Я не бачу ў Еўропе чагосьці, здольнага паглынаць.
Уладзік сціснуў вусны і прыклаў да іх указальны палец. Настаўнік кіўнуў. Уладзік ўмеў *настройваць*. Настаўнік імкнуўся трымаць дысцыпліну ў класе, таму не пярэчыў маўчанню свайго падапечнага.
Побач з Уладзікам сядзела Лена. Вусны яе былі створаны для пацалункаў, а голас – для звонкіх песень. Лена не стала чакаць, калі Настаўнік выкліча яе, і пачала гаварыць сама.
– Калі я думаю пра тое, што вы кажаце, я маю на ўвазе песню. Калі я спяваю песню, энергіі хапае, каб ствараць звышновыя. У Еўропы не атрымаецца стаць звышновай, таму што такая ўжо ёсць трохі на захад, і часткова яна ад гэтай часткі свету залежыць. Вы мяне зразумелі?

Учитель одобряюще кивнул головой. У него остался последний ученик, который всё это время отсиживался.
Лохматый Миша, надувший щёки. Он положил перед собой тетрадь и, изо всех сил надавив грифелем карандаша на бумагу, что-то вырисовывал, вкладывая в этот процесс не умение, а сугубо эмоции.
— Миша, мой дорогой мальчик, что такое Европа? — вежливо спросил Учитель.
Миша лишь зло фыркнул, словно в нос ему засунули порох, и продолжил царапать листы в клеточку. Учитель подошёл к нему ближе и увидел, что Миша рисует свастики, кресты с мертвецами и светила, пронизанные двумя молниями сразу.
Закончив выводить последний агрессивный коловрат, означающий тотальное затмение, он принялся схематично изображать гору из пробитых человеческих черепов.
Настроение у Учителя от увиденного совсем испортилось. Всё дело в том, что Миша видел будущее, а поэтому и без вопроса знал, что со всеми нами будет. И уж тем более с Европой.

Настаўнік ухвальна кіўнуў. У яго застаўся апошні вучань, які ўвесь гэты час сядзеў ціха. Кудлаты Міша надзьмуў шчокі. Ён паклаў перад сабой сшытак і, з усёй сілы ціснучы грыфелем алоўка на паперу, штосьці вымалёўваў, укладваючы ў гэты працэс не ўменне, а менавіта эмоцыі.

– Міша, мой дарагі хлопчык, што такое Еўропа? – ветліва спытаў Настаўнік.

Міша толькі злосна чмыхнуў, нібыта ў нос яму ўткнулі пораху, і прадоўжыў драпаць лісты ў клетачку. Настаўнік падышоў да яго бліжэй і ўбачыў, што Міша малюе свастыкі, крыжы з мерцвякамі і свяцілы, працятыя двума маланкамі адразу.

Скончыўшы выводзіць апошні агрэсіўны калаўрат, які азначаў татальнае зацьменне, ён пачаў схематычна накідваць гару з прабітых чалавечых чэрапаў.

Настрой у Настаўніка ад убачанага зусім сапсаваўся. Справа ў тым, што Міша бачыў будучыню, а таму і без пытання ведаў, што з усімі намі станецца. І тым больш з Еўропай.

Алексей Старухин

Аляксей Старухін

Алексей Старухин родился 28 мая 1988 года в городе Лепель (Витебская область). С 2010 года проживает в Санкт-Петербурге. В 2012 году заочно окончил факультет физической культуры и спорта Витебского государственного университета им. П. М. Машерова по специальности «Тренер лёгкой атлетики, учитель физической культуры, специалист в сфере спорта и туризма». В Петербурге развивает экскурсоводческий проект на основе любви к городу на Неве. Разрабатывает и проводит маршруты. Первый осознанный рассказ написал в пятом классе. Иногда, чтобы рассказ получился живым, подвергает себя испытаниям, через которые проходят герои произведений. В жизни старается слушать своё сердце и идти по знакам.

Аляксей Старухін нарадзіўся 28 мая 1988 года ў горадзе Лепелі (Віцебская вобласць). З 2010 года жыве ў Санкт-Пецярбургу. У 2012 годзе завочна скончыў факультэт фізічнай культуры і спорту Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава па спецыяльнасці «Трэнер лёгкай атлетыкі, настаўнік фізічнай культуры, спецыяліст у сферы спорту і турызму». У Пецярбургу развівае экскурсаводчы праект на аснове любові да горада на Няве. Распрацоўвае і праводзіць маршруты. Першае свядомае апавяданне напісаў у пятым класе. Часам, каб твор атрымаўся жывым, падвяргае сябе выпрабаванням, праз якія праходзяць героі твораў. У жыцці стараецца слухаць сваё сэрца і кіравацца знакамі.

ПУЛЬС НА ГРАНИ ВОСТОРГА

1

Его звали Максим. 22 года от роду. Жил он в Санкт-Петербурге. Среднестатистический парень, с неопределённой жизненной позицией, вечно что-то ищущий. Играл на пианино. Воспламенялся новыми идеями в своей музыке, но, быстро загораясь, так же быстро и потухал.

Занимался он много, в этом ему не откажешь. Всё мечтал в один из дней написать что-нибудь этакое — гениальное. Чтобы до слёз пробирало, до мурашек, восторгало. Весёлая музыка для него была так себе. Он считал, что в грусти, приобретая спокойствие, можно умыслить, почувствовать то, что не передать словами. Что понимается с полувздоха.

С самого детства Максима мучила боль в сердце. Родители очень волновались за него. Но врачи, к которым они ходили, говорили, что всё хорошо, ссылаясь на данные их технических приборов: «Сердце как сердце, здоровое».

Парень больше не давал повода для волнения и при следующих покалываниях старался скрыть порок от всех свидетелей. Чем ближе он приближался к 23-летию, тем сильнее и чаще начинал волновать его орган, отвечающий за искренность.

Его жизнь в сознании перевернулась после неожиданного звонка. Звонил один из врачей той больницы, где раньше Максим делал кардиограмму:

— Здравствуйте, могу я поговорить с Максимом? — проговорил врач.

— Это я, говорите.

— Меня зовут Сергей Алексеевич, я один из врачей 66-й больницы.

— Чем могу быть полезен?

ПУЛЬС НА МЯЖЫ ЗАХАПЛЕННЯ

1

Яго звалі Максім. 22 гады. Жыў ён у Санкт-Пецярбургу. Сярэднестатыстычны хлопец з нявызначанай жыццёвай пазіцыяй. Такі вечна чагосьці шукае. Іграў на піяніна. Запальваўся новымі ідэямі ў сваёй музыцы, але гэтак жа хутка і патухаў.

Займаўся ён шмат, у гэтым яму не адмовіш. Усё марыў аднойчы напісаць што-небудзь гэтакае – геніяльнае. Каб да слёз працінала, да дрыжыкаў, захапляла. Весёлая музыка для яго была так сабе. Ён лічыў, што ў смутку, набываючы спакой, можна прачуць, адчуць тое, што не перадаць словамі. Што разумееш з паўуздыху.

З самага дзяцінства Максіма мучыў боль у сэрцы. Бацькі вельмі хваляваліся за яго. Але ўсе ўрачы, да якіх яны хадзілі, казалі, што ўсё добра, спасылаючыся на дадзеныя медыцынскіх прыбораў: «Сэрца як сэрца, здаровае».

Хлопец імкнуўся не даваць падстаў для хвалявання і пры чарговым пакалванні рабіў выгляд, што яму не баліць. Чым бліжэй ён падыходзіў да 23-годдзя, тым мацней і часцей пачынаў хвалявац яго орган, які адказвае за шчырасць.

Яго жыццё перамянілася пасля нечаканага званка. Тэлефанаваў адзін з урачоў той бальніцы, дзе раней Максім рабіў кардыяграму:

– Мяне завуць Сяргей Аляксеевіч, я працую ў 66-й бальніцы.

– Чым магу дапамагчы?

– Хутчэй, я магу вам дапамагчы. Я пераглядзеў усе вашы аналізы, здымкі, і ў мяне ёсць навіны. Прыходзьце заўтра а 11-й раніцы ў 6-ы кабінет. Не зацягвайце, гэта ў вашых жа інтарэсах, Максім.

– У мяне штосьці знайшлі, рак?

— Скорее это я вам могу быть полезен. Я просмотрел все ваши анализы, снимки, и у меня есть новости. Приходите завтра в 11 часов утра в 6-й кабинет. Не затягивайте, это в ваших же интересах, Максим.
— У меня что-то нашли, рак?
— Да нет же, не стоит паниковать. Приходите!
Далее послышались гудки, и Максим положил трубку. Он был удивлён такой прыти врача. «Что-то действительно интересное, наверное».
Перед сном Макс сыграл одну из симфоний, на радость соседям, и лёг спать, вспомнив перед самым прыжком в мир сновидений передачу про то, как у одного человека нашли в лёгких прораставшее зёрнышко.
Что же за новость у врача? — единственный вопрос, беспокоивший Максима с утра. Выпив кофе, почистив зубы, пациент оделся в каждодневную форму и поехал получать ответ.
Это была одна из многих частных клиник города, с новейшей аппаратурой, внимательным персоналом и длинными коридорами. На проходной Максима не стали задерживать, даже не попросили надеть бахилы и халат. Указав, где находится шестой кабинет, пропустили с миром. На дверях было написано: «Идёт кварцевание». Он постучал в дверь, и за ней послышался голос: «Войдите!».
Приоткрыв дверь и заглянув внутрь, он увидел человека, сидящего в кресле к нему спиной. Тот, глядя в окно, через недолгую паузу повторил ещё раз: «Входите же! Не бойтесь!».
— А вы, надо отметить, пунктуальный молодой человек, — с этими словами врач в белом подошёл к Максу, пожал ему руку, показал другой рукой на стул возле стола.
— Стараюсь. Воспитание, понимаете ли.
— Понимаю! Ветровку можете положить на соседний стул. Вы хотите что-нибудь выпить? — предложил человек в белом.

– Ды не, не варта панікаваць. Прыходзьце!

Далей пачуліся гудкі, і Максім паклаў слухаўку.

Ён быў здіўлены такому спрыту ўрача. «Відаць, штосьці сапраўды цікавае».

Перад сном Макс сыграў адну з сімфоній, на радасць суседзям, і лёг спаць, успомніўшы перад самым скачком у свет сноў перадачу пра тое, як у аднаго чалавека знайшлі ў лёгкіх прарастаўшае зернетка.

Што ж за навіна ў доктара? – пытаў сябе Максім усю раніцу. Выпіўшы кавы, пачысціўшы зубы, пацыент апрануўся ў штодзённую форму і паехаў атрымліваць адказ.

Гэта была адна з многіх прыватных клінік горада, з найноўшай апаратурай, уважлівым персаналам і доўгімі калідорамі. На прахадной Максіма не сталі затрымліваць, нават не папрасілі апрануць бахілы і халат. Паказалі, дзе знаходзіцца шосты кабінет, прапусцілі. На дзвярах было напісана: «Ідзе кварцаванне». Ён пагрукаў у дзверы, за імі пачуўся голас: «Заходзьце!».

Прыадчыніўшы дзверы і зазірнуўшы ўнутр, ён убачыў чалавека, які сядзеў у крэсле спінай да яго. Гледзячы ў акно, той праз кароткую паўзу паўтарыў яшчэ раз: «Заходзьце ж! Не бойцеся!»

– А вы, трэба адзначыць, пунктуальны малады чалавек, – з гэтымі словамі ўрач у белым падышоў да Макса, паціснуў яму руку, паказаў на крэсла каля стала.

– Імкнуся. Разумееце, выхаванне.

– Разумею! Куртку можаце пакласці на суседняе крэсла. Хочаце штосьці выпіць? – прапанаваў чалавек у белым.

– Этылавы спірт! – пажартаваў пацыент. – Не, не хачу.

– Ха-ха, выдатна! Добра, тады пяройдзем да справы, – сеў на край стала ўрач.

Максім глядзеў на яго так чакальна, што той не мог доўга затрымліваць погляд на пацыенце.

— Этиловый спирт подойдёт! — пошутил пациент. — Нет, не хочу.
— Ха-ха, здорово! Хорошо, тогда перейдём к тому, зачем я позвал вас, — уселся на край стола врач.
Максим смотрел на него настолько выжидательно, что тот не мог долго задерживать взгляд на пациенте.
Тихо прокашлявшись, прикрывая рот рукой, Сергей Алексеевич начал своё повествование.
— Как вы знаете, Максим, сейчас век не только новых супертехнологий, медицинских достижений, музыки, но и век новых заболеваний и патологий. Я как раз последнее и изучаю очень детально уже много лет. Боль вашего сердца, как вы догадываетесь, не случайна. При этом показатели последнего слова техники говорят об идеальном здоровье вашего органа. Я объясню, в чём дело, но сначала хочу взять с вас слово, что вы не станете паниковать и примете трезвое решение, как поступить дальше. Что скажете?
— Я устал, вот что я скажу. Чтобы там ни было, мне кажется, что даже смерть меня уже так не пугает.
— Вот и отлично! — и, немного помедлив, врач продолжил: — Дело в том, что у вас очень редкая патология. Как известно, патология означает болезненное отклонение от нормального состояния или процесса развития. В нашем случае, — здесь врач сделал ещё паузу, посмотрев на Макса, — ваше сердце остановится после того, как вам исполнится ровно 23 года. Но при условии, что вы перестанете идти. То есть передвигать ногами, создавая тем самым нагрузку, не опускающуюся ниже нормы, — Сергей Алексеевич очень волновался, хотя о подобных вещах ему не раз приходилось говорить за свою карьеру, и даже людям, которых он впервые в жизни видел.
— Стойте! Я запутался! Ещё раз, я не понимаю вас! — был в недоумении Максим.

Ціха пракашляўшыся, прыкрыўшы рот рукою, Сяргей Аляксеевіч пачаў свой аповед.
– Як вы ведаеце, Максім, цяпер век не толькі супертэхналогій, медыцынскіх дасягненняў, але і стагоддзе новых захворванняў і паталогій. Я якраз апошняе і вывучаю вельмі дэталёва ўжо шмат гадоў. Боль ваш сардэчны, як вы здагадваецеся, не выпадковы. Пры гэтым тэхнічныя паказчыкі гавораць пра ідэальнае здароўе вашага органа. Я растлумачу, у чым справа, але спачатку хачу ўзяць з вас слова, што вы не станеце панікаваць і прымеце цвярозае рашэнне, што рабіць далей. Што скажаце?
– Я стаміўся, вось што я скажу. Што б там ні было, мне здаецца, што нават смерць мяне ўжо не спалохае.
– Вось і выдатна! – трохі памарудзіўшы, урач прадоўжыў: – Справа ў тым, што ў вас вельмі рэдкая паталогія. Як вядома, паталогія азначае хваравітае адхіленне ад нармальнага стану або працэсу развіцця. У нашым выпадку, – тут урач зрабіў яшчэ адну паўзу, паглядзеўшы на Макса, – ваша сэрца спыніцца пасля таго, як вам споўніцца роўна 23 гады. Але гэта пры ўмове, што вы перастанеце хадзіць. Гэта значыць варушыць нагамі, ствараючы тым самым нагрузку, якая не будзе апускацца ніжэй за норму, – Сяргей Аляксеевіч вельмі хваляваўся, хоць пра падобныя рэчы за сваю кар'еру яму не раз даводзілася казаць – і нават людзям, якіх ён упершыню ў жыцці бачыў.
– Стойце! Я заблытаўся! Яшчэ раз, я не разумею вас! – Максім быў збянтэжаны.
– Цішэй, мы ж дамовіліся з вамі. Скажыце, калі ласка, вы ведаеце час вашага нараджэння?
– Так. 18 мая, 4.55 раніцы.
– Дык вось. Гэта рэдкая хвароба, якая ў жанчын можа ўзнікнуць, як толькі ім споўніцца 21 год, а ў мужчын – як толькі ім споўніцца 23, наступіць і ў вас. Роўна 18 мая ў 4.55

— Тише, мы ведь договорились с вами. Скажите, пожалуйста, вы знаете время вашего рождения?
— На удивление, интересовался у мамы: 18 мая в 4.55 утра.
— Так вот. Эта редкая болезнь, которая у женщин возникает в возрасте ровно 21 года, а у мужчин — 23, наступит и у вас. Ровно 18 мая в 4.55 у вас остановится сердце. Но есть выход. Вы должны постоянно идти, чтобы создавать ритм сердечных сокращений не ниже нормы. И ровно через неделю постоянной ходьбы патология пройдёт.
— Постойте, но ведь мне нужно спать, выдержу я максимум двое суток, есть, ходить в уборную, наконец?!
— Хорошее замечание! Насчёт сна нужно подумать, а по поводу еды и туалета — всё решаемо. Если пробежаться в течение, скажем, минуты, то у вас есть время остановиться и сделать всё, что угодно, что невозможно сделать на ходу. Так как пульс будет много выше нормы после бега. Что касается сна… — врач опустил голову в пол, как будто что-то увидел там, и, подняв снова, признался: — Я не знаю, что делать. 18 мая завтра. У нас, чтобы что-то придумать, есть меньше суток.
Макс приуныл, глубоко утонув в своих мыслях.
— И ещё, вы такой не один, — Максим как будто проснулся, посмотрел на врача. — У меня есть ещё пациент с аналогичной проблемой. Это девушка, ей исполняется двадцать один, тоже завтра, но в ноль часов пять минут, то есть чуть раньше, чем ваш день рождения.
— Мне это должно быть интересным?!
— Я подумал, что легче переносить боль, если тебя понимают. Смотрите сами, я даю вам номер её телефона, — и врач отдал прямо в руки Максиму листочек бумаги с одиннадцатью цифрами. Но тот в свою очередь сложил бумажку вдвое, положил на стол и, сделав резкое движение указательным пальцем, отбросил её.

у вас спыніцца сэрца. Але ёсць выхад. Вы павінны пастаянна хадзіць, каб ствараць рытм сардэчных скарачэнняў, не ніжэйшы за норму. І роўна праз тыдзень пастаяннай хады паталогія пройдзе.
– Чакайце, але ж мне трэба спаць, вытрымаю я максімум двое сутак! А як есці, хадзіць у прыбіральню, нарэшце?!
– Добрая заўвага! Наконт сну трэба падумаць, а з нагоды ежы і прыбіральні – усё вырашальна. Калі прабегчыся на працягу, скажам, хвіліны, то ў вас ёсць час спыніцца і зрабіць усё што заўгодна, што немагчыма зрабіць на хаду. Пульс будзе вышэйшы за норму пасля бегу. Што да сну... Калі шчыра, я не ведаю, што рабіць. 18 мая заўтра. У нас, каб нешта прыдумаць, ёсць менш за суткі.
Макс замаркоціўся, патануўшы ў сваіх думках.
– І яшчэ, вы такі не адзін.
Ад гэтых слоў Максім як быццам прачнуўся, паглядзеў на ўрача.
– У мяне ёсць яшчэ адзін пацыент з аналагічнай праблемай. Гэта дзяўчына, ёй спаўняецца дваццаць адзін, таксама заўтра, але ў нуль гадзін пяць хвілін, то бок крыху раней за ваш дзень нараджэння.
– Мяне гэта павінна цікавіць?!
– Я падумаў, што лягчэй пераносіць боль, калі цябе разумеюць. Глядзіце самі, я даю вам нумар яе тэлефона, – і ўрач працягнуў Максіму аркуш паперы з адзінаццаццю лічбамі. Але той у сваю чаргу склаў паперку ўдвая, паклаў на стол і рэзка адштурхнуў яе ўказальным пальцам.
– Дзякуй, але я як-небудзь сам, – ён устаў і пайшоў да выхаду. Ля самых дзвярэй Макс павярнуўся і дадаў: – Калі будуць ідэі па барацьбе са сном, паведаміце, калі ласка.
– Так, вядома. Трымайцеся, што-небудзь прыдумаем. І куртку не забудзьцеся, – урач падаў Максіму вятроўку, пацiснуў руку і зачыніў за ім дзверы.

— Спасибо, но я как-нибудь сам, — здесь он встал и пошёл к выходу. У самых дверей Макс обернулся и добавил: — Если будут идеи по борьбе со сном, сообщите, пожалуйста.
— Да, конечно. Держитесь, что-нибудь придумаем. И ветровку не забудьте, — врач подал Максиму ветровку, пожал руку и закрыл за ним дверь.
Макс спускался по лестнице, не замечая других людей. Задевая их и не извиняясь, хотя в другой раз он бы очень сильно раскаялся.
Что делать? — сейчас основной вопрос. Мелькания в голове, суета, в глазах мир расплывался, как будто его нарисовали с помощью воды на стекле и после размазали рукой. Пешеходы, транспорт — всё в полужидком виде. «Куда вы все бежите, вам вроде не по 23 года. Стойте, лучше подскажите, что делать. А хотя — куда вам. Желаю успеть! Туда».
По привычке ноги переместили Максима домой, где он сел в любимое кресло, закрыл глаза и начал собирать мысли в одно целое.
«Итак, что я имею. Чуть больше 12 часов до судной секунды, когда начнётся отсчёт недели. Какой-то недели. Подумаешь. Бойцы спецназа могут восемь дней без сна. Да, конечно, я не боец спецназа, — с сарказмом подумал он. — Нужно хотя бы попытаться! Выжить, что ли. Я не собирался покидать этот мир. Ведь не зря говорят, что у каждого своя миссия. Так что же это за миссия — надоедать соседям своим пианино и прозябать, не зная, что дальше!?»
Через минуту Максим сидел с листком бумаги и ручкой, записывая по пунктам план спасения себя.
«Первое. Самая главная проблема — сон. Поспать бы, но не хочется. Снотворное? Но после него вдруг ещё больше станет клонить ко сну. Ладно, дождусь, когда по-настоящему захочется, только не забыть поставить тысячу будильников.
Второе. Путь, где меня не потревожат и не остановят естественные преграды. Дорога — но на ней автомобили, службы, ремонты. Поле. Ходить по кругу? Но

Макс спускаўся па лесвіцы, не заўважаючы іншых людзей. Задзяваючы іх і не просячы прабачэння, хоць у любы іншы раз ён бы аб гэтым пашкадаваў.

Што рабіць? – цяпер асноўнае пытанне. Мільгатня ў галаве, мітусня, у вачах свет расплываўся, як быццам яго намалявалі вадою на шкле і пасля размазалі рукой. Пешаходы, транспарт – усё ў напаўвадкім выглядзе. «Куды вы ўсе бяжыце, вам жа, здаецца, не па 23 гады. Стойце, лепш падкажыце, што рабіць. А ўсё ж – куды вам. Жадаю паспець! Туды».

Па звычцы ногі прынеслі Максіма дадому, дзе ён сеў у любімае крэсла, заплюшчыў вочы, спрабуючы сабрацца з думкамі.

«Так, што я маю. Крыху больш за 12 гадзін да суднага імгнення, калі пачнецца адлік тыдня. Нейкі тыдзень. Падумаеш. Байцы спецназа могуць трымацца восем дзён без сну. Так, вядома, я не баец спецназа, – з самаіроніяй падумаў ён. – Трэба хаця б паспрабаваць! Выжыць неяк. Я не збіраўся так рана пакідаць гэты свет! Нездарма ж кажуць, што ў кожнага свая місія. Дык што ж гэта за місія – надакучваць суседзям сваім піяніна і гібець у прадчуванні невядомага?!»

Праз хвіліну Максім сядзеў з паперкай і ручкай, запісваючы па пунктах план выратавання сябе.

«Першае. Самая галоўная праблема – сон. Паспаць бы, але не хочацца. Снатворнае?! Але пасля яго раптам яшчэ больш стане хіліць у сон. Добра, дачакаюся, калі пасапраўднаму захочацца, толькі не забыцца паставіць тысячу будзільнікаў.

Другое. Шлях, дзе мяне не патрывожаць і не спыняць натуральныя перашкоды. Дарога – але на ёй аўтамабілі, службы, рамонты. Поле. Хадзіць па крузе? Ды дзе знайсці такое ціхае месца далей ад горада? Бегавая дарожка?.. Ага, як толькі грошай назбіраю. Пайду куды вочы глядзяць, – цвёрда вырашыў Максім. – І трэцяе – рэчы: заплечнік, ежа, вада, грошы, дакументы».

где найти такое тихое место подальше от города? Беговая дорожка? Ага, только денег поднакоплю. Пойду куда глаза глядят, — твёрдо решил Максим. — И третье — вещи: рюкзак, еда, вода, деньги, документы».
«Нужно как-то попрощаться с родными, — подумал он позже, — статус в Интернете — нет, слишком обширная аудитория. Письмо — да, по старинке, самый верный способ».
И Максим принялся писать. Что-то невнятное, труднообъяснимое с кривым подчерком. И в конце: «…не волнуйтесь, я справлюсь».
«Ерунда какая-то! Мама с отцом точно начнут меня разыскивать, и всё тогда».
В следующее мгновение парень смял письмо и принялся писать новое, на этот раз очень короткое: «Уехал за город на неделю. Не волнуйтесь!».
Вечером пришли родные. Максим вёл себя непринужденно, стараясь не выдать свою озабоченность. И не стал менять репертуар, сыграл одно из прекрасных произведений уважаемого Вольфганга. Только вот мама как будто что-то чувствовала, неожиданно взяла скрипку, что бывало в последнее время очень редко, и подыграла сыну, стоя у него за спиной. Оба слились с музыкой, и только в этот момент Максим понял по-настоящему, что, возможно, это его последняя игра с мамой. Он нажимал на клавиши с особой нежностью.
Когда они закончили, не поворачиваясь, сказал маме спасибо. Та сделала реверанс и с достоинством учителя и матери удалилась.
Парень смотрел в стену, а стена всё отдалялась, мыслей не было. Пустота, нужен был воздух. Не выдержав напряжения, Макс вскочил со стула, чуть не опрокинув его. Быстро подошёл к окну и замер от увиденного — на него смотрел кто-то в чёрной одежде, стоя у деревьев. И в следующее мгновение быстро зашагал прочь, сгорбившись и засунув руки в полы куртки. «Что ещё за наблюдатели? — возмутился Максим и передумал открывать окно, — к чёрту всё, хватит, пойду лучше спать».

«Трэба неяк развітацца з роднымі, – падумаў ён пазней. – Статус у Інтэрнэце – не, занадта шырокая аўдыторыя. Ліст– так, па-старому, самы верны спосаб».
І Максім пачаў пісаць: нешта невыразнае, цяжкавытлумачальнае, крывым почыркам. І ў канцы: «...не хвалюйцеся, я спраўлюся».
«Лухта нейкая! Мама з татам дакладна пачнуць мяне шукаць, і ўсё тады».
У наступны момант хлопец скамячыў ліст і пачаў пісаць новы, на гэты раз вельмі кароткі: «Паехаў за горад на тыдзень. Не хвалюйцеся!».
Увечары прыйшлі родныя. Максім трымаўся нязмушана, імкнучыся не выказаць сваю заклапочанасць. І рэпертуар не стаў мяняць, сыграў адзін з выдатных твораў шаноўнага Вольфганга. Толькі вось мама як быццам штось адчувала, нечакана ўзяла скрыпку, што здаралася апошнім часам вельмі рэдка, і падыграла сыну, стоячы ў яго за спінай. Абодва зліліся з музыкай, і толькі ў гэты момант Максім зразумеў па-сапраўднаму, што, магчыма, гэта яго апошняя ігра з мамай. Ён дакранаўся да клавішаў з асаблівай пяшчотай.
Калі яны скончылі, ён, не паварочваючыся, падзякаваў маме. Тая зрабіла рэверанс і з годнасцю настаўніцы і маці пайшла.
Хлопец глядзеў у сцяну, а сцяна ўсё аддалялася, думак не было, пустата. Патрэбна паветра. Не вытрымаўшы напружання, Макс ускочыў з крэсла, падбег да акна, каб адчыніць яго, але аслупянеў ад убачанага: на яго хтосьці пазіраў, стоячы ў чорнай вопратцы каля дрэва. Але ўжо ў наступнае імгненне вельмі хутка пайшоў прэч, згорбіўшыся і схаваўшы рукі ў кішэні курткі. «Што яшчэ за назіральнікі? – абурыўся Максім і перадумаў адчыняць акно, – ды ну, хопіць, пайду лепш спаць».
Сон. Будзільнік.
На здзіўленне, Максім заснуў практычна адразу, як быццам гэта быў звычайны цяжкі дзень.

Сон. Будильник.

На удивление, Максим заснул практически сразу, как будто это был обычный тяжёлый день.

...Наш герой идёт босиком по мокрой траве. На поле плавно вырисовываются замысловатые зигзаги прозрачной дымки — это как будто сама матушка-природа дышит полной грудью. Лазурное небо начинает открывать своё пространство для лучей светила. Лесная темнота растворяется с каждым мгновением и под песни птиц уходит вовсе. Мир оживает. «Как здорово, я почти летаю, ах, моё прекрасное детство», — переходил на бег спящий. Мурашки играли симфонию на его теле, радуясь, танцуя и дыша ароматом воли.

Пение крылатых всё усиливалось и усиливалось. Через секунду оно превратилось в писк, невыносимый писк. Лицо мальчика выражало отвращение к звуку. Даже очень сильно закрыв руками уши, он не смог облегчить раздражающий скрежет, а ещё эта вонь от дымки и травы. «Куда девалась эта красота? Детство! Ведь я мог танцевать, практически летать, а теперь могу только скрутиться калачиком и ненавидеть, не-на-ви-деть».

Время уже показывало 3.30. Будильники спрятали стрелки и, как будто сговорившись, забыли про свою миссию. Дыхание спящего начинало замедляться, как вдруг зазвонил телефон. Макс подскочил, упав с дивана, и потянулся к телефону. Держа его в руке, он обратил внимание, что времени ещё достаточно, чтобы собраться, а затем нажал кнопку:

— Максим, это ведь вы!? Извините, что разбудил, — и тут же врач подумал, что вряд ли это было к месту, — я думал, позвоню на всякий случай, а то вдруг уснёте.

— Да, спасибо. Я действительно чуть всю жизнь не проспал в буквальном смысле. Что-нибудь придумали?

— У вас есть дома беговая дорожка?

…Наш герой ідзе босы па мокрай траве. На полі плаўна вымалёўваюцца мудрагелістыя зігзагі празрыстай імгі – гэта як быццам сама матухна прырода дыхае на поўныя грудзі. Блакітнае неба пачынае адкрываць сваю прастору для прамянёў сонца. Лясная цемра раствараецца з кожным імгненнем і пад песні птушак сыходзіць зусім. Свет ажывае. «Як выдатна, я амаль лётаю, ах, маё цудоўнае дзяцінства», – пераходзіў на бег спячы. Мурашкі ігралі сімфонію на яго целе, радуючыся, танцуючы і дыхаючы водарам волі.
Спевы крылатых усё ўзмацняліся і ўзмацняліся. Праз секунду яны ператварыліся ў піск, невыносны піск. Твар хлопчыка скрывіўся ад агіды. Нават вельмі моцна закрыўшы рукамі вушы, ён не змог аблегчыць раздражняльны скрыгат, а яшчэ гэты смурод ад імгі і травы. «Куды падзелася гэтая прыгажосць? Дзяцінства! Я ж мог танцаваць, практычна лётаць, а цяпер магу толькі скруціцца камячком і ненавідзець, не-на-ві-дзець».
Гадзіннік паказваў ужо 3.30. Будзільнікі схавалі стрэлкі і, нібы змовіўшыся, забыліся пра сваю місію. Дыханне спячага пачынала замядляцца, як раптам зазваніў тэлефон. Макс падскочыў, скінуўшыся з канапы, і пацягнуўся да апарата. Трымаючы яго ў руцэ, ён прыкмеціў, што часу, каб сабрацца, яшчэ дастаткова, і толькі затым націснуў кнопку:
– Максім, гэта ж вы?! Прабачце, што разбудзіў, – і тут жа ўрач падумаў, што гэта было наўрад ці да месца. – Я падумаў, пазваню вам на ўсякі выпадак, раптам заснеце.
– Так, дзякуй. Я і сапраўды ледзь усё жыццё не праспаў у літаральным сэнсе. Нешта прыдумалі?
– У вас ёсць дома бегавая дарожка?
– Ха, лічыце, я пра гэта не думаў?! Няма!
– Тады пакуль усё. Што будзеце рабіць?

— Ха, считаете, я про это не думал? Нету!
— Тогда пока всё. Что будете делать? — поинтересовался врач.
— Пойду туда, откуда пришёл.
— Восвояси, значит, — понимая значение этого слова, прошептал Сергей Алексеевич.
— Именно, — ответил парень.
Максим положил трубку, зная, что не обидит этим собеседника, и начал собираться. Вещи были готовы ещё с вечера, поэтому оставалось только умыться, одеться, присесть на дорожку, включить плеер и тихо уйти из дома, оставив короткое письмо на кухонном столе.
Время 4.30 — осталось двадцать пять минут до начала отсчёта. Макс как-то читал, что время с 04.00 до 05.00 называют часом смерти из-за того, что организм настолько замедляет свою работу, что сердечники во сне умирают, так как красному моторчику не хватает сил снабжать кровью весь организм.
Идущий вглядывался в тёмные окна и думал, что, возможно, в одной из этих кирпичных клеток кто-то не выдержал прямо сейчас.
«Вроде всё взял. Сейчас по Марата к ТЮЗу, затем по Загородному на Московский и в сторону Пулковского шоссе вдоль трассы — куда глаза глядят».
— Скромный план, но что делать — сдаваться я не намерен! — размышлял вслух «сердечный».
Тёмные ночи становятся всё короче — приближаются белые их сёстры. Это как минимум один плюс, немного обмануть организм, который реагирует на темноту через желание уснуть, особенно ночью.
Некоторые люди уже куда-то выбирались из своих берлог, а кто-то вовсе и не ложился, гуляя весь предыдущий вечер, затем ночь, плавно перешедшую в утро.
С каждым шагом он приближался ко дню рождения.

– Пайду туды, адкуль прыйшоў.
– Туды, значыць, – з разуменнем ціха сказаў Сяргей Аляксеевіч.
– Менавіта, – адказаў хлопец.
Максім паклаў слухаўку, ведаючы, што не пакрыўдзіць гэтым суразмоўцу, і пачаў збірацца. Рэчы былі падрыхтаваныя яшчэ з вечара, таму засталося толькі памыцца, апрануцца, прысесці на дарожку, уключыць плэер і ціха сысці з дому, пакінуўшы кароткі ліст на кухонным стале.
4.30 – засталося дваццаць пяць хвілін да пачатку адліку. Макс неяк чытаў, што час з чатырох да пяці раніцы называюць гадзінай смерці – з-за таго, што арганізм запавольвае сваю працу, і сардэчнікі паміраюць ува сне, бо пунсоваму маторчыку не стае сіл забяспечваць крывёю ўвесь арганізм.
Ідучы, ён углядаўся ў цёмныя вокны і думаў, што, магчыма, у адной з гэтых кірпічных клетак нехта не вытрымаў менавіта цяпер.
«Здаецца, усё ўзяў. Цяпер па Марата да ТЮГа, затым па Загарадным на Маскоўскі і ў бок Пулкаўскай шашы ўздоўж трасы – куды вочы глядзяць».
– Сціплы план, але што рабіць – здавацца я не намераны! – разважаў услых «сардэчны».
Цёмныя ночы становяцца ўсе карацей – набліжаюцца іх белыя сёстры. Гэта як мінімум адзін плюс, трохі падмануць арганізм, які рэагуе на цемру праз жаданне заснуць, асабліва ноччу.
Некаторыя людзі ўжо кудысьці выбіраліся са сваіх бярлог, а нехта зусім і не клаўся, гуляючы ўвесь папярэдні вечар, затым ноч, што плаўна перайшла ў раніцу.
З кожным крокам ён набліжаўся да дня нараджэння.
Сэрца пачынала змяняць рытмы – рыхтуючыся да прыпынку, калі яго носьбіт надумае перастаць ісці.

Сердечко начинало изменять ритм биения — готовясь к остановке, если его носитель вздумает перестать двигаться.
Пять минут до начала — вот-вот оно выскочит из груди.
Аккорды Людовика Эйнауди звучат синхронно с действием внутри. Четыре минуты — оно начинает замедляться, и, как бы нащупывая ритм, два через три, стучаться.
Три минуты — Максим решает отключить музыку в плеере, так как нет лучше музыки мира.
Ветерок, ласкающий молодые побеги в сквере у всегда молодого ТЮЗа, создаёт фон. Пернатые вокалисты разговаривают сладким пением. И потрескивающий песочек под ботинками, дополняющий композицию, — перкуссия. Макс хотел насладиться этим, может быть, в последний раз, ибо вдруг ходьба не поможет.
Последняя минута, сердце замедлило бег, как будто прячась за угол дома. На часах Витебского вокзала стрелка приближалась к 04.55.
Максим схватился правой рукой за грудь, наклонил голову, нарисовав на лице боль, чуть не упал и… перешёл на бег. Биение стабилизировалось, и можно было снова просто идти.
Отсчёт начался. Идущий ещё пару раз попробовал проверить, правда ли ему грозит остановка во всех смыслах, но как только он начинал останавливаться, орган жестоко карал остротой, заставляя идти дальше.
Если забраться на высокий дом, то можно было бы увидеть солнце. На улице становилось всё больше людей. Они начали создавать толпы. Иногда Максиму приходилось выскакивать на дорогу, чтобы не замедляться, таким образом обходя толпу. Не говоря уже о светофорах, на красный свет которых Макс пробегал не раз. Сердитые сигналы водителей резали слух. Герою оставалось лишь поднимать ладонь, как бы прося прощения.

Пяць хвілін да пачатку – вось-вось яно выскачыць з грудзей.
Акорды Людовіка Эйнаўдзі гучаць сінхронна з тым, што адбываецца ўнутры. Чатыры хвіліны – яно пачынае запавольвацца і, як бы намацваючы рытм, два праз тры, стукаць.
Тры хвіліны – Максім вырашае адключыць музыку ў плэеры, бо няма музыкі лепш за музыку свету.
Ветрык, што песціць маладыя дрэўцы ў скверы каля заўсёды маладога ТЮГа, стварае фон. Птушыныя вакалісты перагаворваюцца салодкімі спевамі. І пясочак, які парыпвае пад чаравікамі, дапаўняе кампазіцыю, – перкусія. Макс хацеў атрымаць асалоду ад гэтага, можа быць, у апошні раз, калі раптам хада не дапаможа.
Апошняя хвіліна, сэрца замарудзіла бег, быццам хаваючыся за вугал дома. На гадзінніку Віцебскага вакзала стрэлка наблізілася да 04.55.
Максім адчуў боль, схапіўся правай рукой за грудзіну, нахіліў галаву, ледзь не ўпаў і... перайшоў на бег. Біццё стабілізавалася, і можна было зноў проста ісці.
Адлік пачаўся. Ідучы, ён пару разоў спрабаваў праверыць, ці сапраўды яму пагражае спыніцца ва ўсіх сэнсах, але як толькі пачынаў спыняцца, орган караў яго жорсткай вастрынёй, прымушаючы ісці далей.
Калі ўзабрацца на высокі дом, то можна было б убачыць сонца. На вуліцы станавілася ўсё больш людна. З'явіліся натоўпы. Часам Максіму даводзілася выскачыць на дарогу, каб не замядляцца, такім чынам абыходзячы іх, не гаворачы ўжо пра светлафоры, чырвонае святло якіх Макс ігнараваў не раз. Злосныя сігналы вадзіцеляў рэзалі слых. Герою заставалася толькі прыміральна падымаць далонь, як бы просячы прабачэння.
«Галоўнае – выйсці з горада, там будзе вальней. І каб ніхто і не падумаў спыніць мяне сілай, інакш...

«Главное, выйти из города — там посвободнее будет. И чтобы никто не вздумал остановить меня силой, иначе…

А ведь врач говорил о какой-то девушке. Если она решила ”драться”, то, наверняка, тоже где-то сейчас идёт. Но в отличие от меня — уже на протяжении более пяти часов. Зачем я не взял её номер?! Можно было бы поддержать друг друга. Или вовсе идти вместе. Такие особенные! Где она живёт, чем занимается, как отреагировала на новость Сергея Алексеевича?!» Максим так задумался, что врезался в одного из прохожих, которого столкновение будто разбудило. Макс извинился, а прохожий даже не обратил на него внимания и как ни в чём не бывало зашагал дальше.

«И что теперь!? Неделю не выдержать? Ах, этот чёртов инстинкт самосохранения! Всё, хватит об этом! Не думать час о белых медведях», — попытался рассмешить сам себя Максим.

«Нужно сделать что-нибудь такое, что принесло бы пользу, запомнилось мне и людям — хотя бы сегодня. Да, точно!» — и он зашёл в цветочный магазин. Подойдя к кассе, Макс перешёл на бег. Выглядело это очень забавно — взрослый человек, одетый будто в поход, бежит на месте и с серьёзной миной пытается объяснить, что ему нужно. Продавец цветов, женщина лет тридцати пяти, слушая просьбу парня, не выдержала и рассмеялась.

— Простите, я, конечно, сделаю, что вы просите, но не могли бы вы остановиться?

— Теперь вы меня простите, вам нужен труп в магазине?!

Женщина недоумённо посмотрела на него и молча принялась упаковывать два десятка белых роз.

— Не обижайтесь, просто мне нельзя останавливаться, понимаете?

— Как вам угодно. Всё в порядке, — ответила продавец, лишь бы её больше не доставали.

А ўрач жа казаў пра нейкую дзяўчыну. Калі яна вырашыла “змагацца”, то, напэўна, таксама дзесьці зараз ідзе. Але, у адрозненне ад мяне, ужо на працягу больш чым пяці гадзін. Чаму я не ўзяў яе нумар?! Можна было б падтрымаць адзін аднаго. Або нагул ісці разам. Такія адметныя! Дзе яна жыве, чым займаецца, як адрэагавала на навіну Сяргея Аляксеевіча?!» Максім так задумаўся, што ўрэзаўся ў аднаго з прахожых, якога сутыкненне быццам абудзіла. Макс папрасіў прабачэння, а той нават не звярнуў на яго ўвагі і як ні ў чым не бывала пайшоў далей.

«...І што цяпер? Тыдзень не вытрымаць, так?! Ах, гэты чортаў інстынкт самазахавання! Усё, хопіць пра гэта! Трэба зрабіць што-небудзь такое, што прынесла б карысць, запомнілася мне і людзям – хоць бы сёння. Так, сапраўды!» – і ён зайшоў у кветкавую краму. Падышоў да касы і перайшоў на бег. Выглядала гэта вельмі пацешна – дарослы чалавек, апрануты па-паходнаму, бяжыць на месцы і з сур’ёзным выразам твару спрабуе растлумачыць, што яму трэба. Прадаўшчыца кветак, жанчына гадоў трыццаці пяці, слухаючы хлопца, не стрымала смеху.

– Выбачайце, я, вядома, зраблю, што вы просіце, але не маглі б вы спыніцца?!

– Цяпер вы выбачайце, вам патрэбен труп у краме?!

Жанчына здзіўлена паглядзела на яго і моўчкі пачала пакаваць два тузіны белых ружаў.

– Не крыўдуйце, проста мне нельга спыняцца, разумееце?

– Як вам заўгодна. Усё ў парадку.

Праз некалькі хвілін Максім зноў апынуўся на Маскоўскім праспекце і адразу ж пачаў дарыць па ружы ўсім сустрэчным дзяўчатам. Большасць альбо разгублена маўчалі, альбо проста міла ўсміхаліся і дадавалі ціхае «дзякуй».

Калі была падораная апошняя ружа, да яго падбегла адна з тых, каму пашанцавала атрымаць белы цуд прыроды.

И вот через несколько минут Максим снова оказался на Московском проспекте с огромным количеством цветов. И сразу же начал ловить на себе вопросительно-восхищенные взгляды.
Идущий начал дарить по одной розе всем девушкам, обращавшим на него внимание. Большинство из них либо с удивлением молчали, превращая свои губы в улыбку до ушей, либо просто мило улыбались и добавляли тихое «спасибо».
Когда была подарена последняя роза, к нему подбежала одна из тех, кому повезло получить белое чудо природы.
— Молодой человек, вы волшебник! Я серьёзно вам говорю!
— Спасибо! Я рад, что вас это тронуло, — спокойно ответил Максим.
— Куда вы так спешите, может, ко мне на чай, я недалеко здесь живу, вон там мои окна! — показывая рукой, приглашала к себе в гости девушка.
— Поймите меня правильно, в другой раз, хорошо?
— Но всё же, почему? — настаивала леди.
— Я запомнил, где ваши окна, останется дело за малым. Договорились?
— Хорошо! Но знайте, ваш чудесный подарок спас мне жизнь, — и девушка быстро пошла в другую сторону.
Максим от неожиданности чуть не остановился, но, вовремя одумавшись, зашагал дальше. «Интересно, что же у неё в жизни такого случилось, что моё внимание помогло ей?» Но ответами стали только предположения.
В следующий час Макс просто поник. Уже виднелась площадь Победы и пик с надписью внизу: «Подвигу твоему, Ленинград».
Он соображал, что скоро выйдет из города, надо признаться, одного из лучших в мире, а для Максима он точно вне конкуренции. Ведь здесь он начал дышать. Впервые в жизни сделал настоящие, без чьей-либо помощи, неуклюжие, но полноценные шаги. Сказал первое слово. Правда, это случилось в парке Петергофа: в тот момент, когда он с родителями прогуливался по аллее, перед ними

– Малады чалавек, вы чараўнік! Я сур’ёзна вам кажу!
– Дзякуй! Я рады, што вас гэта кранула, – спакойна адказаў Максім.
– Куды вы так спяшаецеся, можа, да мяне на гарбату, я недалёка тут жыву, вунь там мае вокны! – запрашала да сябе ў госці дзяўчына.
– Зразумейце мяне правільна, іншым разам, добра? Я запомніў, дзе вашы вокны, справа за малым. Дамовіліся?
– Добра! Але ведайце, ваш цудоўны падарунак выратаваў мне жыццё, – і дзяўчына хутка пакрочыла ў іншы бок.
Максім ад нечаканасці ледзь не спыніўся, але своечасова адумаўся, пайшоў далей. «Цікава, што ж у яе ў жыцці такога здарылася, што мая ўвага дапамагла ёй?!» Адказамі былі толькі прадпалажэнні.
У наступную гадзіну Макс проста панік. Ужо віднелася плошча Перамогі і вяршыня з надпісам унізе: «Подзвігу тваіму, Ленінград».
Ён думаў, што хутка выйдзе з горада, трэба прызнацца, аднаго з лепшых у свеце, а для Максіма ён сапраўды па-за канкурэнцыяй. Бо тут ён пачаў дыхаць. Упершыню ў жыцці зрабіў сапраўдныя, без чыёй-небудзь дапамогі, нязграбныя, але паўнавартасныя крокі. Сказаў першае слова. Праўда, гэта здарылася ў парку Пецяргофа: у той момант, калі ён з бацькамі прагульваўся па алеі, перад імі апусціўся разьбяны, казачнай прыгажосці кляновы лісток. Нічога дзіўнага? Але паблізу не было ніводнага клёна. Гэта падзенне ўбачыў і малы, пасля чаго сказаў першае слова ў сваім жыцці – «баль».
Магчыма, малыш меў на ўвазе «ўпаў», ну а можа, лісток так прыгожа кружыўся, што было вельмі падобна на кружэнне ў танцы, – як на балі.
Пецярбург проста так не пакліча цябе. Калі ты яму патрэбен, дзверы адкрыюцца неадкладна. Але ў той жа час ён і шчодры сваёй прыгажосцю, сустрэчамі, навучаннямі

опустился резной, сказочной красоты листик клёна. Ничего удивительного? Но вблизи не было ни одного клёна. Это падение увидел и малыш, после чего сказал первое слово в своей жизни — «бал».

Возможно, маленький имел в виду «упал», ну а может, листок так красиво кружился, что очень было похоже на кружение в танце мужчины и женщины, как на балу.

Петербург просто так не позовёт тебя. Если ты ему нужен, двери откроются незамедлительно. Но в то же время он и щедр своей красотой, встречами, поучениями и легендами, а когда это необходимо, с огромной любовью, но выпустит тебя из своих объятий.

Подул ветерок, откуда-то со стороны Финского залива. Стало прохладно, и Макс, спасаясь от непогоды, съёжился, засунув поглубже руки в ветровку. И в ту же минуту был приятно удивлён.

— О, нет! Что это? — чуть не кричал Максим. Толпа, которую он обгонял, оглянулась. — Это записка с телефоном! Как она… врач передавал мне ветровку! Ах, он… — здесь Макс зажал бумажку в кулак и медленно добавил: — Мо-ло-дец.

Парень лихорадочно нашёл свой телефон, набрал номер, и сразу же сбросил вызов. «А что я ей скажу? Впрочем, какая разница!» И Макс снова набрал номер, на этот раз решив непременно дозвониться!

Прозвучали первые гудки, и практически одновременно заиграла музыка на одном из телефонов в толпе, которая шла ещё не так далеко, позади него.

В другой раз он бы и не обратил на это внимания, но заиграла одна из его любимых композиций.

Повернувшись назад, он увидел — среднего роста, с большими зелёными глазами, полными надежд, — хозяйку телефона. Она стала замедлять шаг, будто загипнотизированная, не отрывая взгляда от Максима, но парень первым отреагировал, заорав на весь Московский проспект:

— Не останавливайся!!!

і легендамі, а калі гэта будзе неабходна, з вялікай любоўю, але выпусціць цябе са сваіх абдымкаў.

Падзьмуў ветрык з боку фінскага заліва. Пахаладала, і Макс, ратуючыся ад непагадзі, глыбей засунуў рукі ў кішэні. І ў той жа момант быў прыемна здзіўлены.

– О, не! Што гэта? – ледзь не закрычаў Максім. Натоўп, які ён абганяў, азірнуўся. – Гэта запіска з тэлефонам! Як яна... відаць, урач, калі перадаваў мне вятроўку! Ах, ён... – тут Макс заціснуў паперку ў кулак і працягнуў: – Ма-лай-чы-на.

Хлопец ліхаманкава знайшоў свой тэлефон, набраў нумар і адразу ж скінуў выклік. «А што я ёй скажу?.. Зрэшты, якая розніца!» І Макс зноў набраў нумар, на гэты раз вырашыўшы абавязкова дазваніцца!

Прагучалі першыя гудкі, і практычна адначасова зайграла музыка на адным з тэлефонаў у натоўпе, які ішоў яшчэ не так далёка ад яго.

Іншы раз ён бы і не звярнуў на гэта ўвагу, але зайграла адна з яго любімых кампазіцый.

Павярнуўшыся назад, ён убачыў уладальніцу тэлефона – сярэдняга росту, з вялікімі, поўнымі надзей зялёнымі вачыма. Яна стала запавольваць крок, быццам загіпнатызаваная, не адводзячы позірку ад Максіма, але хлопец першы адрэагаваў, закрычаў на ўвесь Маскоўскі праспект:

– Не спыняйся!!!

Макс падбег да яе, узяў за руку і ўжо спакойна прашаптаў: «Хадзем». Яны прайшлі метраў дзвесце, перш чым хтосьці з іх парушыў цішыню.

– Ты – Максім? – ужо ведаючы адказ, спытала дзяўчына.

– Ён самы, а цябе як завуць, сястра па няшчасці?

– Таццяна, можна проста Таня. І чаму па няшчасці? Паглядзі вакол, хто яшчэ ў такім рэдкім выпрабаванні, акрамя нас?

Максим подбежал к ней, взял за руку и спокойно прошептал: «Пойдём». Они прошли метров двести до того, как кто-то из них нарушил тишину.
— Ты — Максим? — зная ответ, спросила девушка.
— Он самый, а тебя-то как зовут, сестра по несчастью?
— Меня зовут Татьяна, можно просто Таня. И почему по несчастью? Посмотри вокруг, кто ещё в таком редком испытании, кроме нас?
А вокруг всё шло своим чередом: пролетал над головами самолёт, заходивший на посадку в «Пулково», по скверику пробегали люди в спортивной одежде, по шоссе проносились ряды автомобилей, несущие людей по делам.
— Да ты философ, — посмеялся Макс, — тебя не смущает, что мы взялись за руки раньше, чем узнали наши имена?
— Это, видимо, ты не знал моего имени, а мне твоё Сергей Алексеевич сказал, и номер телефона он тоже давал.
— А чего ж первая не позвонила?
— Я случайно постирала джинсы вместе с той бумажкой с номером и потом рыдала ещё долго, что упустила возможность быть понятой в последние часы моей жизни. А теперь не могу поверить, что, не сговариваясь, мы выбрали один и тот же путь, и ты позвонил мне, а теперь идёшь рядом и крепко держишь мою руку, — на глазах у неё показались сверкающие кристаллики. Ей даже это, по крайней мере, в данную секунду, показалось счастьем.
— Что ты, Танюша, не плачь, — Максим заботливо поправил её длинные русые волосы и прижал к себе, — теперь мы вместе, всё будет хорошо.
— Кажется, я знаю тебя уже вечность! Спасибо, Максим! — и она прижалась к нему ещё сильнее. Идти так долго было не очень удобно, и они снова взялись за руки, понимая, что теперь никогда не отпустят друг друга.
Приговорённые проходили под мостами кольцевой автодороги, повороты на разные торговые центры, оставляя всё дальше и дальше волшебный Петербург. Шок

А вакол усё ішло сваім парадкам: пралятаў над галовамі самалёт, што ішоў на пасадку ў «Пулкава», па скверыку прабягалі людзі ў спартыўнай вопратцы, па шашы праносіліся рады аўтамабіляў, несучы людзей па іх справах.
– Ды ты філасаф, – пасмяяўся Макс. – Цябе не бянтэжыць, што мы ўзяліся за рукі раней, чым спыталі адзін у аднаго імёны?
– Гэта, відаць, ты не ведаў майго імя, а мне тваё Сяргей Аляксеевіч сказаў і нумар тэлефона таксама ён даў.
– А чаго ж ты першая не патэлефанавала?
– Я памыла джынсы разам з той паперкай з нумарам і потым рыдала яшчэ доўга, бо згубіла магчымасць быць зразуметай у апошнія гадзіны жыцця. А зараз не магу паверыць, што, не змаўляючыся, мы абралі адзін і той жа шлях, і ты патэлефанаваў мне, а цяпер ідзеш побач і трымаеш мяне за руку, – на вачах яе заблішчэлі вільготныя крышталікі. Ёй нават гэта, па меншай меры, у гэтую секунду, падалося шчасцем.
– Што ты, Танюша, не плач, – Максім пяшчотна паправіў яе доўгія русыя валасы і прыціснуў да сябе, – цяпер мы разам, усё будзе добра.
– Здаецца, я ведаю цябе ўжо вечнасць! Дзякуй, Максім! – і яна прыціснулася да яго яшчэ мацней. Ісці так доўга было не вельмі зручна, і яны зноў узяліся за рукі, разумеючы, што цяпер ніколі не адпусцяць адзін аднаго.
Асуджаныя праходзілі пад мастамі кальцавой аўтадарогі, павароты на розныя гандлёвыя цэнтры, пакідаючы ўсё далей і далей чароўны Пецярбург. Шок ад сустрэчы яшчэ доўга не адпускаў іх. Яны раз-пораз пераглядаліся, абменьваючыся ўзаемнымі ўсмешкамі. Здавалася, што і маўчаць няма часу, але і казаць нічога асабліва не хацелася. Галоўнае было тое, што яны разам.
– Максім, ты ведаеш, чаму так з намі адбываецца?

от встречи ещё долго не отпускал их. Они то и дело переглядывались, обмениваясь взаимными улыбками. Казалось, что и молчать некогда, но и говорить особо не хотелось. Главное было то, что они вместе.
— Максим, ты знаешь, почему так с нами происходит?
— Исследующий эту проблему Сергей Алексеевич до сих пор не может разобраться. Где уж мне. Хотя нужно признать, он точно вычислил возраст перед началом недельной ходьбы.
— Слушай, мне это кино напоминает — может, у нас что-то общее есть, особенное, из-за чего и развивается этот недуг?
— Может, и есть, — без особого энтузиазма отреагировал Макс и тут же вернул блеск в глаза, — но как минимум одна общая деталь у нас точно есть: мы выбираем один и тот же путь.
Оба рассмеялись. В эту секунду рядом с ними остановился автомобиль, из которого послышался голос:
— Ребята, вас подвезти? Садитесь!
— Мы прогуливаемся, спасибо вам! — прокричали ребята.
— Ладно, как говорится, have a nice day! — не без юмора оказался водитель.
В следующее мгновение молодые задумались об одном и том же: что же делать, должен ведь быть какой-то выход? Не получив и в этот раз ответа, они снова нашли тему для беседы.
— У тебя есть сестра? — поинтересовалась Таня.
— Нет, но хотелось бы. А у тебя, я так понимаю, есть?
— Да! Она у меня такая красавица! «Мне пять годиков», — так она говорит! И этим явно гордится. А ты бы пел своей сестре колыбельные?
— Конечно, каждый вечер пел бы!
— А давай мы споём с тобой колыбельную для моей настоящей и твоей будущей сестры! Пусть сон у них будет всегда сладок, — предложила Таня.

– Той, хто даследуе гэтую праблему, – Сяргей Аляксеевіч – да гэтага часу не можа разабрацца. Дзе ўжо мне. Хоць, трэба прызнаць, ён дакладна вылічыў узрост перад пачаткам тыднёвай хады.
– Слухай, мне гэта кіно нагадвае – можа, у нас нешта агульнае ёсць, асаблівае, з-за чаго і развіваецца гэтая хвароба?
– Можа і ёсць, – без асаблівага энтузіязму адрэагаваў Макс і тут жа вярнуў бляск у вочы, – але як мінімум адна агульная дэталь у нас ёсць дакладна: мы выбіраем адзін і той жа шлях.
Абодва засмяяліся. У гэтую секунду побач з імі спыніўся аўтамабіль, з якога пачуўся голас:
– Рабяты, вас падвезці? Сядайце!
– Мы прагульваемся, дзякуй вам! – пракрычалі рабяты.
– Добра, як гаворыцца, have a nice day! – вадзіцель аказаўся не без гумару.
У наступнае імгненне маладыя задумаліся аб адным і тым жа: што рабіць, павінен жа быць нейкі выхад? Не атрымаўшы і ў гэты раз адказу, яны зноў знайшлі тэму для гутаркі.
– У цябе ёсць сястра? – пацікавілася Таня.
– Няма, але хацелася б. А ў цябе, я так разумею, ёсць?
– Так! Яна ў мяне такая прыгажуня! «Мне пяць гадкоў», – так яна кажа! І гэтым відавочна ганарыцца. А ты б спяваў сваёй сястры калыханкі?
– Вядома, кожны вечар спяваў бы!
– А давай мы праспяваем з табой калыханку для маёй сапраўднай і тваёй будучай сястры! Хай сон у іх будзе заўсёды салодкі, – прапанавала Таня.
– З цудоўнымі і рознакаляровымі снамі! – дадаў Макс.
І ў сонечным небе пачуліся пяшчотныя галасы:
– Спят усталые игрушки, книжки спят, одеяла и подушки ждут ребят…

— С прекрасными и разноцветными сновидениями! — добавил Макс.
И в солнечном небе раздались любящие голоса:
— Спят усталые игрушки, книжки спят, одеяла и подушки ждут ребят…

2

С начала пути прошло более двенадцати часов. Идущие уже проголодались и не мешкая достали свои запасы с едой.
Время шло неумолимо. Усталость давала о себе знать покалыванием в ногах. Но переносить боль всегда легче, когда есть, с кем её разделить.
— Какой группы у тебя кровь? — поинтересовалась девушка.
— Продолжаешь искать общее? — с иронией в голосе произнёс Макс. — Вторая положительная.
— У меня первая. Значит, не в крови причина. Какие ты вещи взял с собой, кроме тёплых, средств гигиены и прочего?
— Понял, о чём ты! Из таких, чтоб со смыслом, — фотоаппарат. Учитывая моё положение и возможность, что в исследовании нашего с тобой врача я останусь, а значит, об этом могут узнать массы людей, я решил сделать фотографии. Ты ведь прекрасно понимаешь, что когда человек узнаёт день прощания с жизнью, его психология, восприятие мира меняются. Значит, и фотографии будут другими, — жестикулировал парень свободной рукой. — Подожди, в смысле, продолжай идти, я тебя догоню! — сорвался Макс и побежал в сторону поля.
Пока он бегал по полю, Татьяна достала свои «особенные вещи» — бумагу и заточенный карандаш. Она давно успела заметить видные черты лица Максима и принялась на ходу наносить их карандашом на поверхность листа. Она уловила его утончённые брови, устремлённые грустные глаза, растрёпанные волосы

2

...Ад пачатку шляху прайшло ўжо больш за дванаццаць гадзін. Яны дзіка прагаладаліся і не марудзячы дасталі свае запасы.

Час ішоў няўмольна. Стомленасць нагадвала пра сябе паколваннем ў нагах. Але пераносіць боль заўсёды лягчэй, калі ёсць з кім яго падзяліць.

– Якая ў цябе група крыві? – пацікавілася дзяўчына.

– Працягваеш шукаць агульнае? – з іроніяй у голасе прамовіў Макс. – Другая станоўчая.

– У мяне першая. Значыць, не ў крыві справа. Якія рэчы ты ўзяў з сабой, акрамя цёплых, сродкаў гігіены і іншага?

– Зразумеў, аб чым ты – такія, каб з сэнсам. Фотаапарат. Улічваючы маё становішча і магчымасць, што я застануся ў даследаванні нашага з табой урача, каб пра гэта маглі даведацца людзі, я вырашыў зрабіць фатаграфіі. Ты ж выдатна разумееш, што калі чалавек пазнае дзень развітання з жыццём, яго псіхалогія, успрыманне свету мяняюцца. Значыць, і фатаграфіі будуць іншымі, – жэстыкуляваў хлопец свабодным рукой. – Пачакай, у сэнсе, працягвай ісці, я цябе дагоню! – сарваўся Макс і пабег у бок поля.

Пакуль ён бегаў па полі, Таццяна дастала свае «асаблівыя рэчы» – паперу і завостраны алоўак. Яна даўно паспела заўважыць адметныя рысы твару Максіма і пачала на хаду наносіць іх алоўкам на паверхню ліста. Яна ўлавіла яго вытанчаныя бровы, рашучы позірк сумных вачэй, растрапаныя валасы і мілую ямачку на падбароддзі, якая з'яўляецца, калі ён пачынае іранізаваць ці жартаўліва сумуе.

Праз пару хвілін у руках Таццяны быў букет з палявых кветак, а ў руках Максіма – яго ўласны партрэт.

и милую ямочку на подбородке, появляющуюся, когда он начинал иронизировать или в шутку тосковать.

Через пару минут в руках Татьяны оказался букет из полевых цветов, а в руках Максима — портрет с его собственным изображением. Оба подарка пара прижала к груди как одни из самых дорогих на свете вещей. Как хочется в такую минуту остановиться, смотреть друг другу в глаза и поймать момент под названием «можно».

Танцуют облака, пляшут бабочки, качаются деревья, словно руки на концертах, держащие зажжённые зажигалки, яркость красок обжигает зрачки, всеобъемлющая любовь настигает и тебя!

— Тань!..

Девушка повела бровями вверх, как бы спрашивая: «Что?» — она обычно так делает, когда не хочет говорить.

— Спасибо тебе! Не спрашивай, за что! Просто спасибо.

Танцы! Увидав рядом с дорогой три берёзки, ребята побежали к ним, сбросили рюкзаки и начали танцевать, прыгать и размахивать руками, радуясь радуге в голове и на сердце, как маленькие беззаботные детишки. Некоторые водители, видя эту картину, сигналили им, дополняя гармонию сумасшествия.

Натанцевавшись и тем самым набрав себе задел активной работы сердца, мальчики удалились направо, а девочки — налево.

Наступал на пятки дню вечер. Чем ближе к ночи, организм, хочешь ты того или нет, начинает оберегать себя, приводя в боевую готовность все чувства, отвечающие за защитную реакцию во время опасности.

Держащие друг друга руки сжались крепче.

— Максим, о чём ты мечтаешь?

— Ты снайпер — это очень близкая для меня тема. Я ведь пианист. С самого детства мама повела меня в музыкальную школу, и с тех пор я прирос к этому

Абодва падарункі пара прыціснула да грудзей як адны з самых дарагіх на свеце рэчаў. Як хочацца ў такую хвіліну спыніцца, глядзець адзін аднаму ў вочы і злавіць момант пад назвай «можна».
Танчаць аблокі, скачуць матылькі, калышуцца дрэвы, нібы рукі на канцэртах, трымаючы запальніцы, яркасць фарбаў абпальвае зрэнкі, усеабдымная любоў наганяе і цябе!
– Тань!..
Дзяўчына ўзняла бровы, нібы пытаючыся: «Што?» – яна так робіць звычайна, калі не хоча гаварыць.
– Дзякуй табе! Не пытайся, за што! Проста дзякуй.
Танцы! Убачыўшы побач з дарогай тры бярозкі, рабяты пабеглі да іх, скінулі заплечнікі і пачалі танцаваць, скакаць і размахваць рукамі, радуючыся вясёлцы ў галаве і на сэрцы, як малая бесклапотная дзетвара. Некаторыя вадзіцелі, якія бачылі гэтую карціну, сігналілі ім, дапаўняючы гармонію вар'яцтва.
Натанцаваўшыся і тым самым набраўшы сабе запал актыўнай працы сэрца, хлопчыкі пайшлі направа, а дзяўчынкі – налева.
Наступаў на пяткі дня вечар. Чым бліжэй ноч, арганізм, хочаш ты таго ці не, пачынае ахоўваць сябе, прыводзячы ў баявую гатоўнасць усе пачуцці, якія адказваюць за ахоўную рэакцыю ў час небяспекі.
Рукі, адна ў адной, сціснуліся мацней.
– Максім, аб чым ты марыш?
– Ты снайпер – гэта вельмі блізкая для мяне тэма. Я ж піяніст. З самага дзяцінства мама павяла мяне ў музычную школу, і з тых часоў я прырос да гэтага выдатнага інструмента. Я ўсё жыццё іграю чужыя, хай і вялікія творы. А сваіх практычна няма. Мая мара – напісаць такую кампазіцыю, якая кранала б да глыбіні душы, будзіла пачуцці людзей,

прекрасному инструменту. Я всю жизнь играю чужие, пусть и великие произведения. А своих практически нет. Моя мечта — написать такую композицию, которая трогала бы до глубины души, будила чувства людей, если хочешь, даже вызывала слёзы, — в этот момент Максим сделал несколько плавных движений пальцами левой руки, — теперь твоя очередь, выкладывай.
— О, Максим, у тебя прекрасная мечта! Музыка, как ничто иное, способна повлиять на человека. Что касается меня, то моя мечта исполняется прямо в эту минуту! Раньше мне мешало осознание того, что я буду жить долго. Думала, успею почувствовать вкус существования. Сейчас же я в удовольствии ловлю каждый момент.
Оба переваривали сказанное и услышанное. Вскоре над ними нависло напряжение, и первой не выдержала Таня.
— Я хочу спать, — с явным раздражением произнесла она, — я иду уже почти сутки, не имея особой тренировки. Ты-то мужчина, выдержишь дольше. Оставишь меня или умрёшь рядом?
— Никто не умрёт! — не веря в свои слова, закричал Макс. — Если ты сдашься, я понесу тебя на руках, сколько смогу.
— Метров сто выдержишь, не больше, я тяжёлая, — минутная паника разрядилась смехом. — Я действительно устала, максимум, ещё пару часов, — и она зарыдала.
— А ну-ка возьми себя в руки, тряпка! Высуши слёзы! Мы выдержим…
Оба замолкли. Но первой снова заговорила Таня:
— Даже в гневе ты не отпустил мою руку, — произнесла она с улыбкой, — я живу в мечте, — как бы говоря это в сторону, — конечно, мы выдержим.
Уже стемнело. Петербург был позади километрах в пятидесяти. Таких маршбросков никогда в жизни никто из них не совершал.

калі хочаш, нават выклікала слёзы, – у гэты момант Максім зрабіў некалькі плаўных рухаў пальцамі левай рукі, – цяпер твая чарга, выкладвай.
– О, Максім, у цябе выдатная мара! Музыка, як ніштo іншае, здольная паўплываць на чалавека. Што тычыцца мяне, то мая мара спаўняецца прама ў гэтую хвіліну! Раней мне перашкаджала ўсведамленне таго, што я буду жыць доўга. Думала, што паспею адчуць смак існавання. Цяпер жа я з задавальненнем лаўлю кожны момант.
Абодва пераварвалі сказанае і пачутае. Неўзабаве над імі навісла напружанне, і першай не вытрымала Таня.
– Я хачу спаць, – з відавочным раздражненнем сказала яна, – я іду ўжо амаль суткі без асаблівай трэніроўкі. Ты ж мужчына, вытрымаеш даўжэй. Пакінеш мяне ці памрэш побач?
– Ніхто не памрэ! – не верачы ўласным словам, закрычаў Макс. – Калі ты здашся, я панясу цябе на руках, колькі змагу.
– Метраў сто вытрымаеш, не болей, я цяжкая, – хвілінная паніка разрадзілася смехам. – Я сапраўды стамілася, максімум, яшчэ пару гадзін, – і яна заплакала.
– А-ну вазьмі сябе ў рукі, ануча! Вытры слёзы! Мы вытрымаем...
Абодва змоўклі. Але першай зноў загаварыла Таня:
– Нават у гневе ты не выпусціў маю руку, – прамовіла яна з усмешкай, – я жыву ў мары, – кажучы гэта нібыта ўбок, – канечне, мы вытрымаем.

Сцямнела. Пецярбург быў ззаду – кіламетраў за пяцьдзясят. Такіх марш-кідкоў ніколі ў жыцці ніхто з іх не здзяйсняў.
Яны не ішлі, а пляліся, прыкладаючы сілы, каб перасоўваць ногі. Абодва выдатна разумелі, што ім яшчэ і сутак не вытрымаць, не тое што тыдзень.

Они не шли, а плелись, едва находя силы, чтобы передвигать ноги. Оба отлично понимали, что им ещё и суток не выдержать, не то что неделю.

Для разнообразия решили изменить маршрут и свернули с трассы. Новый путь шёл через лес. Иной раз было бы страшно, но сейчас уже всё равно.

Из лесной гущи за ними пристально наблюдал заблудший волк. Но смотрел он на них не как на шанс насытить свой голодный желудок, а как на бесстрашных, уважаемых воинов, сражающихся до последней капли крови.

Та часть леса, где они проходили, то замолкала, то начинала снова «болтать», обсуждая нежданных гостей, когда люди уходили дальше.

Молодые воины шли, сохраняя молчание. Дорога пошла вверх к высокому холму. Несмотря на это, идущие ускорили шаги, как будто у них появилась конкретная цель и они старались успеть к ней.

На выходе из леса подъём стал ещё круче. Показались просторы лежащих вокруг земель. Проснулся прохладный, усиливающийся ветер, придавая их телам бодрости и всячески отбивая желание уснуть на ходу.

Ребята сбросили рюкзаки, подозревая, что они им больше не понадобятся.

Вот уже из-за холма появилась заря — это солнышко с новым настроением вот-вот должно было начать очередной и такой важный день. Макс, подняв взгляд, немедля перешёл на бег, потянув за собой Таню.

— Быстрее, радость моя, быстрее! Мы должны это увидеть, пусть и в последний раз!

Они бежали изо всех сил, ноги вязли, присутствовало ощущение замедленного кадра. Казалось, в это мгновение всё и все до единого на планете и за её пределами смотрели исключительно на них.

Хотелось кричать, плакать навзрыд. Сносило голову! Буря чувств, переживаний, боли никого не щадила.

Максим и Татьяна добежали на самый верх холма. Рухнули в изнурении на колени и зарыдали то ли от страха, то ли от счастья.

Для разнастайнасці вырашылі змяніць маршрут і збочылі з трасы. Новы шлях ішоў праз лес. Раней было б страшна, а цяпер ужо ўсё роўна.

З лясной гушчэчы за імі пільна назіраў бадзяга-воўк. Але глядзеў ён на іх не як на шанц насыціць свой галодны страўнік, а як на бясстрашных, шаноўных воінаў, якія змагаюцца да апошняй кроплі крыві.

Тая частка лесу, дзе яны праходзілі, то замаўкала, то пачынала зноў «балбатаць», абмяркоўваючы нечаканых гасцей, калі людзі сыходзілі далей.

Маладыя воіны ішлі, захоўваючы маўчанне. Дарога пайшла ўверх да высокіх пагоркаў. Нягледзячы на гэта, яны паскорылі крокі, як быццам у іх з'явілася пэўная мэта, і яны імкнуцца паспець да яе.

На выхадзе з лесу пад'ём стаў яшчэ больш стромкі. Раскінуліся абшары зямлі. Прачнуўся халаднаваты вецер, які ўзмацняўся з кожным крокам, надаючы целам бадзёрасці і зносячы жаданне заснуць на хаду.

Яны скінулі заплечнікі, падазраючы, што яны ім больш не спатрэбяцца.

Вось ужо з-за ўзгорка паказалася зара – гэта сонейка з новым настроем вось-вось павінна было пачаць чарговы і такі важны дзень. Макс, гледзячы ўгору, перайшоў на бег і пацягнуў за сабой Таню.

– Хутчэй, радасць мая, хутчэй! Мы павінны гэта ўбачыць, хай і ў апошні раз!

Яны беглі з усяе сілы, ногі грузлі, усё адчувалася як у замедленым кадры. Здавалася, у гэтае імгненне ўсё і ўсе да аднаго на планеце і за яе межамі глядзелі выключна на іх.

Хацелася крычаць, плакаць наўзрыд. Зрывала галаву! Бура пачуццяў, перажыванняў, болю не давала літасці нікому.

Максім і Таццяна дабеглі на самую вяршыню ўзгорка. Паваліліся ў знямозе на калені і заплакалі, ці то ад страху, ці то ад шчасця.

Солнце начинало свой путь к восходу, озаряя лица мальчика и девочки. Они смотрели друг другу в глаза, и считали удары сердца, количество которых уменьшалось с каждой секундой.
В это мгновение в глазах уже не было страха — царило нечто новое, что только предстояло узнать. Под нежность мелодии чарующего солнца и минорного ветра вокруг звучала совершенная композиция.
Настал момент под названием «можно», и их губы восторженно соприкоснулись. Сердца, которые только-только собирались остановиться, забились снова, с ещё большей жизненной силой, и не собирались больше останавливаться.
Человек, наблюдавший за ними в бинокль издалека, напротив строки «лекарство для излечения патологии» написал слово «ЛЮБОВЬ».

Сонца пачынала свой шлях на ўсход, азараючы твары юнака і дзяўчыны. Наноў народжаныя, яны глядзелі адно аднаму ў вочы і лічылі ўдары сэрца, колькасць якіх памяншалася з кожнай сякундай.

У гэты момант у іх вачах ужо не было страху – там панавала нешта новае, што толькі прадстаяла спазнаць. Пад пяшчотнай мелодыяй чаруючага сонца і мінорнага ветру наўкол гучала дасканалая кампазіцыя.

Надышоў момант пад назвай «можна», і іх вусны захоплена сустрэліся.

Сэрцы, якія толькі-толькі павінны былі спыніцца, забіліся зноў, з яшчэ большай жыццёвай сілай, і спыняцца больш не збіраліся.

Чалавек, які здалёк назіраў за імі ў бінокль, насупраць радка «лекі для лячэння паталогіі» вывеў слова «КАХАННЕ».

Татьяна Захаренко

Таццяна Захаранка

Татьяна Захаренко родилась в 1996 году в городе Калинковичи Гомельской области. В 2013 году поступила в Белорусский государственный медицинский университет на медико-профилактический факультет.

Таццяна Захаранка нарадзілася ў 1996 годзе ў горадзе Калінкавічы Гомельскай вобласці. У 2013 годзе паступіла ў Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт на медыка-прафілактычны факультэт.

— Арсентьевна, хватит! Я не могу больше задерживать товарищей уполномоченных. И так уже две недели вожу их вокруг да около. Глядишь, донесут куда надо, — тут Мишка перешёл на шёпот, — полетят шапки с голов наших, моей и Казимирыча. Завтра мы придём.

— Так, Мишка, Лексей-то в бреду лежит! Куда мы с ним таким поедем? Куда? — отчаянно завыла Арсентьевна.

— Может, вступишь в колхоз, а? Уж я как-нибудь улажу.

— Да ты что! — ошарашенно вскрикнула Арсентьевна, а если точнее — Светлана Арсентьевна Дерягина. — Лексей против колхозу. Не бывать тому, чтоб я мужу перечила. Как он сказал, так и будет. И даже если он не понимает, что творится вокруг.

— Ай, дура! Вышлют же! Лексей и так помирает!

— Не помирает Лексей! Не пойду в колхоз. Иди вон, Мишка. Видеть тебя не хочу.

Мишка сплюнул.

— Ладно… Увидимся завтра. Скотину хоть прирежь, совет мой тебе.

— Разберусь. Прощевай.

Он молча ушёл, и осталась Арсентьевна одна на крыльце. Причудливо выписывал узоры ледяной ветер, обретая форму при помощи летящего снега. Светлана прошла в дом. Керосиновая лампа дарила мало света. Однако горел он хотя и тускло, но обнадёживающе. «Скотину и впрямь лучше прирезать... — подумала она. — Лексея положим в сани, авось выживет, детей подле себя посажу. Ах, покажу я вам всем, ироды!» — пригрозила неизвестно кому кулаком. Хотя отчего же неизвестно? Власти большевистской пригрозила, им, родимым, всем до единого, придумавшим проклятую коллективизацию. Беззвучно заплакала Арсентьевна, прилегла на лавку да так там и заснула.

КАРА НЯБЕСНАЯ

– Арсенцьеўна, хопіць! Я ўжо не магу больш затрымліваць таварышаў упаўнаважаных. І так ужо два тыдні ваджу іх вакол ды каля. Глядзіш, данясуць куды трэба, – тут Мішка перайшоў на шэпт, – паляцяць шапкі з галоў нашых, маёй ды Казімірыча. Заўтра мы прыйдзем.

– Дык, Мішка, Ляксей жа ляжыць, трызніць! Куды мы з ім такім паедзем? Куды? – загаласіла Арсенцьеўна.

– Можа, уступіш у калгас, га? Я ўжо сам неяк уладжу.

– Ды ты што! – агаломшана ўскрыкнула Арсенцьеўна, а калі дакладна – Святлана Арсенцьеўна Дзярагіна. – Ляксей супраць калгасу. Не будзе таго, каб я мужу пярэчыла. Як ён сказаў, так і станецца. І нават калі ён ні чорта не разумее, што творыцца наўкола.

– Ай, дурніца! Вышлюць жа! Ляксей і так памірае!

– Не памірае Ляксей! Не пайду ў калгас. Ідзі прэч, Мішка. Бачыць цябе не хачу.

Мішка плюнуў.

– Добра... Убачымся заўтра. Скаціну хоць парэж, раю табе.

– Разбяруся. Бывай здаровы.

Ён моўчкі сышоў, і Арсенцьеўна засталася адна на ганку. Маляваў снегам у паветры ўзоры ледзяны вецер. Святлана прайшла ў дом. На закрытай верандзе лямпа дарыла кавалачак святла. Але цьмяна. Цьмяна ды абнадзейліва. Баба стала думаць. «Скаціну і праўда лепш парэзаць... Ляксея пакладзем у санкі, мо выжыве, дзяцей каля сябе пасаджу. От, пакажу я вам, ірады!» – пагразіла невядома каму кулаком. Хаця чаму ж невядома? Уладзе бальшавіцкай пагразіла, ім, родным, усім да аднаго, хто прыдумаў праклятую калектывізацыю. Бязгучна заплакала Арсенцьеўна, прылегла на лаву ды так там і заснула.

На дворе была зима. Три недели назад Лексей отправился на охоту и неожиданно получил вместо добычи воспаление лёгких. Крепкий мужчина двухметрового роста до этого всегда отличался богатырским здоровьем. На восточном фронте самой известной мясорубки дореволюционного времени санитарные повозки российского войска и знать не знали рядового Дерягина. Судьба Лексея не торопила отдавать жизнь за царя. А вот год тысяча девятьсот семнадцатый изменил жизнь не только всей державы, но и бравого рядового. Аккурат во время февральского переворота и отняли ногу доктора аж до колена. Немецкий пулемёт, брат, это тебе не шутки. Тогда и отбыл домой солдат, но пыла не растерял, работал за троих. Ну так как же Лексей подхватил это окаянное воспаление, которое в итоге... Но не будем забегать вперёд.
Советскую власть умный и дальновидный крестьянин принял неохотно, но виду не подал. Помещиком их был Иван Алексеев, а в лихом восемнадцатом году его расстреляли. Так и перешёл кусок земли Лексею. Светлана ждала его во время войны, почти до тридцати лет в девках сидела. И дождалась, чёрт возьми, дождалась! Хотя и сватались к ней многие, в том числе и Мишка. И вот, казалось, зажили, наладили хозяйство. Однако Дерягин не верил большевикам и обречённым голосом шептал по ночам Светлане: «Не верю я им, Арсентьевна, наобещали много, вроде дали свободным воздухом подышать, а неспокойно мне. Чую, заберут всё, как в гражданку забирали... А я, я же как проклятый пашу!».
А потом — «кулак». Вот те на! Лексей-то? Да «кулак»? Враг советской власти? Не может быть! Вы что-то путаете!
Несмотря на, казалось бы, крепкую дружбу с односельчанами, был он в родной деревне как бельмо на глазу. Душила людей зависть, близкая подруга предательства и слепой ненависти. Подошла пора коллективизации, и Лексей наотрез отказался вступать в колхоз. Уж как ни умоляла его жена, не согласился. Стучал кулаком по столу и яростно кричал: «Чтоб я — да в колхоз? Чтоб моими

На двары была зіма. Тры тыдні таму Ляксей выправіўся на паляванне, дзе зусім нечакана атрымаў замест здабычы запаленне лёгкіх. Дужы мужчына двухмятровага росту да гэтага заўсёды вылучаўся здароўем волата. На ўсходнім фронце самай знанай мясарэзкі дарэвалюцыйных часоў санітарныя вазы расійскіх войскаў і ведаць не ведалі радавога Дзярагіна. Лёс не спяшаўся прымушаць Ляксея аддаваць жыццё за цара. А вось год тысяча дзевяцьсот сямнаццаты змяніў жыццё не толькі ўсёй дзяржавы ў цэлым, але і бравага радавога. Акурат падчас лютаўскага перавароту і аднялі нагу дактары ажно да калена. Нямецкі кулямёт, братка, гэта не жарты. Тады і адбыў дадому салдат, але запалу не страціў, працаваў за трох. Ну дык што ж прымусіла Ляксея падхапіць гэта праклятае запаленне, якое ў выніку... Але не будзем забягаць наперад.
Савецкую ўладу разумны і абачлівы селянін прыняў неахвотна, але выгляду не падаў. Панам іх быў Іван Аляксееў, а расстралялі яго ў ліхім васямнаццатым годзе. Так і перайшоў кавалак зямлі Ляксею. Святлана ж чакала яго падчас вайны, амаль да трыццаці гадоў у дзеўках сядзела. І дачакалася, чорт бяры, дачакалася! Хоць і сваталіся да яе многія, у тым ліку і Мішка. І вось, здавалася б, зажылі, гаспадарку справілі. Ды Дзярагін не верыў бальшавікам і вырачана шаптаў па начах Святлане: «Не веру я ім, Арсенцьеўна, наабяцалі шмат, нібыта далі вольным паветрам падыхаць, а неспакойна мне. Чую, забяруць усё, як у грамадзянку забіралі... А я ж, я ж як пракляты ару!».
А потым – «кулак». Вось табе на! Ляксей? Ды «кулак»? Вораг савецкай улады? Не можа быць! Блытаеце, таварышы!
Нягледзячы на, здавалася б, моцнае сяброўства з аднавяскоўцамі, быў ён у роднай вёсцы як бяльмо на воку. Душыла людзей зайздрасць, блізкая сяброўка здрады і сляпой нянавісці. Надышла пара калектывізацыі, і Ляксей наадрэз адмовіўся ўступаць у калгас. Як ні прасіла яго жонка, не пагадзіўся. Грукаў кулаком па стале

лошадьми землю боронил этот нищий Ярошкин? Ивановы? Верёвкина со своим ленивым отродьем? Пока жив буду, не пойду!» — упёрся Лексей. Поначалу ситуацию пытался уладить Мишка Скоробогатый, тот самый, который сватался к Светлане. Годы шли, а он так и не женился. Все знали, что любил он Арсентьевну ничуть не меньше, чем раньше. И почти все бабы на деревне тайно завидовали: ишь ты, почти сорок ей, а ухажёр до сих пор есть! Лексей не ревновал, кажется, даже был рад такому удивительному помощнику. Поначалу как-то умудрялась их семья не попадать в чёрные списки. А потом уж приехали товарищи из города. «Двадцатипятитысячники».

На весь район было их двенадцать человек, как апостолов. Апостолов, абсолютно ничего не смыслящих в сельском быте и, между нами говоря, в деревне оказавшихся чуть ли не первый раз в жизни. Но все они, все до единого рвались помочь крестьянству, опьянённые пропагандистским энтузиазмом и желанием как можно быстрей привести партийный корабль к заветной мечте — коммунизму. «Кулаков» извольте выкинуть с нашего судна, так сказать, очистить его от нежелательных элементов! Лексей Дерягин, до того, как счастливый случай распорядился его судьбой и заставил слечь и забыться в сладостном бреду, даже и не предполагал, что товарищи уполномоченные из города скоро прибудут в их деревню. А посему от колхоза воинственно отрекался.

А уж когда вышел он из игры, побежала Арсентьевна к Мишке Скоробогатому и взмолилась, чтобы к ним «двадцатипятитысячники» пришли в последнюю очередь. Ведь Мишка был председателем колхоза. Тот обещался помочь, по причине, известной всей деревне.

Но подошёл срок семьи Дерягиных, и даже Мишка, так рьяно оберегавший свою возлюбленную, решил, что собственная жизнь и свобода ему важней, чем жизнь и свобода другого человека. Председатель просто умыл руки и ушёл, оставив Светлану в одиночку противостоять машине раскулачивания.

і люта прыкрыкваў: «Каб я – ды ў калгас? Каб маімі коньмі зямлю баранаваў гэты жабрак Ярошкін? Івановы? Вяроўкіна са сваімі вырадкамі гультаяватымі? Пакуль жывы буду, не пайду!» – упёрся Ляксей. Спачатку справу спрабаваў уладзіць Мішка Скарабагаты, той самы, які сватаўся да Святланы. Гады ішлі, а ён так і не ажаніўся. Усе ведалі, што любіў ён Арсенцьеўну, ды не менш, чым раней. Амаль усе бабы на вёсцы зайздросцілі таемна: бач ты, амаль сорак ёй, а прыхільнік дагэтуль ёсць! Ляксей не раўнаваў, а, здаецца, нават быў рады такому дзіўнаму памочніку. Спачатку неяк удавалася іх сям'і не патрапляць у «чорныя спісы». А потым прыехалі таварышы з горада. «Дваццаціпяцітысячнікі».

На ўвесь раён было іх дванаццаць чалавек, як апосталаў. Апосталаў, якія зусім нічога не разумеюць у сялянскім побыце, і, паміж намі кажучы, у вёску патрапілі ледзь не ўпершыню ў жыцці. Але ўсе яны, усе да аднаго ірваліся дапамагчы сялянству, ап'янёныя прапагандысцкім энтузіязмам і жаданнем як мага хутчэй прывесці партыйны карабель да запаветнай мары – камунізму. «Кулакоў» выкінуць з нашага карабля, так бы мовіць, ачысціць яго ад непажаданых элементаў! Ляксей Дзярагін да таго, як шчаслівы выпадак распарадзіўся яго лёсам і прымусіў злегчы ды забыцца ў трызненні, нават і не меркаваў, што таварышы ўпаўнаважаныя з горада так хутка прыбудуць у іх вёску. А таму ад калгаса ваяўніча адхрышчваўся.

А як выйшаў ён з гульні, пабегла Арсенцьеўна да Мішкі Скарабагатага і ўзмалілася, каб да іх «дваццаціпяцітысячнікі» прыйшлі ў апошнюю чаргу. Мішка ж быў старшынёй калгаса. І абяцаўся дапамагчы па прычыне, вядомай ўсёй вёсцы.

Але выйшаў тэрмін сям'і Дзярагіных, і нават Мішка, які так заўзята аберагаў сваю каханую, вырашыў, што ўласнае жыццё і свабода яму даражэй за жыццё і свабоду іншага чалавека. Таварыш старшыня проста ўмыў рукі і сышоў, пакінуўшы Святлану ў адзіночку супрацьстаяць машыне раскулачвання.

* * *

О, это была волшебная ночь! Сугробы были белоснежными, воздух — пронзительно морозным, а небо… Доведётся ли нам увидеть такое небо хотя бы ещё раз в бренной жизни? Обитель Божья была чёрной, как коса цыганки, а звёзды сияли так притягательно, что хотелось оторваться от горестной земли и умчаться ввысь, к покою и радости. Да, такая ночь подошла бы к сказочной истории, и только к ней. Но, увы, жизнь уже давно перестала быть сказкой. Да и была ли она ей? В реальной жизни Светлана тревожно спала на лавке. К слову, несмотря на взвинченное состояние, спала она беспробудно до десяти часов утра, когда в сени уже стучали Мишка, секретарь партячейки Анатолий Казимирыч и те самые «апостолы», в количестве, правда, всего двух. Как вы уже поняли, никакую скотину Светлана прирезать не успела, равно как и не успела умыть и одеть детей.

Но пока была ночь, и дети тоже спали, спали крепко и удивительно легко, так как совсем не подозревали о том, что должно случиться. Им снились большие лошади, полностью сотворённые из пряника. Глаза у лошадей были карамельные, а копыта были кусками сладкого пирога, который иногда готовила мать. Дети, совершенно счастливые, скакали на лошадях по кристально чистому снегу. Им было жарко, несмотря на то, что они были одеты в лёгкие костюмчики, которые прошлым летом батька привез из райцентра. Счастливое место — благостные детские сны! И даже ужасы окружающей действительности не смогут, слышите, не смогут чёрным вихрем ворваться в это охраняемое царство и навести там шороха.

Лексей же спал как-то неясно, размыто. Или не спал вовсе? То снились, то мерещились ему всю ночь какие-то непонятные образы каких-то непонятных людей, и не знал Лексей, кто это, и было Лексею страшно, так страшно, что этот

* * *

О, гэта была дзівосная ноч! Гурбы былі беласнежныя, паветра – пранізліва марознае, а неба... Ці давядзецца нам убачыць такое неба хаця б яшчэ раз у тленным жыцці? Абіцель Божая была чорная, як каса цыганкі, а зоркі ззялі так прыцягальна, што хацелася адарвацца ад горкай зямлі ды паімчаць увышкі, да спакою і радасці. Так, такая ноч пасавала б да казачнай гісторыі, і толькі да яе. Але, на жаль, жыццё ўжо даўно перастала быць казкай. Дый ці было яно ёй? У сваім рэальным жыцці Святлана трывожна спала на лаўцы. Дарэчы, нягледзячы на ўзрушаны стан, спала яна непрабудна да дзясятай гадзіны раніцы, калі ў сенцы ўжо грукалі Мішка, сакратар партячэйкі Анатоль Казіміравіч ды тыя самыя «апосталы», у колькасці, праўда, усяго двух штук. Як вы ўжо зразумелі, ніякую скаціну Святлана прырэзаць не паспела, як і не паспела памыць ды апрануць дзяцей.
Але пакуль была ноч, і дзеці таксама спалі, спалі моцна і неверагодна лёгка і не падазравалі таго, што павінна здарыцца. Ім сніліся вялікія коні, цалкам з пернікаў. Вочы ў коней былі карамельныя, а капыты аказаліся кавалкамі салодкага пірага, які часам гатавала маці. Дзеці, шчаслівыя, скакалі на конях па крышталёва чыстым снезе. Ім было горача, нягледзячы на тое, што яны былі апранутыя ў лёгкія парадныя касцюмчыкі, якія летась бацька прывёз з райцэнтра. Шчаслівае месца – цудоўныя дзіцячыя сны! І нават жахі рэчаіснасці не змогуць, чуеце, не змогуць чорнай віхурай уварвацца ў гэтае патаемнае царства і навесці там шоргату.
Ляксей жа спаў неяк незразумела, размыта. Ці не спаў зусім? То сніліся, то трызніліся яму ўсю ноч нейкія незразумелыя вобразы нейкіх незразумелых людзей, і не ведаў Ляксей, хто гэта, і было Ляксею страшна, так страшна, што гэты адважны чалавек бег ад іх з усіх ног ды забег у нейкі лес. Ды толькі і там не знайшоў спакою. Лес раптам загарэўся агнём чырвоным, ярка-пунсовым, ды чаго тут хаваць, крывавым агнём. Ад

храбрый человек бежал от них со всех ног, бежал в какой-то лес. Да только и там не нашёл покоя. Лес вдруг загорелся огнём красным, ярко-алым, да чего тут таить! — кровавым огнём. От ужаса Лексей застыл на месте, и привиделось ему, что пламя то безжалостно пожирает людей, одетых богато и бедно, имеющих разные оттенки кожи и разного цвета волосы. Были там и дети, и женщины, и мужчины. Никого не жалел огонь, и вдруг заплакал Лексей, повалился на землю и распластался на ней.

А уже ближе к утру его рассудок помешался окончательно.

А что же Мишка Скоробогатый делал в эту ночь? Нет, не угадали. Он не спал, как спали все жители деревни. Мишка сидел за грубым деревянным столом в своей комнате. Левая рука его подпирала подбородок, а левое полушарие мозга считало не часы даже, а минуты до того страшного часа, когда придётся ему вставать с этого стула, одеваться и идти вместе с товарищами уполномоченными и Казимирычем раскулачивать любимую женщину. В это же время всё то же левое полушарие пыталось заглушить любовь и заставляло думать о собственной шкуре. «У меня же мать, отец... На кого я их оставлю-то? И вообще, дружба дружбой, а служба...» — Мишка не успел додумать, как внезапно ехидный и злорадный голос, его собственный, сказал в пустоту: «Да ты просто трус, Михал Фёдорыч!». Но Мишка знал это и без противного голоса. Уронив голову на руки, он беспомощно заплакал, не зная, что в эту самую минуту в своём страшном видении плачет и Лексей.

Вот так и прошла эта совершенно удивительная ночь, а за ней, осторожно ступая, пришло не менее удивительное утро двадцать пятого февраля тысяча девятьсот тридцатого года.

Когда Лексей проснулся, за окном было светло, но странным образом этот свет нисколько не наполнял его душу. Было ему неспокойно, но Лексей никак не мог припомнить, что именно терзало его ночью. Кроме того, непонятная

жаху Ляксей застыў на месцы, і здалося яму, што полымя бязлітасна паглынае людзей, апранутых багата і бедна, з рознага колеру скурай і валасамі. Былі там і дзеці, і жанчыны, і мужчыны. Нікога не шкадаваў агонь, і раптам заплакаў Ляксей, паваліўся на зямлю і ў роспачы распластаўся на ёй.
А ўжо бліжэй да раніцы яго розум звар'яцеў канчаткова.
А што ж Мішка Скарабагаты рабіў гэтай ноччу? Не, не адгадалі. Ён не спаў, як спалі ўсе жыхары вёскі. Мішка сядзеў за грубым драўляным сталом у сваім пакоі. Левая рука яго падпірала падбароддзе, а левае паўшар'е мозгу лічыла не гадзіны нават, а хвіліны да тае страшнай гадзіны, калі прыйдзецца яму ўставаць, апранацца ды ісці разам з таварышамі ўпаўнаважанымі і Казімірычам раскулачваць каханую Святлану. У той жа час усё тое ж левае паўшар'е спрабавала заглушыць любоў і прымушала думаць пра ўласную шкуру. «У мяне ж маці, бацька... На каго я іх пакіну-та? І наогул, сяброўства сяброўствам, а служба...» – Мішка не паспеў дадумаць, як раптам яхідны і зларадны голас, яго ўласны, прамовіў у пустэчу: «Ды ты проста баязлівец, Міхал Фёдарыч!». Але Мішка ведаў гэта і без брыдкага голасу. Паклаўшы галаву на рукі, ён бездапаможна заплакаў, не ведаючы, што ў гэтую самую хвіліну ў сваім страшным трызненні плача і Ляксей.
Вось так і прайшла гэтая дзіўная ноч, а за ёй, асцярожна ступаючы, прыйшла не менш дзіўная раніца дваццаць пятага лютага тысяча дзевяцьсот трыццатага года.
Калі Ляксей прачнуўся, за акном было светла, але дзіўным чынам гэтае святло ніколькі не напаўняла яго душу. На ёй было неспакойна, і Ляксей ніяк не мог прыгадаць, што менавіта турбавала яго ноччу. Акрамя таго, незразумелы цяжар разліўся па целе. Ён адчуваў, што яно слабое і бездапаможнае. У грудзях трывожна білася сэрца і балела нешта, балела невядома чаму і навошта. Ляксей з цяжкасцю сеў на ложку і раптам пачуў, як у двары плачуць яго родныя дзеці. Мозг апаліла

тяжесть разлилась по телу. В груди тревожно билось сердце, и болело что-то, болело непонятно отчего. Лексей с трудом сел на кровати и вдруг услышал, как во дворе плачут его родимые дети. Мозг прожгла ошеломительная мысль: «Немцы, немцы в деревне! Ну, держись, шакалы! Только бы успеть, пока в хату не зашли!».

Стараясь производить как можно меньше шума, Лексей поднялся с кровати и медленно стал пробираться к шкафу, где лежало охотничье ружьё.

Ружьё было на месте. Через три минуты, идя с большим трудом, Лексей очутился в сенях. Надев тулуп и сунув свою единственную ногу в валенок, он открыл дверь деревяшкой, заменявшей потерянную конечность. «Немцы, немцы там, добрались-таки, ироды, до деревни!»

Тысячу раз сон этот снился Лексею, и теперь его больной мозг обратил сон в явь. Дверь с грохотом открылась, зазвенели стекла в окнах на деревянной, жёлтого цвета стене. Лексей увидел жену, детей и, как и ожидал, двух немцев, одетых почему-то в штатское. Были тут и Мишка Скоробогатый с Казимирычем. Появление двух последних не вполне соответствовало представлению Лексея о захвате дома немцами. Но мозг сразу выкрутился и мгновенно причислил местных к предателям. За забором что-то выглядывала почти половина жителей деревни. «Эти-то что здесь забыли?» — мимоходом заметил Лексей и направил ружьё на немцев.

Один из «апостолов» сглотнул слюну и как-то совсем по-женски в страхе поднёс ладонь ко рту. Второй неожиданно для всех и, может, для самого себя, неуверенно перекрестился. Их лица были почти такие же белые, как снег, который ночью намело на весь двор. Светлана почему-то улыбалась (может, тоже с ума сошла), а Мишка с Казимирычем просто стояли разинув рты. Дети мигом перестали реветь и уставились на отца. Тот выглядел страшно. Три недели без сознания дали о себе знать. Рыжая борода была всклоченной, огромные синяки под глазами

ашаламляльная думка: «Немцы, немцы ў вёсцы! Ну, трымайцеся, шакалы! Толькі б паспець, пакуль у хату не зайшлі!».
Стараючыся рабіць як мага менш шуму, Ляксей цяжка падняўся з ложка і стаў павольна прабірацца да шафы, дзе ляжала паляўнічая стрэльба.
Стрэльба была на месцы. Праз тры хвіліны, ступаючы з вялікай цяжкасцю, Ляксей апынуўся ў сенцах. Надзеўшы кажух і сунуўшы цэлую нагу ў валёнак, ён адчыніў дзверы драўляным пратэзам. «Немцы, немцы там, дабраліся-такі, ірады, да вёскі!»
Тысячу разоў сон гэты сніўся Ляксею, а цяпер яго хворы мозг перамяніў сон у яву.
Дзверы з грукатам адчыніліся, і зазвінелі шыбы ў вокнах жоўтай драўлянай сцяны. Ляксей убачыў жонку, дзяцей і, цалкам чакана, двух немцаў, апранутых чамусьці ў цывільнае. Былі тут і Мішка Скарабагаты з Казімірычам. З'яўленне двух апошніх не адпавядала ўяўленням Ляксея пра захоп дома немцамі. Але мозг адразу выкруціўся і імгненна прылічыў мясцовых да здраднікаў. За плотам штось выглядвала амаль палова жыхароў вёскі. «Гэтыя што тут забыліся?» – між іншым падумаў Ляксей і навёў стрэльбу прама на немцаў.
Адзін з «апосталаў» пракаўтнуў сліну і неяк зусім па-жаночы ў сполаху паднёс далонь да рота. Другі нечакана для ўсіх і ў першую чаргу для самога сябе няўпэўнена перахрысціўся. Іх твары былі амаль такія ж белыя, як снег, што за ноч захінуў увесь двор. Святлана чамусьці ўсміхалася (можа, таксама з глузду з'ехала), а Мішка з Казімірычам проста стаялі раты разявіўшы. Дзеці імгненна перасталі раўці і ўтаропіліся ў бацьку. Той выглядаў страшна. Тры тыдні гарачкі далі пра сябе знаць. Цудоўная рудая барада выглядала недагледжанай, велізарныя сінякі пад вачыма колерам былі падобныя на бяззорнае начное неба. З расхрыстанай кашулі віднелася валасатая грудзіна.
У маўчанні прастаялі яны секунд дзесяць. За плотам нехта крычаў: «Аляксей, ты чаго-о-о?».

походили на беззвёздное ночное небо. Сквозь распахнутую рубаху виднелась волосатая грудь.
В молчании простояли они секунд десять. За забором кто-то кричал: «Алексей, ты чего-о-о?».
Но мозг Лексея блокировал эти слова, сужая сознание лишь до восприятия людей, находящихся непосредственно во дворе. Товарищи уполномоченные, не сговариваясь, меленькими шажками начали пятиться к калитке.
— Стоять, дрянь! — взревел Алексей, в этот момент очень похожий на бурого медведя.
— Аккуратней, товарищ! — стараясь придать голосу как можно больше строгости, крикнул «двадцатипятитысячник». — Вы позволяете себе оскорблять должностных лиц! Вам это может дорого обойтись!
— У-у-у! По-нашему умеешь размовлять. И где выучился только... — пробормотал Лексей, но ружьё не убрал.
Единственный, кто по-настоящему понял, в чём дело, был Казимирыч. До революции Казимирыч был не кем-нибудь, а фельдшером. Пока «апостолы» пытались говорить с Лексеем, секретарь партячейки тихо прошептал Мишке:
— Он умом повредился. Надо бы осторожней.
Мишка кивнул и, стараясь прикрыть детей и Светлану, раскинув руки, пошёл к крыльцу.
— А ты куда, иуда? — усмехнулся Лексей. — Пошёл вон!
Но Мишка продолжал идти, улыбаясь, как ему казалось, успокаивающе.
Через несколько секунд по холодному и безразличному снегу стала растекаться горячая кровь из головы человека, который ночью называл себя трусом. Пуля по намеченной траектории достигла затылочной кости Мишки, когда тот повернул голову, чтобы посмотреть, защищена ли от собственного безумного мужа любимая Светлана. Её лик освещался солнцем. И этот образ светлой женщины

Але мозг Ляксея блакіраваў гэтыя словы, звужаючы свядомасць толькі да ўспрымання людзей, якія знаходзяцца непасрэдна на двары. Таварышы ўпаўнаважаныя, не змаўляючыся, дробненькімі крокамі пачалі адыходзіць да брамкі.
– Стаяць, дрэнь! – зароў Аляксей, у гэты момант страшна падобны на бурага мядзведзя.
– Акуратна, таварыш! – імкнучыся надаць голасу як мага больш строгасці, выгукнуў «дваццаціпяцітысячнік». – Вы дазваляеце сабе абражаць службовых асоб! Вам гэта можа дорага абысціся!
– У-у-у! Па-нашаму ўмееш брахаць. І дзе вывучыўся толькі... – прамармытаў Ляксей, але стрэльбы не прыбраў.
Адзіны, хто па-сапраўднаму зразумеў, у чым справа, быў Казімірыч. Бо да рэвалюцыі Казімірыч быў не кім-небудзь, а фельчарам. Пакуль «апосталы» вялі свецкую гутарку з Ляксеем, сакратар партячэйкі ціха прашаптаў Мішку:
– Ён розум страціў. Трэба было б асцярожней.
Мішка кіўнуў і, імкнучыся прыкрыць дзяцей і Святлану, раскінуўшы рукі, пайшоў да ганка.
– А ты куды, юда? – пасміхнуўся Ляксей. – Пайшоў прэч!
Але Мішка працягваў ісці, усміхаючыся, як яму здавалася, заспакаяльна.
Праз некалькі секунд па халодным і абыякавым снезе пацякла гарачая кроў з галавы чалавека, які ноччу называў сябе баязліўцам. Куля прабіла патыліцу Мішкі, калі той павярнуў галаву, каб паглядзець, ці абаронена ад уласнага мужа-вар’ята каханая Святлана. Яе аблічча было асветлена сонцам. І гэты вобраз светлай жанчыны з сонечным німбам быў апошнім, што ўбачыў у сваім жыцці Міхаіл Фёдаравіч Скарабагаты.
За плотам пачалася паніка.

с солнечным нимбом был последним, что увидел в своей жизни Михаил Фёдорович Скоробогатый.

За забором возникла паника.

А Лексея била дрожь. Он прошёл всю войну, но никогда не доводилось ему лишать жизни безоружного человека. В этот раз он даже не успел подумать, а ружье уже породило пулю. Лексей бросил орудие убийства и упал на колени. Остальные, кроме детей и Светланы, беспомощно столпились возле трупа. Зеваки открыли калитку и стали забегать во двор. Хозяйка ни с кем не здоровалась. Она присела на корточки, обняла плачущих детей и подумала: «Что же будет теперь?».

Ляксея калаціла. Ён прайшоў усю вайну, але ніколі не даводзілася яму пазбаўляць жыцця безбройнага чалавека. Ён нават не паспеў падумаць, а стрэльба ўжо спарадзіла кулю. Ляксей кінуў прыладу забойства і ўпаў на калені. Астатнія, апрача дзяцей і Святланы, бездапаможна згуртаваліся каля трупа. Разявакі адчынілі брамку і купкамі сталі забягаць у двор. Гаспадыня з імі не віталася. Яна прысела на кукішкі, абняла дзяцей, якія румзалі, і падумала: «Што ж цяпер будзе?».

Вячеслав Котов

Вячаслаў Котаў

Вячеслав Котов родился 4 февраля 1994 года в Витебске в семье врачей. Окончил школу, учится на лечебном факультете Витебского государственного медицинского университета. Поступив в университет, стал заниматься литературой. На третьем курсе организовывал литературные вечера — как университетские, так и городские. На университетской конференции представил творческую работу по философии, за которую автору была присвоена первая категория. В настоящее время — студент 5 курса. Литература занимает огромную часть жизни молодого писателя.

Вячаслаў Котаў нарадзіўся 4 лютага 1994 года ў Віцебску ў сям'і ўрачоў. Скончыў школу, вучыцца на лячэбным факультэце Віцебскага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта. Паступіўшы ва ўніверсітэт, стаў займацца літаратурай. На трэцім курсе арганізоўваў літаратурныя вечарыны – як універсітэцкія, так і гарадскія. На ўніверсітэцкай канферэнцыі прадставіў творчую работу па філасофіі, за якую аўтару была прысвоена першая катэгорыя. На дадзены момант – студэнт 5 курса. Літаратура займае значную частку жыцця маладога пісьменніка.

АВТООТВЕТЧИК

Всё зависит от одностороннего настраивания диапазона частоты. Перед закрытием на ключ радиовещательной станции одинокий ведущий замирает. Он выпрямляется и понимает, что с самого первого дня работы никто не улавливал сигнала от его передатчика. Годы работы без поклонников, без одобрительных похлопываний по плечу. Расплывающиеся в пространстве, не опознанные приёмниками радиоволны.

— Я совсем не могу до тебя дозвониться! Есть кто дома? Нам нужно поговорить, и чем раньше ты это поймёшь, тем больше у нас времени. Перезвони мне, слышишь?

«Оставьте своё сообщение после сигнала».

* * *

Неважно когда, неважно где, но это может произойти с каждым из нас. Этот феномен не выбирает ни числа, ни месяца. У него нет даты. Рано или поздно всё пойдет наперекосяк. Нет изначально сильных, ими становятся, нет слабых, ими становятся. Вы задумывались об этом? У всех свои причины. Бог решает проверить нас на прочность. Он проявляет свои не самые характерные качества управляющего, обрекая на испытание плод своих творений. Аттракционы, где бесплатный вход, где ты нескончаемо движешься в надежде на конец путешествия по рельсам в вагончике без сладкого. Как он выбирает, чем руководствуется? Зачем? Может, у нас остаются долги из прошлых жизней, и нам нужно их оплатить? Может, люди стали скучными для наблюдения, а Бог — слишком раздражительным? Вспоминается учение Дарвина. У нас три варианта: жизнь,

АЎТААДКАЗНІК

Усё залежыць ад аднабаковага наладжвання дыяпазону частаты. Перад закрыццём на ключ радыёвяшчальнай станцыі самотны вядучы замірае. Ён выпростваецца і разумее, што з самага першага дня працы ніхто не атрымліваў сігнала ад яго перадатчыка. Гады працы без прыхільнікаў, без ухвальных паляпванняў па плячы. Згубленыя ў прасторы, не злоўленыя прыёмнікамі радыёхвалі.
– Я зусім не магу да цябе датэлефанавацца! Ёсць хто дома? Нам трэба пагаварыць, і чым раней ты гэта зразумееш, тым больш у нас часу. Перазвані мне, чуеш?
«Пакіньце сваё паведамленне пасля сігналу».

* * *

Усё роўна калі, усё роўна дзе, але гэта можа адбыцца з кожным з нас. Гэты феномен не выбірае ні чысла, ні месяца. У яго няма даты. Рана ці позна ўсё пойдзе не так. Няма спрадвечна моцных, імі становяцца, няма слабых, імі становяцца. Вы задумваліся пра гэта? Ва ўсіх свае прычыны. Бог вырашае праверыць нас на трываласць. Ён праяўляе свае не самыя характэрныя якасці кіраўніка, асуджаючы на выпрабаванне свае тварэнні. Атракцыёны, дзе бясплатны ўваход, дзе ты бясконца рухаешся ў надзеі на канец падарожжа па рэйках у вагончыку без салодкага. Як ён выбірае, чым кіруецца? Навошта? Можа, у нас застаюцца даўгі з мінулых жыццяў, і нам трэба іх вярнуць? Можа, людзі сталі нецікавымі для назірання, а Бог – занадта раздражнёным? Успамінаецца вучэнне Дарвіна. У нас тры варыянты: жыццё, існаванне, смерць. Дзейнічае зусім іншая сіла, не тая, пра якую казаў Чарлі. Самае

существование, смерть. Действует совсем иная сила, не та, про которую говорил Чарли. Самое страшное испытание — когда неоткуда ждать помощи. Всё зависит только от тебя, помочь себе сможешь только ты сам.

Когда ты не можешь быть ни в чём уверен. Когда неважно всё, что ты знал. Когда внутри тебя разворачивается несколько диспутов и дискуссий сразу. Вот что я имею в виду — когда никому не раздали слов, потому что заболел один из авторов сценария.

Может показаться, что ты понимаешь, как устроен этот часовой механизм. Но, чёрт возьми, это всего лишь расширение границ возможностей проклятого субъективного изображения через органы чувств. Опять. Всё так ненадёжно. Всё так бессмысленно. Можно отсчитывать годы жизни по этим обновлениям в твоей программе по оптимизации сотрудничества с внешним миром. Так будет правильнее.

* * *

Когда высказались обе стороны, когда вся слюна уже размазана по полу, возникает диалог: только я и судья, в кармане которого чек за оплаченное слушание. Всплывают кадры, вспышки воспоминаний о рьяном обсуждении моей судьбы, моих поступков, меня самого, где никто не молчал. Точно так всплывают мертвецы по весне, когда сходит лёд. Неприятно, когда правду смешивают с грязью и выдают за истину. Свидетелей было не остановить: плескаясь в своём красноречии, они забывали о вежливости. Самолюбивый истец жадно изливал на меня витиеватый слог, бурно вступал в прения, перебивая себя самого, не дожидаясь своего права высказаться. А сейчас в этой душной аудитории справедливости — только мы, присяжных отпустили по домам, дело уж слишком затянулось, и я сижу напротив мужчины в чёрном. Кто ему заплатил? Фальшивый судья, продажный

страшнае выпрабаванне – калі няма адкуль чакаць дапамогі. Усё залежыць толькі ад цябе, дапамагчы сабе зможаш толькі ты сам.
Калі ты не можаш быць ні ў чым упэўнены. Калі не мае значэння ўсё, што ты ведаў. Калі ўнутры ў цябе разгортваецца некалькі дыспутаў і дыскусій адразу. Вось што я маю на ўвазе – калі нікому не раздалі слоў, таму што захварэў адзін з аўтараў сцэнарыя. Можа здацца, што ты разумееш, як працуе гэты часавы механізм. Але, чорт яго бяры, гэта ўсяго толькі пашырэнне межаў магчымасцяў праклятага суб'ектыўнага выяўлення цераз органы пачуццяў. Зноў. Усё так ненадзейна. Усё так бессэнсоўна. Можна адлічваць гады жыцця па гэтых абнаўленнях у тваёй праграме па аптымізацыі супрацоўніцтва са знешнім светам. Так будзе правільна.

* * *

Калі выказаліся абодва бакі, калі ўся сліна ўжо размазаная па падлозе, узнікае дыялог: толькі я і суддзя, у кішэні якога чэк за аплачанае слуханне. Усплываюць кадры, успышкі ўспамінаў пра заўзятае абмеркаванне майго лёсу, маіх учынкаў, мяне самога, дзе не маўчаў ніхто. Гэтак усплываюць мерцвякі па вясне, калі сыходзіць лёд. Непрыемна, калі праўду змешваюць з брудам і выдаюць за праўду. Сведкаў было не спыніць: плёскаючыся ў сваім красамоўстве, яны забываліся пра ветлівасць. Самалюбны ісцец прагна выліваў на мяне мудрагелістыя прамовы, бурна ўступаў у спрэчкі, перабіваючы сябе самога, не чакаючы ўласнага права выказацца. А цяпер у гэтай душнай аўдыторыі справядлівасці – толькі мы, прысяжных адпусцілі па дамах, справа ўжо занадта зацягнулася, і я сяджу насупраць мужчыны ў чорным. Хто яму заплаціў? Фальшывы суддзя, прадажны вяршыцель правасуддзя. Яго твар, я не магу яго разгледзець. Усё размыта,

вершитель правосудия. Его лицо, я не могу его разглядеть. Всё размыто, как будто я забыл дома свои очки, которых у меня нет. Кому это нужно?

В то время как секреция слюнных желёз плавно растекается по дешёвому ламинату, я начинаю с ним разговор:

— Почему никого нельзя спасти? Почему нельзя спасти себя? Мы торопимся. Мы бежим. Мы не успеваем. Так и пройдёт жизнь в погоне за ответами, за собиранием кусочков мозаики.

Ваша честь, мне каждую ночь снится один и тот же сон, я не могу спать, я боюсь закрыть глаза и увидеть снова этого толстого переводчика Библии. Мартин Лютер знакомит меня с двенадцатилетним мальчиком, страдающим аутизмом, с ребёнком, как он сам его называет, бездушной массой плоти. И тот начинает умело собирать мою мозаику, кусочек за кусочком, безошибочно находя подходящие детали. Когда уже всё готово, я замечаю цельную картинку: Мартин, мальчик, одержимый дьяволом, и я. Картинка начинает меняться, персонажи на ней оживают: переводчик, мальчик с потребностью в однообразии и я, уставившийся на собранный ужас и не способный отвести взгляд. Мы находимся в каком-то карцере, они смеются, показывая на меня пальцем, и уходят, я поднимаю голову и вижу то же самое: я в карцере, и передо мной захлопывают дверь. А потом просыпаюсь.

Знаю, что я давно у вас на плохом счету за своё девиантное поведение, но я обеспокоен всем этим, я хочу излечиться. От чего мои беды? Может, уже придумали специальные таблетки? Где их можно достать?

— Послушай, мы отклонимся от разбирательства твоего дела и поговорим вот о чём. Я знаю, как тебе помочь, есть один верный способ решения проблемы, всегда был у тебя под рукой, как заряженный револьвер, он ждал тебя. Он имеет столько образов и воплощений, ты себе даже не представляешь. Люди такие изобретательные, ты можешь стать знаменитостью. У тебя большой потенциал, выбирай любое из его воплощений и действуй.

быццам я забыўся дома свае акуляры, якіх у мяне няма. Каму гэта трэба? У той час як секрэцыя слінных залоз плаўна расцякаецца па танным ламінаце, я пачынаю з ім размову:
– Чаму нікога нельга вырataваць? Чаму нельга выратаваць сябе? Мы спяшаемся. Мы бяжым. Мы не паспяваем. Так і мінае жыццё ў пагоні за адказамі, за збіраннем кавалачкаў мазаікі.
Ваша чэсць, мне кожную ноч сніцца адзін і той жа сон, я не магу спаць, я баюся заплюшчыць вочы і ўбачыць зноў гэтага тоўстага перакладчыка Бібліі. Марцін Лютар знаёміць мяне з дванаццацігадовым хлопчыкам, які пакутуе на аўтызм, з дзіцём, як ён сам яго называе, бяздушнай масай плоці. І той пачынае ўмела збіраць маю мазаіку, кавалачак за кавалачкам, беспамылкова знаходзячы прыдатныя дэталі. Калі ўжо ўсё гатова, я заўважаю суцэльны малюнак: Марцін, хлопчык, апантаны д'яблам, і я. Малюнак пачынае змяняцца, персанажы на ім ажываюць: перакладчык, хлопчык з патрэбай у аднастайнасці і я, што ўтаропіўся ў сабраны жах і не здольны адвесці погляд. Мы знаходзімся ў нейкім карцары, яны смяюцца, паказваючы на мяне пальцам, і сыходзяць, я падымаю галаву і бачу тое ж самае: я ў карцары, і перада мной з грукатам зачыняюць дзверы. А потым прачынаюся.
Ведаю, што я даўно ў вас на дрэнным рахунку за свае дэвіянтныя паводзіны, але я занепакоены ўсім гэтым, я хачу ачуняць. Ад чаго мае беды? Можа, ужо прыдумалі спецыяльныя таблеткі? Дзе іх можна дастаць?
– Паслухай, мы адхілімся ад разбору тваёй справы і пагаворым вось пра што. Я ведаю, як табе дапамагчы, ёсць адзін верны спосаб вырашэння праблемы, ён заўсёды быў у цябе пад рукой, як зараджаны рэвальвер, ён чакаў цябе. Ён мае столькі вобразаў і ўвасабленняў, ты сабе нават не ўяўляеш. Людзі такія вынаходлівыя, ты можаш стаць знакамітасцю. У цябе вялікі патэнцыял, выбірай любое з яго ўвасабленняў і дзейнічай.

Помнишь фильм «Диллинджер» — про преступника, который скрывался от полиции, грабителя банков на Среднем Западе США? Ему нужно было столько патронов, оружия, чтобы совершать налёты и удовлетворять свои амбиции таким способом. А фильм про официантку Бонни и преступника Клайда, помнишь, как они были счастливы, когда мысли о лёгкой наживе овладевали ими, мысли о набитых карманах во времена Великой депрессии? Тебе же нужен только один патрон, и вопросы перестанут тебя тревожить. У тебя своя история, по которой снимут свой фильм, она достойна режиссёрской работы, а в начале фильма скажут, что он основан на реальных событиях и все лица в фильме — реально существовавшие люди. Разве это не здорово, разве не этого ты хочешь?
— Не думаю, что это лучшее решение, потому что эта мысль, она как вредитель, начинает питаться моим подсознанием, истощает его и грабит без автомата Томпсона. Вы говорите об усыплении разума, а именно этот, единственный, по вашим словам, способ имеет убийственный эффект, это не поможет мне разобраться. Это делает нас слабыми, уязвимыми, заставляет думать, что мы делаем всё правильно, выбирая лёгкий путь, но это не так. А как же моё олимпийское рвение, вы о нём подумали? Страсть к разгадыванию тайн? Вы что, не читали книжек Конан Дойля?
— Нет, это всё вздор, всё, что ты сказал. Это единственное спасение, поверь мне. Это решение давно уже не девиация. Оно перестало быть уникальным, идеи такого рода стали нормой, всё стало нормой при количестве вопросов, превышающем количество ответов. Любые весы портятся после взвешивания этих вопросов. Воспользуйся давно проверенным способом и перестань морочить мне и себе голову, дай себе возможность расслабиться наконец, выдохнуть. Пенициллин открыли в 1928-м, не изобретай велосипед. Ты перестанешь бояться общественного мнения, любого несоответствия, быть не похожим на других, выделяться из массы. Мы не любим лишних вопросов. Мир, где

Памятаеш фільм «Дылінджар» – пра злачынцу, які хаваўся ад паліцыі, рабаўніка банкаў на Сярэднім Захадзе ЗША? Яму трэба было столькі патронаў, зброі, каб здзяйсняць налёты і задавольваць такім шляхам свае амбіцыі. А фільм пра афіцыянтку Боні і злачынца Клайда, памятаеш, якія яны былі шчаслівыя, калі думкі пра лёгкую нажыву апаноўвалі іх, думкі пра набітыя кішэні ў часы Вялікай дэпрэсіі? Табе ж патрэбен толькі адзін патрон, і пытанні перастануць цябе трывожыць. У цябе свая гісторыя, па якой здымуць фільм, яна вартая рэжысёрскай працы, а ў пачатку фільма скажуць, што ён заснаваны на рэальных падзеях і ўсе асобы ў фільме – рэальныя. Хіба гэта не выдатна, хіба не гэтага ты хочаш?
– Не думаю, што гэта лепшае рашэнне, таму што гэтая думка, яна як шкоднік, пачынае жывіцца маёй падсвядомасцю, высільвае яе і рабуе без аўтамата Томпсана. Вы кажаце пра сны розуму, а менавіта гэты, адзіны, па вашых словах, спосаб мае забойчы эфект, гэта не дапаможа мне разабрацца. Гэта робіць нас слабымі, уразлівымі, прымушае думаць, што мы робім усё правільна, выбіраючы лёгкі шлях, але гэта не так. А як жа мая алімпійская стараннасць, вы пра яе падумалі? Імкненне да разгадвання таямніц? Вы што, не чыталі кніжак Конан Дойля?
– Не, гэта ўсё глупства, усё, што ты сказаў. Гэта адзінае выратаванне, павер мне. Гэта рашэнне даўно ўжо не дэвіяцыя. Яно перастала быць унікальным, ідэі такога кшталту сталі нормай, усё стала нормай пры колькасці пытанняў, якая перавышае колькасць адказаў. Любыя шалі псуюцца пасля ўзважвання гэтых пытанняў. Скарыстайся даўно правераным спосабам і перастань тлуміць мне і сабе галаву, дай сабе магчымасць расслабіцца нарэшце, выдыхнуць. Пеніцылін адкрылі ў 1928-м, не вынаходзь ровар. Ты перастанеш баяцца грамадскай думкі, любой неадпаведнасці, быць непадобным да іншых, вылучацца з масы. Мы не любім лішніх пытанняў. Свет, дзе баяцца задаваць пытанні. Усё да гэтага ідзе, вельмі хутка ўсё да гэтага прыйдзе. І ты хочаш жыць у такім свеце?

боятся задавать вопросы. Всё к этому идёт, очень скоро всё к этому придёт. И ты хочешь жить в таком мире?

— Ладно, сдаюсь, больше не смею переубеждать вас. Всё бессмысленно, и мне пора домой.

Я поступлю так, как считаю нужным, только зря потратил время.

Мои руки поджигают письмо с повесткой и вкладывают ему в верхний карман мантии. Через пару дней я найду в почтовом ящике письмо с приглашением на повторное слушание.

Я опять один, один в густой тишине, как вдруг её нарушает распространяющийся по комнате звук. Что это? Что это такое? Как от него избавиться? Вы слышите, как уходит время? Это не становится историей сейчас. Это ещё не последовательность событий. Это происходит. Как же трудно в это поверить. Я хочу быть здесь, а не в прошлом. За столом перед папкой с нерешёнными мною делами, на которую никогда не оседает пыль. Уберите от меня эту груду листов, измазанных чернилами.

И тут я вспоминаю фразу судьи, которая эхом отдаётся в моей голове. Я переступал через порог, когда он сказал: «Ответ один, помнишь? Жизнь — это СПИД. Терминальная стадия ВИЧ-инфекции. Она не перестаёт удивлять нас, не жалея никого на своём пути, как рибонуклеиновая кислота, модифицируясь, снижает количество специальных лейкоцитов. Она быстро адаптируется, и наш иммунитет не справляется со своей функцией. Мы и есть эти несчастные лейкоциты, которые сдают позиции, позволяя вирусу реплицироваться и достигать высоких концентраций в крови. Больно. Хватит бороться, перестань прилагать тщетные усилия. Выбор за тобой. Выбор один».

В этот момент в комнату входит мой психиатр, расплывающийся в требованиях моей семьи, не скрывающий от меня своих предположений. У него начищенные коричневые ботинки, красный галстук, который спрятан под свитером в ромбах.

– Добра, здаюся, больш не маю права пераконваць вас. Усё бессэнсоўна, і мне пара дамоў.
Я зраблю так, як лічу патрэбным, толькі дарма выдаткаваў час.
Мае рукі падпальваюць ліст з позвай і ўкладаюць яму ў верхнюю кішэню мантыі. Праз пару дзён я знайду ў паштовай скрыні ліст з запрашэннем на паўторнае слуханне. Я зноў адзін, адзін у густой цішыні, як раптам яе парушае нейкі гук, што распаўсюджваецца па пакоі. Што гэта? Што гэта такое? Як ад яго пазбавіцца? Вы чуеце, як сыходзіць час? Гэта не становіцца гісторыяй зараз. Гэта яшчэ не паслядоўнасць падзей. Гэта адбываецца. Як жа цяжка ў гэта паверыць. Я хачу быць тут, а не ў мінулым. За сталом перад папкаю з нявырашанымі мною справамі, на якую ніколі не асядае пыл. Прыбярыце ад мяне гэты стос аркушаў, запэцканых чарніламі.
І тут я ўспамінаю фразу суддзі, якая рэхам аддаецца ў маёй галаве. Я пераступаў цераз парог, калі ён сказаў: «Адказ адзін, памятаеш? Жыццё – гэта СНІД. Тэрмінальная стадыя ВІЧ-інфекцыі. Яна не перастае здзіўляць нас, не шкадуючы нікога на сваім шляху, як рыбануклеінавая кіслата, мадыфікуючыся, зніжае колькасць спецыяльных лейкацытаў. Яна хутка адаптуецца, і наш імунітэт не спраўляецца са сваёй функцыяй. Мы і ёсць гэтыя няшчасныя лейкацыты, якія здаюць пазіцыі, дазваляючы вірусу рэпліцыравацца, дасягаць высокіх канцэнтрацый у крыві. Балюча. Хопіць змагацца, перастань прыкладаць марныя намаганні. Выбар за табой. Выбар адзін».
У гэты момант у пакой уваходзіць мой псіхіятр, які расплываецца ў патрабаваннях маёй сям'і, не хавае ад мяне сваіх здагадак. У яго начышчаныя карычневыя чаравікі, чырвоны гальштук, схаваны пад світарам у ромбы. У яго нахабнай усмешцы жыва выгінаецца ўмела схаваная перавага. Зараджаецца маналог.
– Хочаш, распавяду табе, што будзе далей? У цябе паталогія, і яна невылечная. Ты так і будзеш нікім. Застанешся фаталістам на мяжы мінулага, сучаснасці і будучыні.

В его наглой ухмылке живо извивается умело спрятанное превосходство. Зарождается монолог.

— Хочешь, расскажу тебе, что будет дальше? У тебя патология, и она неизлечима. Ты так и будешь никем. Останешься фаталистом на границе прошлого, настоящего и будущего. Застрянешь неудачником в пространственно-временном континууме. Жуткое зрелище. Изо дня в день пытаешься сделать тише громкость пронзительного циферблата, жалуясь продавцу на неисправные часы, которые вечно спешат. Каждый вечер будешь заново заводить будильник в устройстве, где неумолимо двигаются стрелки. Сломанные кукушки в мусорном ведре.

Его односторонний разговор сменяется голосом из автоответчика домашнего телефона.

— Это снова я, звоню в очередной раз сказать, что нам нужно поговорить. Может, хватит, я знаю, что ты слышишь! Возьми эту чёртову трубку и перестань вести себя как несчастный трус. Подними эту чёртову трубку сейчас!

«Оставьте своё сообщение после сигнала».

Телефон летит прямо в стену. Рвётся сетевой провод, обрывая невидимого собеседника на полуслове. Я поднимаю с пола кассету из автоответчика, и она трескается, когда я сжимаю её в руках. Осколки застывшего голоса разлетаются по комнате.

Буду ли я ждать свою жизнь, ведь сейчас одно существование, это не жизнь, а плаха. Так больше нельзя. Буду ли я ждать время, когда мне уже будет всё равно? Когда будет плевать на рассуждения каждого члена из совета директоров, на все эти совещания в моей голове. Вопрос жизни. Вопрос времени. Вопрос терпения.

Мой ответ — нет.

Я лечу вниз, выпрыгнув с последнего этажа этого прекрасного кондоминиума, последний раз смотрю на всё это, на эти облака, скрывавшие солнце весь этот паршивый день, на крыши, под которыми обитают люди, никогда не прекращающие придумывать себе проблемы. Даже не хочу уточнять, какие именно, вы

Завязнеш няўдачнікам у прасторава-часавым кантынууме. Жудаснае відовішча. З дня ў дзень спрабуеш зрабіць цішэй гук пранізлівага цыферблата, скардзішся прадаўцу на няспраўныя гадзіннікі, якія вечна спяшаюцца. Кожны вечар будзеш зноўку заводзіць будзільнік прылады, у якой няўмольна рухаюцца стрэлкі. Зламаныя зязюлі ў сметніку.
Яго аднабаковая размова змяняецца голасам з аўтаадказніка хатняга тэлефона.
– Гэта зноў я, тэлефаную ў чарговы раз сказаць, што нам трэба пагаварыць. Можа, хопіць, я ведаю, што ты чуеш! Вазьмі гэтую чортаву слухаўку і перастань паводзіць сябе як няшчасны баязлівец. Падымі гэтую чортаву слухаўку зараз!
«Пакіньце сваё паведамленне пасля сігналу».
Тэлефон ляціць у сцяну. Рвецца сеткавы провад, абрываючы нябачнага суразмоўцу на паўслове. Я падымаю з падлогі касету з аўтаадказніка, і яна трэскаецца, калі я сціскаю яе ў руках. Асколкі застылых галасоў разлятаюцца па пакоі.
Ці буду я чакаць сваё жыццё, бо цяпер гэта толькі існаванне, гэта не жыццё, а плаха. Так больш нельга. Ці буду я чакаць той час, калі мне ўжо стане ўсё роўна? Калі будзе пляваць на развагі кожнага члена з савета дырэктароў, на ўсе гэтыя нарады ў маёй галаве. Пытанне жыцця. Пытанне часу. Пытанне цярпення.
Мой адказ – не.
Я лячу ўніз, выскачыўшы з апошняга паверха гэтага цудоўнага кандамініума, апошні раз гляджу на ўсё гэта, на гэтыя аблокі, што хаваюць сонца ўвесь гэты паршывы дзень, на дахі, пад якімі жывуць людзі, якія няспынна прыдумляюць сабе праблемы. Нават не хачу ўдакладняць, якія менавіта, вы і так усё ведаеце. Бывайце. Побач ляцяць мае дарадцы. Суддзя. Існец. Адвакат, які ўвесь час маўчаў. Мой асабісты псіхатэрапеўт, які сказаў шмат. Дастаткова. На маім твары з'яўляюцца маршчынкі каля рота, я ўсміхаюся. Мне, праўда, спадабалася, жыццё – файная штука.

и так всё знаете. Прощайте. Рядом летят мои советники. Судья. Истец. Адвокат, который всё время молчал. Мой личный психотерапевт, который сказал много. Достаточно. На моём лице появляются морщинки в области рта, я улыбаюсь. Мне, правда, понравилось, жизнь — классная штука.

* * *

В полёте ни на мгновение не прерывается внутренний монолог. Я продолжаю задавать себе всё те же вопросы. Разве нельзя было понять это с самого начала? Пока ты не зашёл ещё слишком далеко? Когда уже твои вопросы, воплотясь в лица, страдающие диссоциальным расстройством личности, без приглашения вламываются к тебе в квартиру. Всё происходит внезапно, как изжога от недавно начавшего перевариваться обеда, приготовленного на неменяющемся масле в местном кафе. У них есть ключи от всех дверей, любой замок можно взломать, и твой не исключение. Открывается дверь комнаты, и всё происходит как в замедленной киносъёмке. Ты замечаешь, как щёлкает затвор замка, как поворачивается ручка. Ты слышишь быстрые шаги, направляющиеся к человеку с бессонницей. А твои родные, они все так сладко спят, завидуешь, вспоминая их беззаботные лица. Это происходит ночью. Личности с диссоциальным расстройством надевают тебе на голову мешок и забирают с собой, в то время как под пыльным мешком твои зрачки расширяются. Увозят куда-то, но ты не знаешь, куда. А когда с раздутой от собственных вопросов головы снимают непроницаемую ткань, то начинают кормить тебя новыми вопросами. Допрос в стиле «ничего личного». Ты слышишь, как за стенами кого-то ещё пытают, им задают похожие вопросы. И ты, измучивший своё сознание, прижавшись спиной к перегородке между больными людьми, плачешь, размахивая руками, и кричишь: «Отстаньте от меня, я ничего не знаю, отвезите меня домой!».

* * *

У палёце ні на імгненне не перапыняецца ўнутраны маналог. Я працягваю задаваць сабе ўсё тыя ж пытанні. Хіба нельга было зразумець гэта з самага пачатку? Пакуль ты не зайшоў яшчэ занадта далёка? Калі твае пытанні ператварыліся ў асоб, якія пакутуюць на дысацыяльныя расстройствы, асоб, якія без запрашэння ўрываюцца ў тваю кватэру. Усё адбываецца раптоўна, як пякотка ад абеду, прыгатаванага на нязменным алеі ў мясцовай кавярні. У іх ёсць ключы ад усіх дзвярэй, любы замок можна ўзламаць, і твой не выключэнне. Адчыняюцца дзверы пакоя, і ўсё адбываецца як у запаволенай кіназдымцы. Ты заўважаеш, як пстрыкае замок, як паварочваецца ручка. Ты чуеш хуткія крокі, якія накіроўваюцца да чалавека з бессанню. А твае родныя, яны ўсе так салодка спяць, зайздросціш, успамінаючы іх бестурботныя твары. Гэта адбываецца ўначы. Асобы з дысацыяльнымі расстройствамі надзяваюць табе на галаву мяшок і забіраюць з сабой, пад пыльным мяшком твае зрэнкі пашыраюцца. Вязуць кудысьці, але ты не ведаеш, куды. А калі з раздзьмутай ад уласных пытанняў галавы здымаюць тоўстую тканіну, то пачынаюць карміць цябе новымі пытаннямі. Допыт у стылі «нічога асабістага». Ты чуеш, як за сценамі кагосьці яшчэ катуюць, задаюць падобныя пытанні. І ты, змучаны ўласнай свядомасцю, прыціснуўшыся спінай да перагародкі паміж хворымі людзьмі, плачаш, размахваючы рукамі, і крычыш: «Адчапіцеся ад мяне, я нічога не ведаю, адвязіце мяне дадому».

Бо можна было да гэтага не даводзіць, а зразумець, што не на ўсе пытанні ёсць адказы. І што часам трэба прыняць усё як ёсць.

Ведь можно было до этого не доводить, а понять, что не на все вопросы есть ответы. И что иногда нужно принять всё как есть.

* * *

Я замираю в сантиметре от моей судьбы, лицом к лицу с будущей эпитафией, написанной моими же внутренностями на асфальте. Ещё чуть-чуть — и я умру. Что за чёрт, что опять такое? Почему я лечу в обратном направлении, на то место, где мои ноги в последний раз твёрдо стояли на поверхности? Как будто кто-то отматывает время назад. Всё поменяло ход событий. Всё происходит с точностью до наоборот, я проделываю все те же движения, которые производил незадолго до прыжка. Мной управляет время, вот этого я и боялся. Я не могу пошевелиться. Кто-то мотает назад ровно пять минут. Те пять минут, за которые я решил перестать существовать. Для чего это всё? Я не хочу! Остановитесь, кто бы это ни был. Хватит управлять моей смертью, это уж слишком, зачем лишаете меня выбора? Я двигаюсь задом наперёд до кульминационной главы в этой новелле. В тот момент, когда начинает звонить телефон и я всё же решаюсь поднять трубку.

* * *

Мне дали второй шанс, и это не может быть совпадением или случайностью, если верить в реинкарнацию, то мы сами выбираем, кем нам быть. Если я выбрал себя, значит я посчитал этого героя занимательным и лично захотел прочувствовать всю его увлекательную историю, начиная с оглавления и заканчивая последним знаком препинания.

* * *

Я заміраю у сантыметры ад майго лёсу, твар у твар з будучай эпітафіяй, напісанай маімі ж вантробамі на асфальце. Яшчэ ледзь-ледзь – і я памру. Што за чорт, што зноў такое? Чаму я лячу ў адваротным напрамку, на тое месца, дзе мае ногі ў апошні раз цвёрда стаялі на паверхні, як быццам хтосьці адмотвае час назад. Усё змяніла ход падзей. Усё адбываецца з дакладнасцю да наадварот, я раблю ўсё тыя ж рухі, якія рабіў незадоўга да скачка. Мной кіруе час, вось гэтага я і баяўся. Я не магу паварушыцца. Хтосьці адматаў назад роўна пяць хвілін. Тыя пяць хвілін, за якія я вырашыў перастаць існаваць. Для чаго гэта ўсё? Я не хачу! Спыніцеся, хто б гэта ні быў. Хопіць кіраваць маёй смерцю, гэта ўжо занадта, навошта пазбаўляеце мяне выбару? Я рухаюся задам наперад да кульмінацыйнага раздзелу ў гэтай навэле. У той момант, калі пачынае званіць тэлефон і я ўсё ж рашаюся ўзяць слухаўку.

* * *

Мне далі другі шанс, і гэта не можа быць супадзеннем або выпадковасцю, калі верыць у рэінкарнацыю, то мы самі выбіраем, кім нам быць. Калі я выбраў сябе, значыць я палічыў гэтага героя займальным і асабіста захацеў адчуць усю яго займальную гісторыю, пачынаючы са зместу і да апошняга знака прыпынку.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЗМЕСТ

4 Григорий Рапота
Государственный секретарь Союзного государства

8 Члены экспертного совета

11 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ

13 Евгений Капустин
Воспоминания о войне и не только

45 Илья Луданов
Звериной тропой

63 Георгий Фомин
Иллюзия полезности

93 Ирина Иванникова
Васильковые души

109 Мария Первушина
Тишина и я

151 Елизавета Рожкова
Ты называешься богом

169 Юлия Богданова
Вчера я видел

5 Григорий Рапота
Государственный секретарь Союзного государства

9 Члены экспертнага савета

11 МАЛАДЫЯ РАСІЙСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ

13 Яўген Капусцін
Успаміны аб вайне і не толькі

45 Ілья Луданаў
Звярынаю сцежкай

63 Георгій Фамін
Ілюзія карыснасці

93 Ірына Іваннікава
Васільковыя душы

109 Марыя Пярвушына
Цішыня і я

151 Лізавета Ражкова
Ты называешся богам

169 Юлія Багданава
Учора я бачыў

181 МОЛОДЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

183 Катерина Федотова
Марьина осень

199 Виктория Синюк
Разыскивается философ

225 Алёна Попко
Волчица

251 Андрей Диченко
«Европа»

265 Алексей Старухин
Пульс на грани восторга

307 Татьяна Захаренко
Кара небесная

327 Вячеслав Котов
Автоответчик

181 МАЛАДЫЯ БЕЛАРУСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ

183 Кацярына Фядотава
Мар'іна восень

199 Вікторыя Сінюк
У пошуках філосафа

225 Алёна Папко
Ваўчыца

251 Андрэй Дзічэнка
«Еўропа»

265 Аляксей Старухін
Пульс на мяжы захаплення

307 Таццяна Захаранка
Кара нябесная

327 Вячаслаў Котаў
Аўтаадказнік

Литературно-художественное издание

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
ЛІТАРАТУРНЫ АЛЬМАНАХ**

Выпуск 2

Редактор *Н. Ю. Карасёва*
Художественное оформление *В. Г. Павловец*
Компьютерная вёрстка *О. А. Амельченко*
Стильредактор *А. В. Климович*

Подписано в печать 20.08.2015.
Формат 100×90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 36,74. Уч.-изд. л. 14,41.
Тираж 1019 экз. Заказ .

Постоянный Комитет Союзного государства.
Еропкинский пер., д. 5, стр. 1, 119034, г. Москва.

Редакционно-издательское учреждение
«Издательский дом «Звязда».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/8 от 02.08.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 10а, 220013, г. Минск.

Открытое акционерное общество
«Полиграфический комбинат им. Я. Коласа».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 2/3 от 04.10.2013.
Ул. Корженевского, 20, 220024, г. Минск.